

Луиза Мэй
Олкотт

Маленькие
мужчины

Добрые книги

Annotation

Третья из четырёх увлекательных книг Луизы Мей Олкотт — продолжение книг "Маленькие женщины" и "Хорошие жены". В ней рассказывается о Джо Марч, которая открывает школу для детей и воспитывает их с любовью матери, встречаясь с трудностями на пути, но не теряя надежду и любовь к своим воспитанникам, она вместе с мужем и учениками выходит победительницей в этой жизненной борьбе.

-
- [МАЛЕНЬКИЕ МУЖЧИНЫ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)

- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)

- [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
-

Луиза Мей Олкотт

**Маленькие
мужчины**

2006

МАЛЕНЬКИЕ МУЖЧИНЫ

Жизнь в Пламфильде с мальчиками

Джо

Фредди и Джонни, маленьким мужчинам, которым она обязана некоторыми из лучших и счастливейших часов ее жизни, с благодарностью посвящает эту книгу их любящая "тетя Уиди"

Глава 1

Нат

— Простите, сэръ, это Пламфильд? — спросил маленький оборванец, приближаясь к воротам, у которых его оставил омнибус.

— Да, — кивнул открывший ворота мужчина. — Кто тебя прислал?

— Мистер Лоренс. У меня письмо от него к хозяйке.

— Хорошо. Иди прямо в дом и отдай ей письмо. Она позаботится о тебе, паренек.

Мужчина говорил приветливо, и мальчик прошел за ворота, ободренный его словами. Хотя на пробивающуюся из-под земли молодую травку и деревья с набухшими почками лениво моросил весенний дождик, большой дом со старинным крыльцом, широкими ступенями и светом, сиявшим во многих окнах, показался Нату гостеприимным на вид. Ни шторы, ни ставни не скрывали веселых огней, горевших в комнатах, и, чуть помедлив, прежде чем постучать в дверь, Нат увидел множество маленьких теней танцующих на стенах, услышал приятный гул юных голосов, и почувствовал, что весь этот свет, тепло и уют дома, скорее всего, не для таких бездомных "пареньков", как он.

"Надеюсь, что хозяйка все же выйдет ко мне", — подумал он, робко постучав в дверь большим бронзовым дверным молотком с забавным наконечником в виде головы грифона.

Дверь открыла розовощекая служанка, которая, казалось, привыкла встречать незнакомых мальчиков. Она с улыбкой взяла письмо, которое он молча протянул ей, и, приветливо кивнув, указала ему на скамью в передней:

— Посиди-ка здесь, пусть с тебя немного покапает на коврик; а я сейчас отдам это хозяйке.

Скучать в ожидании ответа Нату не пришлось. Он с любопытством разглядывал все вокруг — разглядывал с удовольствием, но радуясь, что может делать это незамеченным, оставаясь в тускло освещенной нише возле самой двери.

Дом, казалось, был полон мальчиков, посвящавших дождливые сумерки всевозможным развлечениям. Мальчики мелькали везде; можно было подумать, что они "и наверху, и внизу, и в спальне хозяйки", так как в открытые двери были видны привлекательные группки больших мальчиков, маленьких мальчиков и среднего размера мальчиков во всех стадиях вечернего отдыха, чтобы не сказать бурной деятельности. Две большие комнаты справа от входа были, очевидно, классными комнатами — там виднелись парты, классные доски, географические карты и разбросанные повсюду книжки. В открытом камине горел огонь, и несколько праздных мальчиков лежали на ковре перед ним, обсуждая новую площадку для крикета^[1] с таким оживлением, что их ботинки так и мелькали в воздухе. В углу высокий юноша упражнялся на флейте, не обращая внимания на весь шум и гам вокруг. Двое или трое других прыгали через парты, изредка останавливаясь, чтобы перевести дух и посмеяться над забавными рисунками маленького проказника, рисовавшего мелом на классной доске карикатуры на всех обитателей дома.

В комнате слева можно было видеть накрытый к ужину стол с большими кувшинами свежего молока, горами черного и белого хлеба и великолепных имбирных пряников, столь дорогих мальчишеским сердцам. В воздухе носился аромат поджаренных хлебцев и печеных яблок, весьма мучительный для носа и живота всякого голодного человека.

Сама передняя, однако, представляла наиболее привлекательное зрелище из всех: на втором этаже шла веселая игра в пятнашки, одна лестничная площадка была отведена игре в шарики, другая в шашки, в то время как саму лестницу занимали мальчик, читавший книжку, девочка, убаюкивавшая куклу, два щенка, котенок и постоянно сменявшие друг друга маленькие мальчики, съезжавшие вниз по перилам, с немалым ущербом для их одежды и большой опасностью для их рук и ног.

Ната так увлекло наблюдение за этой волнующей гонкой, что он отважился выйти из своего угла и подходил все ближе и ближе к лестнице; и когда один очень бойкий мальчуган съехал вниз так быстро, что не смог остановиться и со всего маху слетел на пол, Нат забылся и подбежал к упавшему, ожидая найти его полумертвым — и неудивительно: удар был такой силы, что, несомненно, проломленной

оказалась бы любая голова, кроме ставшей почти такой же твердой как пушечное ядро после одиннадцати лет постоянного набивания шишек. Упавший, тем не менее, только стремительно поморгал и, оставшись лежать спокойно, лишь взглянул вверх в незнакомое лицо с удивленным: "Привет!"

— Привет! — ответил Нат, не зная, что еще сказать, и находя эту форму ответа краткой и удобной.

— Ты новенький? — спросил лежащий на спине, не двигаясь с места.

— Еще не знаю.

— Как тебя зовут?

— Нат Блейк.

— Меня — Томми Бэнгз. Пошли наверх, прокатайся. Хочешь? — и Томми вскочил на ноги, как человек, неожиданно вспомнивший о своих обязанностях гостеприимного хозяина.

— Я думаю, не стоит. Ведь я пока еще не знаю, оставят меня здесь или нет, — ответил Нат, чувствуя, что желание остаться растет с каждым мгновением.

— Слышишь, Деми, тут новенький. Иди-ка сюда, займись им, — и бодрый Томас вернулся к занятиям своим спортом с ничуть неохладившейся страстью.

В ответ на его призыв, мальчик, занятый чтением, поднял большие карие глаза и, после короткой паузы, словно немного стесняясь, сунул книжку под мышку и степенно спустился по ступеням, чтобы приветствовать новичка, который нашел что-то очень привлекательное в приятном лице этого стройного незнакомца с мягким взглядом.

— Ты уже был у тети Джо? — спросил мальчик с книжкой, словно посещение тети было чем-то вроде важной церемонии.

— Нет, я еще никого не видел, кроме вас, мальчиков. Мне велели подождать, — отвечал Нат.

— Тебя прислал дядя Лори? — продолжал Деми, вежливо, но серьезно.

— Мистер Лоренс.

— Ну да, это дядя Лори. Он всегда присылает отличных новых мальчиков.

Ната обрадовало это замечание. Он улыбнулся, и выражение его худенького лица стало очень приятным. Он не знал, о чем говорить дальше, так что новые знакомые просто стояли и смотрели друг на друга в приветливом молчании, пока к ним не подошла маленькая девочка, державшая в объятиях куклу. Она была очень похожа на Деми, только не такая высокая, и лицо у нее было покруглее, порозовее, и глаза не карие, а голубые.

— Это моя сестра, Дейзи, — объявил Деми, словно представляя редкое и драгоценное существо.

Дети кивнули друг другу; на щеках девочки появились ямочки удовольствия. Она приветливо произнесла:

— Я надеюсь, ты останешься. Мы тут так хорошо проводим время, правда, Деми?

— Конечно, для этого у тети Джо и есть Пламфильд.

— Да, это, похоже, в самом деле, очень приятное место, — заметил Нат, чувствуя, что он должен ответить своим любезным юным собеседникам.

— Лучшее место на свете, правда, Деми? — сказала Дейзи, которая, очевидно, считала брата непререкаемым авторитетом.

— Нет, я думаю, что Гренландия, где есть айсберги и тюлени, все же интереснее. Но я люблю Пламфильд, и жить здесь очень приятно, — отвечал Деми, который как раз в это время с большим интересом читал книгу о Гренландии. Он уже собирался показать Нату картинки и дать к ним пояснения, когда вернулась служанка и, указав кивком головы на дверь гостиной, сказала:

— Все в порядке; ты остаешься.

— Как я рада! — воскликнула Дейзи. — Теперь пошли к тете Джо. — И она взяла его за руку с очаровательным видом покровительницы, заставившим Ната сразу почувствовать себя как дома.

Деми вернулся к своей любимой книжке, а его сестра повела новичка в заднюю комнату, где какой-то полный господин с двумя маленькими мальчиками предавались веселой возне на большом диване, а худая дама как раз кончала перечитывать какое-то письмо.

— Вот он, тетя! — воскликнула Дейзи.

— Значит, это мой новый мальчик? Рада видеть тебя, дорогой, и надеюсь, ты будешь счастлив здесь, — сказала дама, привлекая его к

себе и отводя мягким движением руки волосы с его лба. Ее по-матерински ласковый взгляд заставил одинокое сердце Ната сразу потянуться к ней.

Она не была красива, но у нее было веселое лицо, которое, казалось, так и не забыло прежних детских улыбок и выражений, и такой же веселый голос и манера обращения; и все это, что так трудно описать, но очень легко заметить и почувствовать, делало ее сердечной, приятной особой, с которой легко поладить, и вообще "славной", как выражались мальчики. Она заметила легкую дрожь губ Ната, когда приглаживала его волосы, и выражение ее зорких глаз стало мягче, но она только притянула фигурку в потрепанной курточке ближе и сказала, смеясь:

— Я мама Баэр; это папа Баэр, а это двое маленьких Баэров. Идите сюда, мальчики, и познакомьтесь с Натом.

Три борца мгновенно повиновались. Полный мужчина с пухлым малышом на каждом плече, подошел приветствовать нового мальчика. Роб и Тедди весело улыбнулись ему, а мистер Баэр пожал ему руку и, указывая на низенькое кресло у камина, сказал ласково, от всей души:

— Тут для тебя готово место, сын мой; садись и просуши свои мокрые ноги.

— Мокрые? Ну конечно! Ну-ка, дорогой, снимай сию же минуту туфли, а я живо принесу тебе все сухое, — воскликнула миссис Баэр, берясь за дело так энергично, что Нат не успел и глазом моргнуть, как обнаружил, что сидит в уютном небольшом кресле в сухих носках и теплых домашних тапках. Впрочем, он не стал моргать, а сказал вместо этого: "Спасибо, мэм", — сказал с такой благодарностью, что взгляд миссис Баэр опять стал нежен, и — так уж всегда проявлялась у нее нежность — она заговорила шутливо:

— Это тапки Томми Бэнгза; но он вечно забывает надевать их в доме; так что пусть обходится без них. Они, правда, слишком большие; но тем лучше: ты не сможешь убежать от нас так прытко, как если бы они были как раз.

— Я совсем не хочу убежать, мэм. — И Нат с долгим вздохом удовлетворения протянул изыбшие грязные руки к уютному пламени камина.

— Отлично! Я собираюсь хорошенько прогреть тебя, и мы попытаемся избавиться от этого противного кашля. Давно он у тебя,

дорогой? — спросила миссис Баэр, роясь в своей большой рабочей корзинке в поисках куска фланели.

— Всю зиму. Я простудился, и почему-то он не проходит.

— Ничего удивительного, если жить в сыром подвале, не имея почти никакой одежки! — сказала миссис Баэр вполголоса, обращаясь к мужу, который смотрел на мальчика пронизательными глазами, отметившими и худые виски, и запекшиеся губы, и хриплый голос и частые приступы кашля, сотрясавшие сторбленные плечи под залатанной курточкой.

— Робин, мой мальчик, беги к Нянюшке и скажи ей, чтобы дала тебе микстуру от кашля и мазь, — сказал мистер Баэр, после того как обменялся взглядами-посланиями с женой.

Нат взглянул с некоторой тревогой на эти приготовления, но его опасения быстро сменились сердечным смехом, когда миссис Баэр шепнула ему с веселым взглядом:

— Слышишь? Мой проказник Тедди тоже пытается кашлять! Сироп, который я собираюсь дать тебе, с медом; вот он и хочет тоже получить глоточек.

Маленький Тедди весь покраснелся от своих усилий к тому времени, когда появилась бутылка, так что ему было позволено облизать ложку, после того как Нат мужественно принял отмеренную ему дозу сиропа и позволил обмотать себе горло куском шерстяной фланели.

Эти первые шаги к излечению едва были завершены, когда зазвонил колокольчик и громкий топот в холле объявил об ужине. Робкий Нат содрогнулся при мысли о встрече с множеством незнакомых мальчиков, но миссис Баэр протянула ему руку, а Роб сказал, покровительственно,

— Не бойся; ты будешь со мной.

Двенадцать мальчиков, по шесть с каждой стороны, стояли у своих стульев, подпрыгивая от нетерпения, в то время как высокий флейтист пытался обуздать их пыл. Но ни один из них не сел за стол, пока миссис Баэр не заняла свое место за чайником, с Тедди по левую руку и Натом по правую.

— Это наш новый мальчик, Нат Блейк. После ужина вы сможете познакомиться поближе. Тише, мальчики, тише.

Пока она говорила, все таращились на Ната, а затем быстро заняли свои стулья, стараясь соблюдать порядок и совершенно не преуспев в этом. Баэры делали все, что могли, чтобы мальчики вели себя хорошо за едой, и обычно это удавалось им довольно неплохо, так как существовавшие в доме правила были немногочисленны и разумны, и мальчики, зная, что мама и папа Баэр хотят, чтобы все чувствовали себя непринужденно и были довольны, старались слушаться. Но бывают времена, когда голодных мальчиков нельзя обуздать без настоящей суровости, и субботний вечер, после весело проведенной половины выходных, был одним из таких моментов.

— Надо давать нашим дорогим хотя бы один день, когда они могли бы вопить и галдеть, и скакать, сколько душе угодно. Выходной не выходной без свободы и веселья; и мои мальчики должны иметь полную свободу раз в неделю, — обычно говорила миссис Баэр, когда какие-нибудь чопорные гости удивлялись, почему под крышей некогда столь пристойного во всех отношениях Пламфильда разрешается съезжать по перилам, драться подушками и играть во всевозможные буйные игры.

Порой казалось, что упомянутой крыше грозит совсем слететь с дома в субботний вечер, но до этого никогда не доходило, так как одно слово папы Баэра могло в любое время обеспечить полную тишину и покой, и мальчики понимали, что свободой не следует злоупотреблять. И так, вопреки многим мрачным предсказаниям, школа процветала, а манеры и моральные принципы прививались исподволь, так что ученики едва ли замечали, как это делается.

Нат нашел, что ему совсем неплохо за высокими кувшинами с Томми Бэнгзом по одну руку и миссис Баэр — чтобы наполнять его тарелку и кружку так быстро, как он мог опустошить их — по другую.

— А кто тот мальчик рядом с девочкой на другом конце? — шепотом спросил Нат у своего юного соседа под прикрытием общего смеха.

— Это Деми Брук. Мистер Баэр — их дядя.

— Деми? Какое странное имя!

— Его настоящее имя Джон, но они зовут его Демиджон^[2], потому что его папа тоже Джон. Это шутка, неужели не понимаешь? — сказал Томми, любезно вдаваясь в объяснения. Нат не понимал, но вежливо улыбнулся, и продолжил с интересом:

— Он славный мальчик, правда?

— Еще бы! Знает кучу всего и читает уйму книг.

— А кто тот толстяк рядом с ним?

— О, это Стаффи Коул. Его настоящее имя — Джордж, но мы зовем его Стаффи^[3], потому что он ужасно много ест. Тот маленький мальчик рядом с папой Баэром — его сынишка Роб, а следующий, совсем взрослый, — это Франц, его племянник, он тоже ведет уроки и вроде как приглядывает за нами.

— Он играет на флейте, да? — спросил Нат, когда Томми умолк, затолкав в рот целиком большое печеное яблоко.

Томми кивнул и ответил раньше, чем можно было ожидать в подобных обстоятельствах:

— Еще как! Мы иногда танцуем и делаем гимнастику под музыку. Я сам люблю барабанить и собираюсь выучиться как можно скорее.

— Я больше всего люблю скрипку и умею играть, — сказал Нат, пускаясь в откровенности: уж очень привлекательной была для него эта тема.

— Умеешь играть? — Томми уставился на него поверх края своей кружки круглыми, полными интереса глазами. — У мистера Баэра есть старая скрипка, и он позволит тебе поиграть на ней, если ты захочешь.

— Смогу поиграть? О, я очень хотел бы поиграть! Понимаешь, я раньше ходил по разным местам и играл на скрипке вместе с моим отцом и еще одним человеком... пока отец не умер.

— Весело было? — поинтересовался Томми, на которого это сообщение произвело большое впечатление.

— Да нет, ничего хорошего: страшно холодно зимой и ужасно жарко летом. Да еще я уставал, так что они сердились иногда; и никогда не кормили досыта. — Нат сделал паузу, чтобы откусить изрядный кусок имбирного пряника, словно чтобы уверить себя, что тяжелые времена позади, а затем добавил с сожалением: — Но я любил мою маленькую скрипку, и мне ее не хватает. Николо забрал ее, когда отец умер, и больше мне ее не давал, потому что я болел.

— Ты будешь в нашем оркестре, если ты хорошо играешь. Вот увидишь.

— У вас тут есть оркестр? — Глаза Ната зажглись интересом.

— Ну да, отличный оркестр! Все мальчики принимают участие: дают концерты и все такое. Вот увидишь, что будет завтра вечером.

Сделав это приятное волнующее объявление, Томми посвятил все внимание ужину, а Нат погрузился в блаженные мечты над своей полной тарелкой.

Миссис Баэр слышала весь их разговор, хотя, внешне, казалось, была всецело поглощена наполнением кружек и наблюдением за маленьким Тедди, таким сонным, что он совал ложку в глаз, кивал как румяный мак, и наконец крепко уснул, положив щеку на мягкую булочку вместо подушки. Миссис Баэр посадила Ната рядом с Томми, так как этот бойкий мальчуган был искренним и общительным, что делало его очень привлекательным для робких натур. Нат сразу почувствовал расположение к нему и за время ужина сделал несколько маленьких признаний, которые дали миссис Баэр ключ к характеру новичка лучше, чем если бы она сразу взялась побеседовать с ним сама.

В письме, которое прислал с Натом мистер Лоренс, говорилось:

"Дорогая Джо, вот именно тот случай, которого твое сердце желало. Этот бедный паренек — сирота, больной и без друзей. Он был уличным музыкантом; я нашел его в подвале, где он горевал об умершем отце и утраченной скрипке. Я думаю, в нем что-то есть, и мне кажется, что вместе мы могли бы успешно вырастить этого маленького мужчину. Ты излечишь его изнуренное тело, Фриц поможет его неразвитому уму, а когда он будет готов, я посмотрю, гений ли он или просто мальчик с талантом, который поможет ему заработать на жизнь. Возьми его на испытание, ради твоего собственного мальчика, Тедди"

— Конечно, мы возьмем его! — воскликнула миссис Баэр, прочитав письмо, а, увидев Ната, сразу почувствовала, что — гений или нет — это одинокий, больной мальчик, которому нужно именно то, что она рада дать, — дом и материнская забота. И она сама, и мистер Баэр незаметно наблюдали за новичком, и несмотря на его лохмотья, неловкие манеры и грязное лицо, они заметили в Нате много такого, что понравилось им. Он был худеньким, бледным мальчиком лет двенадцати, с голубыми глазами и высоким лбом под спутанными, неухоженными волосами. Порой выражение его лица становилось встревоженным и испуганным, словно он ожидал жестоких слов или

ударов. Его выразительные губы дрожали, когда на на его лице останавливался чей-нибудь ласковый взгляд, а приветливая речь вызывала ответный взгляд, полный благодарности, который было очень приятно видеть.

— Благослови Бог бедняжку! Конечно же, он будет играть на скрипке весь день, если захочет, — сказала себе миссис Баэр, увидев оживленное, счастливое выражение на его лице, когда Томми заговорил об оркестре.

И, после ужина, когда мальчики толпой побежали в классную комнату, чтобы предаться шумному веселью, миссис Джо появилась со скрипкой в руке и, что-то сказав мужу, подошла к Нату, сидевшему в уголке и наблюдавшему за этой сценой с напряженным интересом.

— Ну, мой мальчик, поиграй нам немного. Нам нужна скрипка в нашем оркестре, и я думаю, ты нам очень годишься.

Она ожидала, что он будет колебаться, но он схватил старую скрипку сразу и обращался с ней с такой любовной заботливостью, что было ясно: музыка — его страсть.

— Я постараюсь, мэм, — вот все что он сказал, а затем провел смычком по струнам, словно горя нетерпением вновь услышать дорогие его сердцу звуки.

В комнате стоял невероятный шум, но словно глухой ко всем иным звукам, кроме тех, что лились из-под его смычка, Нат негромко играл для себя, забыв в своем восторге обо всем вокруг. Это была всего лишь простая негритянская мелодия, из тех, что играют обычно уличные музыканты, но она сразу захватила слух всех мальчиков, так что они остановились и внимали нежным звукам с удивлением и удовольствием. Постепенно слушатели подходили все ближе и ближе, и мистер Баэр тоже подошел посмотреть на скрипача, так как теперь, словно попав в родную стихию, Нат играл увлеченно и не обращал внимания ни на кого. Глаза его сияли, щеки рдели, а тонкие пальцы словно летали, когда, обняв старую скрипку, он заставлял ее говорить со всеми сердцами языком, который так любил.

Дружные аплодисменты вознаградили его лучше, чем мог бы вознаградить целый ливень медяков, когда он остановился и обвел взглядом окружающих, словно говоря: "Я сделал, что мог; рад, если вам нравится".

— Слушай, да ты здорово играешь! — воскликнул Томми, рассматривавший Ната в качестве своего протеже^[4].

— Ты будешь первой скрипкой в моем оркестре, — добавил Франц с одобрительной улыбкой.

Миссис Баэр шепнула мужу:

— Тедди прав: в этом мальчике что-то есть.

И мистер Баэр выразительно кивнул, когда похлопал Ната по плечу, сказав с сердечностью в голосе:

— Ты хорошо играешь, сын мой. Сыграй нам что-нибудь такое, чтобы мы все могли подпевать.

Это была счастливейшая минута в жизни бедного маленького музыканта, когда его подвели к почетному месту у фортепиано, и мальчики собрались вокруг, не обращая внимания на его залатанную одежду, но глядя на него с уважением и горячо ожидая вновь услышать его игру.

Они выбрали песню, которую он знал, и после того, как раз или два начали не совсем удачно, дружно запели, а скрипка, флейта и фортепьяно вели хор мальчишеских голосов, от которого звенело под высокими сводами гостиной старого дома. Это было уже слишком для Ната, более ослабленного болезнью, чем ему самому казалось, и когда последний звук умолк, его лицо исказилось; он опустил скрипку и, отвернувшись к стене, заплакал как маленький.

— Дорогой, в чем дело? — спросила миссис Баэр, которая увлеченно пела во весь голос и при этом старалась удержать маленького Роба, то и дело порывавшегося затопать в такт музыке.

— Вы все так добры, и это так красиво, что я не могу не плакать, — всхлипнул Нат, кашляя и почти задыхаясь.

— Пойдем со мной, дорогой; тебе надо лечь в постель и отдохнуть. Ты совсем измотан, и к тому же здесь слишком шумно для тебя, — шепнула миссис Баэр и увела его в свою гостиную, где позволила ему тихо выплакаться.

Затем она убедила его поведать ей обо всех выпавших на его долю невзгодах и выслушала короткий рассказ со слезами на глазах, хотя его история и не была нова для нее.

— Мальчик мой, теперь у тебя есть отец и мать, и это твой дом. Не думай больше о прежних бедах. Лучше поправляйся поскорее и радуйся. И не сомневайся, ты больше не будешь страдать. Мы сделаем

для тебя все, что в наших силах. Наша школа создана для самых разных мальчиков, чтобы им было здесь хорошо и чтобы они узнали, как помочь самим себе и стать, как я надеюсь, полезными мужчинами. Ты будешь заниматься музыкой, сколько захочешь, только сначала тебе надо окрепнуть. А теперь походи к Нянюшке и выкупайся, а потом ложись в постель. А завтра мы вместе составим славные новые планы на будущее.

Нат крепко сжал ее руку в своей, но не смог произнести ни слова, так что за него говорил только его благодарный взгляд. Миссис Баэр повела его в большую комнату, где они нашли полную немку с лицом таким круглым и веселым, что он выглядело как солнышко с широкой оборкой чепца вместо лучей.

— Это Нянюшка Хаммель. Она поможет тебе искупаться, подстрижет тебя и сделает тебе "уютно", как говорит Роб. Ванна вон там. По субботам мы обычно сначала отмываем всех малышей и отправляем их в постель, прежде чем старшие кончат петь. Ну вот, Роб, давай, полезай в воду.

С этими словами миссис Баэр раздела Роба и посадила его в длинную ванну в маленькой комнате, дверь в которую открывалась из детской.

Ванн было две, не считая множества ванночек для мытья ног, тазиков, душа и всевозможных приспособлений для поддержания чистоты тела. И вскоре Нат уже с наслаждением вытянулся в другой ванне и, греясь в приятной теплой воде, наблюдал за действиями двух женщин, которые намыливали, оттирали, обливали, одевали в чистые ночные рубашки и укладывали в постель четырех или пять маленьких мальчиков, а те выкидывали, разумеется, самые разные коленца во время этой процедуры и поддерживали всех в состоянии веселья, пока не затихли, наконец, в своих постелях.

К тому времени когда Нат был вымыт и, закутанный в одеяло, сидел у огня, терпеливо ожидая, пока Нянюшка подстрижет его волосы, появился новый отряд мальчиков. Они закрылись в ванне, где производили столько же плеска и шума, сколько производит, должно быть, целый косяк игривых молодых китов.

— Нату лучше лечь спать здесь, чтобы, если кашель будет беспокоить его ночью, вы могли бы дать ему попить отвара из льняного семени, — сказала миссис Баэр, которая носилась вокруг,

словно озабоченная курица, надзирающая за большим выводком бойких гусят.

Нянюшка одобрила план и кончила тем, что облачила Ната во фланелевую рубашку, дала ему выпить чего-то теплого и сладкого, а затем уложила в одну из трех детских кроватей, стоявших в комнате. Там он и лежал с видом довольной мумии, чувствуя, что большей роскоши и наслаждения невозможно даже представить. Чистота сама по себе оказалась новым и восхитительным ощущением, фланелевые рубашки были доселе неведомым комфортом в его мире, несколько глотков "горяченького" успокоили его кашель так же хорошо, как добрые слова его одинокое сердце, а чувство, что все заботятся о нем, сделало эту простую комнату чем-то вроде рая для того, кто прежде не знал, что такое родной дом. Происходящее казалось восхитительным сном, и он часто закрывал глаза, чтобы убедиться, что все это не исчезнет, когда он откроет их вновь. Было слишком приятно, чтобы сразу уснуть, да он и не смог бы уснуть, если бы даже попытался, так как через несколько минут один из странных обычаев Пламфильда не явил его удивленному, но благосклонному взору необычную картину.

Недолгое затишье в водных процедурах сменилось неожиданным появлением подушек, расшвыриваемых во всех направлениях белыми гоблинами, которые выскочили вдруг из своих постелей. Битва бушевала в нескольких комнатах, по всему второму этажу, и даже докатывалась с промежутками до детской, когда какой-нибудь преследуемый воин спасался сюда бегством. Никто, казалось, ничуть не возражал против этого буйства, никто ничего не запрещал и даже не удивлялся. Нянюшка вышла развесить на просушку полотенца, а миссис Баэр доставала из шкафов чистое белье, так спокойно, словно в доме царил образцовый порядок. Нет, она даже ринулась в погоню за одним дерзким мальчуганом и сама швырнула ему вслед подушку, которую он коварно бросил в нее.

— С ними не случится ничего плохого? — спросил Нат, который лежал и смеялся от души.

— Конечно нет! Мы всегда разрешаем битву подушками в субботу вечером. Все равно наволочки скоро поменяем, а беготня еще и помогает разогреться после ванны, так что мне самой этот обычай, пожалуй, даже нравится, — сказала миссис Баэр, снова занятая дюжиной пар носков.

— Какая хорошая у вас школа! — заметил Нат в порыве восхищения.

— Странная, наверное, — засмеялась миссис Баэр, — но понимаешь, мы против того, чтобы делать детей несчастными слишком большим количеством правил и слишком напряженной учебной. Я сначала запрещала бегать в ночных рубашках, но это было совершенно бесполезно. Я могла удержать этих мальчишек в постелях не лучше, чем дюжину кроликов в ящике. Так что я заключила с ними соглашение: я разрешаю пятнадцатиминутную битву подушками каждый субботний вечер, а они обещают во время и как следует ложиться в постель все другие дни. Я попробовала, и метод оказался действенным. Если они не держат слова, никаких шалостей, если держат, я просто переворачиваю зеркала к стене, убираю лампы в безопасное место и позволяю им бузить, сколько хотят.

— Замечательная идея, — заметил Нат, чувствуя, что хотел бы присоединиться к сражению, но не отваживаясь предложить это в первый же вечер. Так что он остался лежать, наслаждаясь зрелищем, которое действительно было ярким.

Томми Бэнгз возглавлял атакующую сторону, а Деми защищал свою комнату с упорством и храбростью, собирая подушки у себя за спиной с такой же быстротой, с какой их бросали, пока у осаждающих не иссякли снаряды. Тогда они напали на него сразу всем отрядом и отобрали свое оружие. Несколько маленьких неприятностей и недоразумений имело место, но никто не обижался и наносил и принимал звучные удары совершенно добродушно, и подушки летали как громадные снежки, пока миссис Баэр не посмотрела на часы и не позвала:

— Пора, мальчики! Все в постель как один, или платите штраф!

— Какой штраф? — спросил Нат, садясь в постели и горя желанием узнать, что случится с негодниками, которые посмеют не подчиниться этой очень странной, но движимой заботой об общих интересах школьной руководительнице.

— Не смогут принять участие в игре в следующий раз, — объяснила миссис Баэр. — Я даю им пять минут, чтобы успокоиться, потом выключаю свет и ожидаю порядка. Они честные ребята и держат слово.

Это было очевидно, ибо битва кончилась так же внезапно, как и началась, — последним залпом или двумя, заключительным "ура", когда Деми швырнул седьмую подушку в убегающего врага, и несколькими вызовами на новую дуэль в следующую субботу, а затем возобладал порядок. И ничто кроме редкого смешка или сдавленного шепота не нарушало тишину, последовавшую за субботними шалостями, когда мама Баэр поцеловала своего нового мальчика и оставила его смотреть счастливые сны о жизни в Пламфильде.

Глава 2

Мальчики

Пока Нат крепко спит, я расскажу моим юным читателям кое-что о мальчиках, среди которых он окажется, когда проснется.

Начнем с наших старых друзей. Франц к этому времени уже превратился в высокого шестнадцатилетнего юношу, типичного немца, крупного, белокурого, а также очень начитанного, любезного, хозяйственного и музыкального. Дядя Фридрих готовил его к поступлению в колледж, а тетя Джо к счастливой домашней жизни, которой ему предстояло зажить, создав в будущем собственную семью. Она заботливо пестовала в нем мягкие манеры, любовь к детям, уважение к женщинам, старым и молодым, готовность и умение помогать по хозяйству. Стойкий, добрый и терпеливый, он был ее правой рукой во всем и любил свою веселую тетушку как мать, каковой она и старалась быть для него.

Эмиль был несколько другим. Вспыльчивый, беспокойный, предприимчивый, он чувствовал неодолимую тягу к морю — кровь древних викингов бурлила в его жилах, и ее было не укротить. Дядя обещал ему, что он сможет стать моряком, когда ему исполнится шестнадцать, и поощрял его занятия теорией навигации, давал читать истории о славных адмиралах и позволял ему, когда все уроки бывали выучены, вести жизнь настоящей лягушки на реке, пруду и ручье. Его комната выглядела как каюта военного моряка, поскольку каждая вещь в ней имела отношение к морю, сражениям и содержалась в образцовом порядке. Капитан Кид^[5] был его кумиром, и его любимым развлечением стало наряжаться в этого джентльмена-пирата и во всю глотку распевать бодрые матросские песни. Он не танцевал ничего, кроме хорнпайпа^[6], ходил вразвалочку и был моряком в разговоре и манерах настолько, насколько соглашался позволить ему его дядя. Мальчики называли Эмиля "Коммодор"^[7] и очень гордились его флотом, украшавшим своими парусами пруд и терпевшим крушения, которые устроили бы любого, но только не увлеченного морем мальчика.

Деми был одним из тех детей, которые демонстрируют прекрасные результаты разумной родительской любви и заботы, ибо его тело и душа гармонично развивались вместе. Природная утонченность, которую не может обеспечить ничто, кроме домашнего влияния, дала ему приятные и простые манеры. Его мать лелеяла в нем невинное и любящее сердце, его отец заботился о физическом развитии сына и следил за тем, чтобы маленькое тело оставалось стройным и сильным, поддерживаемое здоровой пищей, упражнениями и сном, в то время как дедушка Марч с кроткой мудростью современного Пифагора^[8] развивал юный ум, не обременяя его длинными, трудными уроками и бессмысленной зубрежкой, но помогая ему развернуться так же естественно и красиво, как солнце и роса помогают расцвести розам.

Деми отнюдь не был идеальным ребенком, но его недостатки были, так сказать, лучшего свойства, и так как его рано начали учить умению владеть собой, он не оказался в том положении, в каком оказываются некоторые несчастные маленькие смертные, сначала отданные на милость собственных appetitов и страстей, а затем наказанные за уступку искушениям, от которых они не защищены никакой моральной броней. Тихим, странным мальчиком был Деми, серьезным, но в то же время веселым, совсем не сознающим, что он необыкновенно сообразителен и красив, однако быстро замечающим и способным по достоинству оценить ум и красоту в других детях. Его горячая любовь к книгам и живая фантазия, питаемая буйным воображением и духовностью природы, заставляли его родителей стремиться к тому, чтобы уравновесить эту сторону его характера, поощряя приобретение полезных практических знаний и обеспечивая ему здоровое общество, чтобы он не стал одним из тех бледных, развитых не по годам детей, которые порой изумляют и восхищают свои семьи, но увядают словно оранжерейные цветы, ибо юная душа цветет слишком рано, не имея опоры в теле, чтобы укорениться в здоровой почве этого мира.

По этой причине Деми был "пересажен" в Пламфильд и так хорошо приспособился к жизни в школе, что и Мег, и Джон, и дедушка с радостью сознавали, что поступили правильно. Общение с другими мальчиками позволило проявиться его практичности, подняло его дух и помогло удалить ту завораживающую паутину воображения, которую

он так любил плести в своем, столь склонном к фантазиям, уме. Конечно, приезжая домой, он порой шокировал свою кроткую маму тем, что хлопал дверьми, говорил с чувством "вот те на" и требовал купить ему высокие сапоги из грубой кожи, "чтобы топали как папины". Но Джон не мог нарадоваться на сына, смеялся над его неожиданными замечаниями, покупал сапоги и говорил удовлетворенно:

— Он молодец, так что пусть топает. Я хочу, чтобы мой сын был мужественным, а то, что он пока грубоват, не повредит ему. Мы сможем отполировать его манеры со временем, да он и сам подхватит все, что нужно, как голуби подхватывают зерна. Так что не торопи его, Мег.

Дейзи оставалась такой же безмятежной и очаровательной как всегда, с пробуждающейся в ней и проявляющейся во всем женственностью, поскольку была очень похожа на свою нежную маму и наслаждалась всем, что относилось к домашней жизни. Она образцово растила свое семейство кукол и не могла обойтись без своей маленькой рабочей корзинки. Ее шитье было таким аккуратным, что Деми часто доставал свой носовой платок просто для того, чтобы похвастаться ее ровными стежками, а крошка Джози с гордостью носила фланелевую нижнюю юбочку, сшитую сестрой Дейзи. Любила она и расставлять в буфете фарфор, и готовить соленья, и ровно раскладывать ложечки на столе, и каждый день проходила по гостиной со своей метелкой, обмахивая пыль со стульев и столов. Деми называл ее "Хозяюшка" и был очень рад, что она держит его вещи в порядке, услуживая ему своими ловкими пальчиками во всевозможной тонкой работе, и помогает учить уроки, так как в учебе они были на одном уровне, и не возникало даже мысли о соперничестве.

Их взаимная любовь была сильна и неизменна, и никто не мог никакими насмешками заставить Деми отказаться от любовного обращения с Дейзи. Он всегда был готов постоять за нее и никак не мог понять, почему мальчики должны стыдиться сказать прямо, что любят своих сестер. Дейзи обожала своего брата-близнеца, считая его самым замечательным мальчиком на свете, и каждое утро бежала в своем халатике к его двери, чтобы постучать с по-матерински заботливым: "Вставай, дорогой, скоро завтрак, и вот твой чистый воротничок".

Роб рос очень энергичным мальчуганом, открывшим, как казалось, секрет вечного двигателя: он никогда не оставался в покое. К счастью, он не был ни озорным, ни слишком смелым, так что благополучно избегал неприятностей, и колебался между папой и мамой как любящий маленький маятник с непрерывным веселым тиканьем — Роб любил поговорить.

Тедди был слишком мал, чтобы играть важную роль в делах Пламфильда, однако и у него было свое маленькое поле деятельности, и исполнял он свою роль отлично. Каждый чувствовал порой потребность в любимчике, а малыш был всегда под рукой, и очень любил поцелуи и объятия. Миссис Джо редко трогалась с места без него, так что он участвовал во всем, что происходило вокруг, и все находили, что это на пользу дому, так как в Пламфильде любили малышей.

Дику Брауну и Адолфесу (или Долли) Петтингилу уже исполнилось восемь лет. Долли сильно заикался, но постепенно преодолевал свой недостаток, так как никому не разрешалось дразнить его, а мистер Баэр старался помочь ему, заставляя его говорить медленно. Долли был хорошим пареньком, хотя довольно неинтересным и заурядным, но в школе он буквально расцветал и занимался своими повседневными обязанностями и развлечениями с безмятежным удовлетворением.

Несчастьем Дика Брауна было искривление позвоночника, однако он нес свой крест так радостно, что Деми однажды спросил в своей обычной странной манере: "А что, горб делает людей добродушными? Если это так, то я тоже хотел бы иметь горб". Дик неизменно сохранял веселость и старался быть как другие мальчики, ибо мужественный дух обитал в его слабом теле. Оказавшись в Пламфильде, он на первых порах был очень чувствителен в том, что касалось намеков на его физический недостаток, но вскоре научился забывать о нем, так как никто не осмеливался издеваться над ним, после того как мистер Баэр наказал одного мальчика за насмешки.

— Бог не посмотрит на мой горб! А душа у меня, в отличие от спины, прямая! — всхлипывая, отвечал Дик своему мучителю в тот раз, и, поощряя эту идею, Баэры скоро помогли ему укрепиться во мнении, что люди тоже любят его душу и не обращают внимания на тело, но только жалеют его и стремятся помочь ему в его несчастье.

Однажды, когда они играли в зверинец, кто-то спросил его:

— А ты, Дик, каким животным будешь?

— Ну конечно, верблюдом! Разве ты не видишь, что у меня горб на спине? — со смехом отвечал Дик.

— Так и есть! Ты, мой дорогой маленький верблюд, который не возит грузы, а ходит первый в цирковой процессии рядом со слоном, — сказал Деми, устраивавший представление.

— Я надеюсь, что другие люди тоже будут добры к бедняжке, как научились быть добрыми мои мальчики, — сказала миссис Джо, вполне довольная успехом своего метода воспитания, когда Дик семенил мимо нее и выглядел при этом как очень счастливый, хоть и довольно хилый маленький верблюд рядом с полным Стаффи, который с надлежащей тяжеловесностью изображал слона.

Джек Форд был сообразительным, довольно хитрым пареньком, которого послали в школу Баэров из-за дешевизны обучения в ней. Многие мужчины сочли бы, что он умный мальчуган, но мистеру Баэру не нравилась его манера проявления типичных черт предприимчивого янки, и он считал его немальчишескую жажду наживы и любовь к деньгам таким же несчастьем как заикание Долли или горб Дика.

Нед Баркер был похож на тысячи других четырнадцатилетних мальчишек: быстрые ноги, вечные грубые ошибки и задиристость. В семье его называли Торопыга и всегда ожидали, что он споткнется о стулья, набьет себе шишек о столы и опрокинет любые мелкие предметы, возле которых окажется. Он очень хвастался своими умениями, но редко делал что-либо, чтобы продемонстрировать их, не был храбрым и любил немного приврать. Он был склонен задирать маленьких мальчиков и льстить большим и, хотя его нельзя было назвать совсем уж плохим, был все же их тех, кого легко сбить с пути истинного

Джорджа Коула испортила слишком потакавшая ему мамочка, которая закармливала его сладостями до тошноты, а затем находила, что для учебы он слишком слаб здоровьем, так что в двенадцать лет это был бледный, пухлый мальчик, туповатый, раздражительный и ленивый. Друг семьи сумел убедить мамочку послать Джорджа в Пламфильд, и там он скоро пробудился к жизни, ибо сласти присутствовали на столе редко, от учеников требовалось много

движения, а учеба стала такой приятной, что Стаффи незаметно манили к новым, прежде неизвестным ему, удовольствиям, пока он совершенно не изумил свою встревоженную мамочку успехами в учебе и не убедил ее, что есть нечто совершенно необыкновенное в воздухе Пламфильда.

Билли Уорд был из тех, кого шотландцы ласково называют "невинные", ибо в свои тринадцать лет он был как шестилетний ребенок. В раннем детстве он отличался необыкновенно живым и восприимчивым умом, но отец слишком торопил его, обучая всевозможным наукам, держа за книжками по шесть часов в день и ожидая, что сын будет поглощать знания, как откармливаемый гусь пищу, которую проталкивают ему в горло. Он считал, что исполняет свой долг, но чуть не убил мальчика: тяжелая лихорадка дала бедному ребенку печальные каникулы, а когда он выздоровел, то перегруженный мозг не выдержал, и с тех пор ум Билли был как грифельная дощечка, по которой провели тряпкой, оставив ее чистой.

Это был ужасный урок для честолюбивого отца, он не мог вынести вида своего многообещающего отпрыска, превратившегося в почти в идиота, и отослал его в Пламфильд, едва ли надеясь, что мальчику можно помочь, но уверенный, что там с ним, по крайней мере, будут хорошо обращаться. Вполне послушным и безобидным существом был Билли, и было грустно видеть, как усердно он старался учиться, словно шаря в потемках в поисках потерянного знания, обошедшегося ему так дорого.

День за днем, он трудился над азбукой, гордо говорил А и Б, и думал, что знает свой урок, но на утро все исчезало, и приходилось начинать сначала. Мистер Баэр был бесконечно терпелив с ним и продолжал трудиться, несмотря на явную безнадежность задачи, не заботясь о книжной премудрости, но стараясь мягко удалить туман, окутавший помраченный ум, и дать ему вновь сообразительность, достаточную хотя бы для того, чтобы сделать мальчика меньшей обузой для окружающих. Миссис Баэр старалась укрепить его здоровье всем, что могла придумать, а другие мальчики жалели его и были добры к нему. Он не любил их подвижных игр, но мог часами сидеть, наблюдая за голубями, копать бесчисленные ямки для Тедди, пока даже этот страстный копатель песка не бывал удовлетворен, или следовать за садовником Сайласом с места на место, наблюдая, как тот

работает, ибо достойный Сайбас был очень добр к нему, и хотя Билли быстро забывал буквы, дружеские лица неизменно оставались в его памяти.

Томми Бэнгз был главным шалопаем школы, и более докучливого шалопаю свет не производил: проказливый как обезьянка, хоть и такой добродушный, что было невозможно не прощать ему его проделки; такой рассеянный, что слова пролетали мимо него словно ветер, но полный такого глубочайшего раскаяния после каждого проступка, что было невозможно сохранять серьезный вид, когда он приносил обеты исправиться или предлагал всевозможные нелепые наказания для себя. Мистер и миссис Баэр жили в постоянном ожидании любого несчастья — начиная от того, что Томми сломает себе шею, до того, что он взорвет всю семью порохом, — и Нянюшка имела отдельный ящик в комодке, где держала бинты, пластыри и мази специально для него, ибо Томми нередко приносили полумертвого, но он неизменно оставался жив и после каждого падения вскакивал с удвоенной резвостью.

В день своего приезда, он умудрился отрубить себе кончик пальца соломорезкой, а в первую неделю сначала упал с крыши сарая, затем пострадал, спасаясь бегством от преследовавшей его разгневанной курицы, пытавшейся клевать его за то, что он "изучал" ее цыплят, и наконец получил затрещину от кухарки Эйзи, которая застала его, когда он с наслаждением снимал пенки с горшочка со сливками, заедая их половинкой украденного пирога. Тем не менее, несмотря на все неудачи и упреки, этот неукротимый юнец продолжал развлекаться всевозможными проделками, так что никто в доме не чувствовал себя в безопасности. Если он не знал урока, у него всегда была наготове забавная отговорка, и так как он обычно легко усваивал все, что находил в учебниках, и был изобретателен в выдумывании ответов, когда не знал их, то неплохо справлялся с учебой. Но вне школы, о Боже милостивый, какому Томми предавался буйству!

Он примотал толстую Эйзи ее бельевой веревкой к столбу и оставил там кипеть от злости и ругаться на добрые полчаса в самое неподходящее время — утро понедельника, когда столько дел по хозяйству. Он уронил раскаленный цент за шиворот Мэрианн, когда эта хорошенькая горничная прислуживала за столом гостям, в результате чего бедняжка опрокинула суп и выбежала из комнаты в ужасе, оставив семью в полной уверенности, что она сошла с ума. Он

укрепил ведро воды на дереве и привязал к ручке длинную яркую ленточку, и, когда Дейзи, привлеченная этим весело развевающимся вымпелом, попыталась стянуть ленточку вниз, на нее обрушился душ, испортивший ее чистенькое платьице и глубоко задевший ее чувства. Он наполнил сахарницу шероховатыми белыми камешками, когда его бабушка пришла к чаю, и бедная старая леди очень удивлялась, отчего это они не тают в ее чашке, но была слишком вежлива, чтобы что-нибудь сказать. Он раздавал приятелям нюхательный табак в церкви, так что пятеро мальчиков принялись чихать с такой силой, что их пришлось выпроводить во время службы. Зимой он расчищал дорожки от снега, а затем тайно поливал их водой, так что люди поскальзывались и падали. Он почти выводил из себя бедного Сайласа тем, что вешал его большие сапоги на видное место, ибо у того были очень большие ступни и он очень стеснялся этого. Он убедил доверчивого Долли привязать нитку к шатающемуся зубу и, ложась спать, оставить нитку висеть изо рта, с тем чтобы Томми мог выдернуть его так, что Долли ничего даже не почувствует. Но зуб не выскочил при первом рывке, так что бедный Долли проснулся от мучительной боли и потерял с того дня всякую веру в Томми.

Последняя проделка заключалась в том, что Томми накормил кур хлебом, намоченным в роме, отчего они сделались пьяны и возмущали своим поведением всю другую домашнюю птицу: почтенные старые куры ходили качаясь, клевали и клохтали самым плаксивым тоном, в то время как вся школа корчилась от смеха, глядя на их ужимки, пока добросердечная Дейзи не сжалилась над несчастными и не заперла их в курятнике, чтобы выпались и протрезвели.

Таковыми были обитатели Пламфильда, и жили они вместе так счастливо, как только могут двенадцать мальчиков, учась и играя, работая и ссорясь, борясь с недостатками и развивая добродетели старым добрым способом. Мальчики в других школах, возможно, получали больше знаний, но меньше той глубочайшей мудрости, что создает хороших мужчин. Латынь, греческий и математика — все это очень хорошо, но, по мнению профессора Баэра, самопознание, самопомощь и самоконтроль были гораздо более важны, и он старался учить им со всей ответственностью. Люди порой качали головой, слыша о его идеях, далее тогда, когда признавали, что манеры и нравственный облик мальчиков улучшились самым замечательным

образом. Но, впрочем, как сказала Нату миссис Джо, это была "странная" школа.

Глава 3

Воскресенье

На следующее утро, как только зазвонил колокольчик, Нат выскочил из постели и с большим удовольствием облачился в костюм, который нашел на стуле. Одежда была далеко не новая и являла собой недоношенное одеяние одного из богатых мальчиков, но миссис Баэр держала наготове все такие поношенные перышки для тех оципаных малиновок, что залетали в ее гнездо. Едва костюм был надет, как появился Томми в необычном для него состоянии чистого воротничка и сопроводил Ната вниз, к завтраку.

Яркий солнечный свет лился в столовую на накрытый стол и стайку голодных, энергичных пареньков, собравшихся вокруг него. Нат заметил, что порядка было больше чем накануне вечером. Каждый молча стоял у своего стула, пока маленький Роб, стоявший рядом с отцом во главе стола, сложив руки и склонив свою кудрявую головку, читал короткую молитву в любимой мистером Баэром искренне набожной немецкой манере, чтить которую он научил и своего маленького сына. Затем все сели, чтобы насладиться воскресным завтраком, состоявшим из кофе, бифштекса и печеного картофеля, вместо хлеба и молока, которыми они обычно удовлетворяли по утрам свой юный аппетит. Пока ножи и вилки весело позвякивали, велись приятные разговоры: о воскресных уроках, которые предстояло выучить, о воскресной прогулке и о планах на следующую неделю. Слушая все это, Нат думал, что воскресенье, должно быть, очень приятный день, так как он любил тишину, а в этот день все вокруг было пронизано радостным покоем, который очень понравился ему, так как несмотря на суровую жизнь, которую ему приходилось вести, мальчик обладал чувствительными нервами любящей музыку природы.

— Теперь, мои мальчики, сделайте вашу утреннюю работу, чтобы, когда придет омнибус, вы уже были готовы отправиться в церковь, — сказал папа Баэр и подал пример, направившись в классную, чтобы приготовить задания на следующий день.

Все разошлись по своим делам, так как у каждого была своя маленькая повседневная обязанность, и предполагалось, что он

добросовестно исполнит ее. Одни приносили дрова и воду, мели лестницу или бегали с поручениями миссис Баэр. Другие кормили домашних животных и работали на скотном дворе с Францем. Дейзи мыла чашки, а Деми вытирал их, так как близнецы любили работать вместе и в маленьком домике мама давно научила Деми помогать по хозяйству. Даже Малыш Тедди имел свою маленькую работу и топал туда и сюда, убирая салфетки и подвигая стулья на место. Полтора часа мальчики жужжали как пчелиный улей, потом приехал омнибус, папа Баэр и Франц с восемью старшими мальчиками погрузились и отправились за три мили в церковь, расположенную в ближайшем городке.

Из-за надоедного кашля Нат предпочел остаться дома с четырьмя младшими мальчиками и провел счастливое утро в комнате миссис Баэр, слушая рассказы, которые она читала им. и уча псалмы, а затем тихо занявшись вклеиванием картинок в старую амбарную книгу.

— Это мой воскресный кабинет, — сказала она, показывая ему полки, заполненные книжками с картинками, коробками красок, кубиками, маленькими дневниками и письменными принадлежностями. Я хочу, чтобы мои мальчики любили воскресные дни, находили их спокойным, приятным временем, когда они могут отдохнуть от обычной учебы и игр, насладиться тихими радостями и выучить просто и легко уроки, более важные, чем те, которым учат в школе. Ты понимаешь меня? — спросила она, наблюдая за внимательными глазами Ната.

— Вы имеете в виду, что они научатся быть хорошими? — спросил он, после некоторого колебания.

— Да, быть хорошими и любить быть хорошими. Иногда бывает трудно быть хорошим, я это знаю, но мы все помогаем друг другу и так движемся к успеху. Вот один из способов, которыми я пытаюсь помочь моим мальчикам, — и она достала толстую книгу, которая была наполовину исписана, и открыла страницу, где было лишь одно слово на первой строке.

— Но это же мое имя! — воскликнул Нат, с видом одновременно удивленным и заинтересованным.

— Да, у меня есть страница для каждого мальчика. Я веду маленький отчет о его успехах за неделю, а в воскресенье вечером показываю ему записи. Если они плохие, я огорчена и разочарована,

если хорошие, я рада и горда, но какими бы эти записи ни были, мальчики знают, что я хочу помочь им, и они стараются из любви ко мне и папе Баэру.

— Я думаю, что это именно так, — сказал Нат, заметив мельком имя Томми на соседней странице и с любопытством задавая себе вопрос, что же может быть написано там.

Миссис Баэр перехватила его взгляд и покачала головой, переворачивая страницу:

— Нет, я не показываю моих записей никому, кроме того, о ком они. Я называю это Книгой Совести, и только ты и я будем знать, что написано на странице под твоим именем. Будешь ли тебе приятно или стыдно, когда ты прочтешь записи о себе в следующее воскресенье, зависит от тебя самого. Я думаю, это будет хорошая запись. Во всяком случае, я постараюсь облегчить тебе жизнь на новом месте и буду вполне удовлетворена, если ты будешь соблюдать наши немногочисленные правила, жить в ладу с мальчиками и научишься чему-нибудь.

— Я постараюсь, мэм, — и худенькое лицо Ната вспыхнуло горячим и серьезным желанием, чтобы миссис Баэр "рада и горда", а не "огорчена и разочарована". — Это, должно быть, очень хлопотно — так много писать, — добавил он, когда она закрыла свою книгу, ободряюще похлопав его по плечу.

— Не для меня, так как я, право, не знаю, что я люблю больше — писать... или мальчиков, — сказала она со смехом, увидев, как удивленно взглянул на нее Нат при этих последних словах. — Да, я знаю, многие думают, что от мальчиков одно беспокойство, но это потому, что они не понимают мальчиков. Я понимаю, и я никогда еще не видела мальчика, с которым не поладила бы, отыскав слабую струнку в его сердце. Да я просто не могла бы жить без моего выводка милых, шумных, озорных, легкомысленных пареньков, ведь не могла бы, мой Тедди? — и миссис Баэр обняла юного проказника как раз во время, чтобы спасти чернильницу от попадания в его карман.

Нат, который никогда не слышал ничего подобного прежде, даже не знал, то ли мама Баэр чуточку сумасшедшая, то ли самая замечательная женщина, какую он встречал. Он, пожалуй, склонялся ко второму мнению, несмотря на ее странные вкусы, поскольку у нее была такая чудесная манера наполнять тарелку человеку, прежде чем

он об этом попросит, и смеяться над его шутками, ласково дергая его за ухо или похлопывая по плечу, что Нат нашел очень располагающим.

— А теперь, я думаю, ты хочешь пойти в классную комнату и разучить некоторые из псалмов, которые мы будем петь сегодня вечером, — сказала она, верно угадав, чем именно хочется ему заняться больше всего.

Оставшись в воскресной тишине наедине со своей любимой скрипкой и нотами, поставленными перед ним на солнечном окне, за которым мир наполняла весенняя красота, Нат наслаждался часом или двумя подлинного счастья, разучивая милые старые мелодии и забывая тяжелое прошлое в радостном настоящем.

Когда старшие мальчики вернулись из церкви и обед кончился, все читали, писали письма домой, повторяли уроки воскресной школы или негромко беседовали, сидя тут и там по всему дому. В три часа вся семья отправилась на прогулку, так как бодрым юным телам нужен моцион, и на этих прогулках бодрые юные умы учили видеть и любить промысел Божий в прекрасных чудесах, которые Природа совершала на их глазах. Мистер Баэр всегда ходил с мальчиками и, беседуя с ними в простой, отеческой манере, находил для своего выводка "проповеди в камнях, книги в бегущих ручьях и добро повсюду".

Миссис Баэр с ее собственными малышами и Дейзи отправились в городок с еженедельным визитом к бабушке, который был для вечно занятой мамы Баэр единственным развлечением недели и величайшим удовольствием. Нат, чувствувавший, что еще не слишком окреп для долгой прогулки, попросил позволения остаться дома с Томми, который любезно вызвался показать ему Пламфильд.

— Ты уже видел дом, так что теперь выйди и посмотри на наш сад, скотный двор и зверинец, — сказал Томми, когда они остались одни с Эйзи, которая должна была присмотреть, чтобы они не натворили бед, ибо хотя Томми всегда был исполнен самых лучших намерений, с ним случались самые ужасные несчастья, и никто не мог точно сказать, как именно до этого доходило.

— Что за зверинец? — спросил Нат, когда они торопливо зашагали по дорожке, огибавшей дом.

— У каждого из нас есть свое животное. Мы держим их в амбаре и называем его зверинцем. Вот и пришли. Ну не красавица ли моя морская свинка? — и Томми гордо продемонстрировал одного из

уродливейших представителей этого премилого вида млекопитающих, какого только доводилось видеть Нату.

— Я знал мальчика, у которого их было больше десятка, и он говорил, что даст мне одну, да только мне негде было ее держать, так что я не смог взять. Она была белая с черными пятнами, отличная свинка, и, может быть, я мог бы попросить ее для тебя, если бы ты захотел, — сказал Нат, чувствуя, что это был бы тактичный способ отблагодарить Томми за проявленное к нему внимание.

— Я очень хотел бы, а я мог бы тогда отдать тебе эту, и они смогли бы жить вместе, если бы не стали драться. Те белые мыши — Роба, Франц отдал их ему. Кролики — Неда, а куры-бантамки там, во дворе — Стаффи. В том ящике Деми обычно держит черепах, только он еще их не наловил. А в прошлом году у него было шестьдесят две, некоторые прямо громадины. Он пометил одну — написал на ней свое имя и год — и отпустил. Говорит, что, может быть, потом когда-нибудь найдет ее и узнает. Он читал про черепаху, которую нашли и на ней была метка, говорившая, что ей больше ста лет. Деми — чудной мальчик.

— А что в этом ящике? — спросил Нат, склоняясь над большим глубоким ящиком до половины заполненным землей.

— О, это червячный магазин Джека Форда. Он накапывает кучи червяков и держит их здесь, и когда нам надо червей, чтобы пойти на рыбалку, мы у него покупаем. Это гораздо проще, чем копать самим, только он ужасно дорого за них дерет. Прошлый раз, когда мы покупали, мне пришлось выложить два цента за дюжину, да и то получил маленьких. Джек иногда страшно жадничает, так что я прямо сказал ему, что сам накопаю себе в следующий раз, если он не снизит цену. А еще у меня две курицы, вон те серые с хохолками — Гребешок и Бабуля — и отличные это куры, скажу я вам! Я продаю миссис Баэр их яйца, но никогда не запрашиваю с нее больше двадцати пяти центов за дюжину, никогда! Мне было бы стыдно заламывать большую цену, — воскликнул Томми, бросив презрительный взгляд на "червячный магазин".

— А собаки чьи? — спросил Нат, очень заинтересованный этими коммерческими сделками, и чувствуя, что Томми Бэнгз — человек, чье покровительство может считаться и привилегией, и удовольствием.

— Большой пес принадлежит Эмилю. Зовут его Христофор Колумб^[9]. Миссис Баэр назвала его так, потому что это ее любимая присказка, и никто не против, если она имеет в виду собаку, — отвечал Томми тоном директора зверинца. — Белый щенок — Роба, а желтый — Тедди. Какой-то человек хотел утопить их в нашем пруду, но папа Баэр не позволил и взял их к нам. Они хороши для малышни, но сам я о них не очень высокого мнения. Их зовут Кастор и Поллукс^[10].

— Если бы я мог получить кого-нибудь из этих животных, то предпочел бы вот этого ослика. Ездить верхом так приятно, и, вообще, он такой маленький и славный, — сказал Нат, вспоминая о долгих переходах, которые совершил на своих усталых ногах за годы бродяжничества.

— Мистер Лори прислал его миссис Баэр, чтобы ей не приходилось таскать Тедди на спине, когда мы ходим на прогулки. Мы все любим Тоби. Это отличный ослик, скажу я вам! А те голуби принадлежат нам всем. У каждого из нас есть один любимый, и мы делим между собой всех птенцов, когда они появляются. Птенцы это здорово интересно; конечно, сейчас их нет, но ты можешь пойти наверх и взглянуть на взрослых, а я пока погляжу, не снесли ли мои Гребешок и Бабуля по яичку.

Нат поднялся по лестнице, просунул голову в люк и окинул долгим взглядом красивых голубков, воркующих и целующихся клювиками на просторной голубятне. Одни сидели на гнездышках, другие суетливо порхали туда и сюда, некоторые подлетали к окошкам, и еще много других перелетали от солнечной крыши к усеянному соломой двору фермы, где безмятежно жевали жвачку шесть ухоженных коров.

"У всех, кроме меня, есть кто-нибудь. Хорошо бы и у меня был голубь или курица, или хотя бы черепаха, моя собственная", — думал Нат, чувствуя себя очень бедным после того, как посмотрел на интересные сокровища других мальчиков

— Откуда у вас все эти животные? — спросил он, когда снова присоединился к Томми на скотном дворе.

— Нашли или купили, или кто-нибудь дал их нам. Моих кур мне прислал мой папа, но как только накоплю денег с яиц, куплю себе пару уток. Здесь есть отличный маленький пруд для них за скотным двором, и за утиные яйца хорошо платят, а маленькие утята такие

хорошенькие, и интересно смотреть, как они плавают, — сказал Томми с видом миллионера.

Нат вздохнул, так как у него не было ни папы, ни денег, ничего на всем белом свете, кроме старой пустой записной книжки и мастерства в кончиках его десяти пальцев. Томми, казалось, понял причину вопроса и последовавший за ответом вздох, так как после непродолжительного, но глубокого размышления неожиданно заявил:

— Слушай, я тебе скажу, что мы сделаем! Если ты будешь искать яйца за меня — я это занятие терпеть не могу — я буду давать тебе одно яйцо из каждой дюжины. Ты веди счет, и как насчитаешь двенадцать, мама Баэр даст тебе за них двадцать пять центов, и тогда ты сможешь купить, кого захочешь, понял?

— Я с удовольствием буду искать яйца! Какой ты добрый парень, Томми! — воскликнул Нат, совершенно ошеломленный таким великолепным предложением.

— Псс! Это пустяки. Начинай прямо сейчас и обыщи амбар, а я буду ждать тебя здесь. Бабуля квохчет, так что ты наверняка найдешь где-нибудь яичко, — и Томми растянулся на соломе с приятным чувством человека, заключившего выгодную сделку и одновременно оказавшего услугу приятелю.

Нат радостно начал поиски и энергично разгребал сено, пока не нашел два отличных яичка, одно спрятанное под балкой, а другое в старой кормушке, которую облюбовала миссис Гребешок.

— Можешь взять одно, а я возьму другое, это будет последнее в моей прошлой дюжине, а завтра начнем сначала. Вот, пиши мелом свой счет рядом с моим, а потом начнем заново, — сказал Томми, показывая ряд таинственных цифр на боку старой веялки.

С восхитительным чувством значительности, гордый обладатель единственного яйца открыл счет рядом со своим другом, который со смехом написал над цифрами впечатляющие слова: "Т. Бэнгз и Компания".

Бедного Ната так восхитила эта надпись, что его с трудом удалось уговорить уйти и оставить свое первое в жизни движимое имущество в кладовой Эйзи. Затем они снова вышли во двор, и, познакомив друга с двумя лошадьми, шестью коровами, тремя свиньями, и одним олдернейским теленком^[11], Томми повел Ната к старой иве, нависшей над весело журчащим маленьким ручьем. С забора было очень легко

вскарabкаться на широкую развилку, образованную тремя большими сучьями, которые подрезали каждый год, чтобы они давали поросль новых тонких веточек. Над головой шелестел зеленый свод листьев. В развилке были устроены маленькие сиденья, а углубление в центре служило тайничком, достаточно большим для одной-двух книжек, разобранной игрушечной лодки и нескольких недоделанных свистков.

— Это мой и Деми личный кабинет. Мы сделали его сами, и никому не разрешается сюда приходить без нашего разрешения — кроме Дейзи, конечно. Мы не против, чтобы она приходила, — сказал Томми, пока Нат с восторгом переводил взгляд с журчащей темной воды внизу на зеленый свод над головой, где мелодично жужжали пчелы, пируя на длинных желтых соцветиях, наполнявших воздух сладким ароматом.

— Какая красота! — воскликнул Нат. — Ты ведь позволишь мне приходить иногда? В жизни не видел такого чудесного места! Я хотел бы быть птицей и жить здесь всегда.

— Да, тут довольно приятно. Ты можешь приходить, если Деми не будет возражать, а я думаю, он не будет, потому что он сказал мне вчера вечером, что ты ему нравишься.

— Правда? — Нат обрадованно улыбнулся, так как уважение Деми, казалось, ценилось всеми мальчиками, отчасти потому, что он был племянником папы Баэра, а отчасти потому, что он был таким рассудительным и добросовестным маленьким мужчиной.

— Да, Деми нравятся тихие мальчики, и я думаю, вы с ним поладите, особенно если ты, как и он, любишь читать.

Радостный румянец на щеках бедного Ната стал болезненно алым при этих последних словах, и он вымолвил, запинаясь:

— Я не очень хорошо читаю. У меня никогда времени не было, чтобы читать. Я ведь, понимаешь, всегда ходил с места на место и играл на скрипке.

— Да я сам не очень люблю читать, но читаю неплохо, если захочу, — сказал Томми, после того как бросил удивленный взгляд, сказавший яснее слов: "Двенадцать лет мальчишке, а читать не умеет!"

— Зато я могу читать ноты, — добавил Нат, несколько взволнованный тем, что пришлось признаться в своем невежестве.

— Нет, ноты я не могу. — В голосе Томми звучало почтение, что придало Нату смелости, и он сказал с решимостью:

— Я собираюсь учиться хорошо и выучить все, что смогу. Раньше у меня не было такой возможности. А у мистера Баэра трудные уроки?

— Нет, и он совсем не сердитый. Он все объясняет и вроде как подталкивает нас вперед в трудных местах. Некоторые учителя так не делают. Мой прежний учитель никогда нам не помогал. Если мы пропускали слово, так просто получали подзатыльник! — И Томми потерял собственную макушку, словно она еще звенела от щедрого запаса подзатыльников, воспоминание о которых было единственным, что он вынес из годового общения с "прежним учителем".

— Я думаю, что смог бы прочитать это, — сказал Нат, разглядывая лежавшие в дупле книги.

— Тогда почитай малость, а я тебе помогу, — подхватил Томми с покровительственным видом.

Нат постарался и одолел страницу с множеством дружеских "подталкиваний" со стороны Томми, который заверил его, что скоро он "навострится" не хуже любого другого. Потом они посидели и просто поболтали на самые разные темы, среди которых было и огородничество, так как Нат, глядя вниз со своей жердочки, спросил, что посажено на множестве маленьких грядок внизу по другую сторону ручья.

— Это наши фермы, — пояснил Томми. — У каждого есть свой участок, и мы выращиваем, что хотим, только должны выбирать разные растения и не можем поменять, пока не соберем урожай, и должны держать свои огородики в порядке все лето.

— А что ты собираешься выращивать в этом году?

— Ну, я-а-а ха-ател бы взяться за бобы, их ра-астить — ра-аз плюнуть.

Нат не мог не рассмеяться, так как Томми сдвинул на затылок шляпу, засунул руки в карманы и растягивал слова, неосознанно подражая садовнику Сайласу, который управлял хозяйством Пламфильда.

— Ну-ну, нечего смеяться, бобы гораздо проще растить, чем зерно или картошку. Я пробовал дыни в прошлом году, но жуки замучили, а потом эти противные дыни не дозрели до морозов, так что я ничего не получил, кроме одного хорошего арбуза и двух маленьких дынь, — сказал Томми.

— Зерно, вроде бы, тоже растет неплохо, — сказал Нат любезно, чтобы загладить свой невежливый смех.

— Да, но его без конца надо опалывать мотыгой. А бобы за шесть недель надо только разок прополоть, и зреют они быстро. Я собираюсь попробовать их, так как первый о них заговорил. Стаффи тоже хотел взяться за бобы, но ему придется в этом году заняться горохом. Его надо лущить, вот пусть Стаффи и потрудится, он столько ест!

— Интересно, будет ли у меня свой огородик? — пробормотал Нат, думая, что даже мотыжить зерно, должно быть, приятная работа.

— Конечно будет, — отозвался голос снизу — под деревом стоял мистер Баэр, вернувшийся с прогулки и пришедший отыскать их, так как он старался поговорить немного с каждым из мальчиков за воскресный день и находил, что эти разговоры дают хорошее начало предстоящей неделе.

Сочувствие — прекрасная вещь, и она творила чудеса, так как каждый мальчик знал, что папа Баэр интересуется им, и некоторые были скорее готовы открыть ему свои сердца, чем женщине, особенно старшие, которым хотелось поговорить о своих надеждах и планах, как мужчина с женщиной. В болезни или горести они инстинктивно тянулись к миссис Джо, в то время как малыши делали ее своей матерью-исповедницей во всех случаях.

Спускаясь из своего "гнездышка", Томми упал в ручей, но, привычный к такого рода досадным происшествиям, спокойно выбрался из воды и отправился в дом сушиться. Благодаря этому мистер Баэр остался наедине с Натом — именно то, чего мистер Баэр желал, — и во время прогулки среди огородиков, сумел завоевать сердце мальчика, отведя ему маленькую "ферму" и обсудив с ним предстоящую посевную кампанию так серьезно, словно пропитание семьи и в самом деле зависело от урожая. От этой приятной темы они перешли к другим, и ум Ната был засеян множеством новых и полезных мыслей и откликнулся на них так же благодарно, как жаждающая земля отвечает на теплый весенний дождь. Весь ужин он размышлял о том, что услышал, часто останавливая на лице мистера Баэра взгляд, казалось, говоривший: "Мне понравилось, поговорите со мной еще, сэр". Трудно сказать, понял ли мистер Баэр эту немую просьбу, но когда все мальчики собрались вместе в гостиной миссис

Баэр для воскресной вечерней беседы, он выбрал тему, которую ему могла подсказать прогулка по саду.

Оглядываясь кругом, Нат думал, что это больше похоже на большую семью, чем на школу, так как мальчики сидели широким полукругом вокруг камина, одни на стульях, другие на ковре, Дейзи и Деми на коленях у дяди Фрица, а Роб уютно свернулся в глубине материнского кресла, где мог незаметно задремать, если разговор выйдет за пределы его понимания. Всем, казалось, было удобно, все слушали внимательно, так как долгая прогулка сделала отдых желанным, и так как каждый мальчик, зная, что его попросят высказать свои взгляды, слушал внимательно, чтобы ответить.

— Жил да был однажды, — начал мистер Баэр в приятной и неспешной старомодной манере, — один великий и мудрый садовник, имевший самый большой сад, какой только можно увидеть на свете. Чудесное и прелестное было это место, и ухаживал он за ним с величайшим умением и заботой, выращивая всевозможные замечательные и полезные продукты. Но сорняки появлялись даже в этом прекрасном саду, а земля часто оказывалась неплодородной, так что хорошие семена, посеянные в нее, не прорастали. У великого садовника было много младших садовников, помогавших ему. Одни честно исполняли свой долг и получали от него щедрое жалованье, но другие нерадиво относились к своим участкам и давали им зарастать сорняками, что его глубоко огорчало. Но он был очень терпелив, и тысячи и тысячи лет трудился и ждал своего великого урожая.

— Он, должно быть, был очень старый, — заметил Деми, который смотрел прямо в лицо дяди Фрица, чтобы не пропустить ни слова.

— Тише Деми, это сказка, — шепнула Дейзи.

— Нет, я думаю, это *арригория*, — сказал Деми.

— Что такое *арригория*? — спросил Томми, который был пытливого склада.

— Объясни ему, Деми, если сможешь, и не употребляй слов, если не совсем уверен, что понимаешь их значение, — сказал мистер Баэр.

— Я понимаю, мне дедушка говорил! Басня — это *арригория*, то есть такая история, которая имеет какой-то глубокий смысл. Моя "история без конца" из таких, потому что ребенок в ней — это душа, правда, тетя? — воскликнул Деми, горячо желая подтверждения своей правоты.

— Правильно, дорогой, и дядина история тоже аллегория^[12], я уверена. Так что послушаем и узнаем, какой же в ней смысл, — отвечала миссис Джо, которая всегда принимала участие во всем происходящем и наслаждалась не меньше любого присутствующего мальчика.

Деми успокоился, а мистер Баэр продолжил на своем лучшем английском, ибо он значительно усовершенствовал свое знание языка за последние пять лет и утверждал, что в этом ему помогло общение с мальчиками.

— И вот этот великий садовник дал дюжину маленьких участков одному из своих младших садовников и велел ему постараться и посмотреть, что можно на них вырастить. Этот младший садовник не был ни богат, ни мудр, ни очень хорош, но он очень хотел помочь, так как великий садовник был очень добр к нему во многих отношениях. Так что младший садовник с радостью взял маленькие участки и принялся за работу. Огородики эти были самого разного размера и формы, на одних почва была очень хороша, на других довольно камениста, но забот требовал каждый из них, так как в тучной земле быстро росли сорняки, а в бедной почве было много камней.

— А что росло там кроме сорняков? — спросил Нат, так заинтересовавшись, что забыл о своей робости и заговорил в присутствии всех.

— Цветы, — отвечал мистер Баэр, бросив на него ласковый взгляд. — Даже на самой неухоженной, самой заброшенной маленькой клумбе были анютины глазки или резеда. На одной росли розы, душистый горошек и маргаритки, — тут он ласково ущипнул за пухлую щечку девочку, которую держал на коленях. — На другой были самые разные любопытные растения, виноградная лоза, карабкавшаяся вверх по камням и много хороших семян, только начинающих прорастать, так как, понимаете, об этой грядке очень заботился раньше другой хороший старик-садовник, который проработал в таких садах всю жизнь.

В этой части "*арригори*" Деми склонил голову на бок, как недоумевающая птица, и отстановил вопросительный взгляд ярких глаз на лице дяди, словно что-то заподозрил и был настороже. Но вид у мистера Баэра был вполне невинный, он продолжал смотреть то на одно, то на другое юное лицо, с серьезным, чуть печальным

выражением, которое многое сказало его жене, знавшей, как горячо желает он исполнить свой долг по отношению к этим маленьким "огородикам".

— Как я уже сказал вам, за некоторыми из участков было легко ухаживать — как, например, за тем, где росли маргаритки, а за другими очень тяжело. Был один особенно солнечный маленький участок, который мог бы быть полон ягод, овощей и цветов, да вот только он не прилагал никаких усилий, чтобы что-нибудь вырастить, и когда садовник сажал на нем, скажем, дыни, ничего хорошего не выходило, так как маленький участок не заботился о них. Садовник огорчался, но продолжал стараться, хотя каждый раз, когда урожай не удавался, все, что отвечал участок, было: "Я забыл".

За этим последовал общий смех, и все посмотрели на Томми, который наострил уши при слове "дыни" и повесил голову, услышав свою любимую отговорку.

— Я знаю, он говорит о нас! — воскликнул Деми, хлопнув в ладоши. — Ты тот садовник, дядя Фриц, а мы маленькие огородики, да?

— Ты угадал. А теперь пусть каждый из вас скажет мне, что посеять мне в вас этой весной, чтобы следующей осенью я мог собрать хороший урожай с моих двенадцати — нет, тринадцати — участков, — сказал мистер Баэр, кивнув Нату, когда поправил сам себя.

— Вы же не можете сажать в нас зерно, бобы и горошек. Если только вы не хотите сказать, что мы едим очень много и толстеем, — сказал Стаффи, и его круглое, скучное лицо неожиданно просияло, когда ему в голову пришла эта интересная идея.

— Он имел в виду не этого рода семена. Он хочет сказать, что старается сделать нас лучше, а сорняки — это наши недостатки, — воскликнул Деми, который обычно был самым активным участником таких бесед, так как был привычен к ним и очень их любил.

— Да, пусть каждый из вас подумает, в чем он нуждается больше всего, и скажет мне, а я помогу вам вырастить то, что вы хотите. Только вы должны и сами стараться, а то окажетесь, как дыни Томми, — одни листья и никаких плодов. Я начну со старших и спрошу маму, что она хотела бы иметь на своем участке, так как все мы часть прекрасного сада, и можем принести богатый урожай нашему Садовнику, если любим Его, — сказал папа Баэр.

— Я посвящу весь мой участок самому большому урожаю терпения, какого только смогу добиться. В терпении я нуждаюсь больше всего, — сказала миссис Джо так прочувствованно, что мальчики задумались очень серьезно, что скажут они сами, когда настанет их черед, а некоторые из них почувствовали угрызения совести — ведь это они способствовали своим поведением тому, что запас терпения мамы Баэр расходовался так быстро.

Франц пожелал упорства, Томми — постоянства, Нед высказался за добродушие, Дейзи за прилежание, Деми за "такую же мудрость, как у дедушки", а Нат робко сказал, что он хотел бы очень многого и потому позволяет мистеру Баэру выбрать за него. Другие выбрали примерно то же самое, так что терпение, добродушие и щедрость оказались самыми желанными урожаями. Один мальчик захотел полюбить вставать рано, но не знал какое название дать этому семени, а бедный Стаффи выдохнул:

— Я хотел бы любить учебу не меньше, чем обед, но не могу.

— Мы посадим семена самоотверженности, будем окапывать ее, и поливать, и заставлять расти как можно быстрее, так что на следующее Рождество никто не заболеет, объевшись за обедом. Если ты будешь упражнять свой ум, Джордж, он будет испытывать голод, так же как твое тело, и ты полюбишь книги не меньше моего философа, — сказал мистер Баэр и добавил, ласково отводя волосы с высокого лба Деми, — Ты тоже жаден, сын мой, и любишь набивать свой маленький ум сказками и фантазиями, так же как Джордж любит объедаться пирогами и печеньем. И то, и другое плохо, и я хочу, чтобы вы оба нашли для себя занятия получше. Арифметика далеко не так приятна, как "Сказки тысяча и одной ночи", я знаю, но она очень полезная вещь и сейчас время учить ее, а иначе ты раскаешься и со временем очень пожалеешь об этом.

— Но "Гарри и Люси"^[13] и "Франк" — это не сказки. Там говорится и о барометрах, и о кирпичачах, и о конских подковах, и о всяких других полезных вещах, и я люблю эти книжки, правда Дейзи? — сказал Деми, желая защититься.

— Это так, но я нахожу, что ты читаешь "Роланд и Майберд"^[14] гораздо чаще чем "Харри и Люси", и я думаю, что "Франк" нравится тебе далеко не так, как "Синдбад-мореход"^[15]. Ну, я заключу маленькую сделку с вами обоими: Джордж будет есть только три раза в

день, а ты читать только одну книжку с рассказами в неделю, а я сделаю вам новую площадку для крикета. Но только вы должны пообещать, что будете там играть, — добавил дядя Фриц подчеркнуто, так как Стаффи терпеть не мог бегать, а Деми всегда читал в часы, отведенные для игр.

— Но мы оба не любим крикет, — сказал Деми.

— Может быть, пока и не любите, но полюбите, когда лучше освоите эту игру. Кроме того, вы ведь хотите быть щедрыми, а другие мальчики любят играть, так что вы можете таким образом подарить им новую площадку, если пожелаете.

Это помогло обоим встать на нужную точку зрения, и они согласились на сделку, к большому удовлетворению остальных.

Они еще немного побеседовали о садах, а затем все запели. Оркестр восхитил Ната, так как миссис Баэр играла на фортепьяно, Франц на флейте, мистер Баэр на виолончели, а он сам на скрипке. Очень простой маленький концерт, но все, казалось, наслаждались музыкой, и старая Эйзи, сидя в углу, присоединялась иногда к хору сладчайшим из всех голосом, ибо в этой семье, хозяин и слуга, старый и молодой, черный и белый, принимали участие в воскресной песне, что лилась из каждого сердца к Отцу всего человечества. После этого все пожали руку папе Баэру; мама Баэр перецеловала их всех от шестнадцатилетнего Франца до маленького Роба, оставив как всегда кончик своего носа для его собственных особых поцелуев, а затем все толпой пошли спать.

Свет затененной абажуром лампы, что горела в детской, мягко освещал картинку, висевшую в ногах кровати Ната. На стенах было несколько других картин, но мальчик подумал, что есть что-то необычное именно в этой, заключенной в прелестную рамку из мха и шишек и висящей над маленькой полочкой, на которой стояла ваза со свежими цветами, собранными в весенних лесах. Это была самая красивая картинка из всех, и Нат лежал и смотрел на нее, смутно ощущая ее значение и желая узнать о ней как можно больше.

— Это моя картинка, — послышался чей-то голосок. Нат приподнял голову и увидел Деми в ночной рубашке, приостановившегося на пути в постель из комнаты тети Джо, куда он ходил за напальчником на порезанный палец.

— Кто этот человек на картинке, и что он делает с детьми? — спросил Нат.

— Это Христос, Добрый Человек. Он благословляет детей. Разве ты ничего не знаешь о Нем? — удивился Деми.

— Не очень много, но хотел бы узнать побольше. Он, в самом деле, кажется таким добрым, — отвечал Нат, чье знание о Добром Человеке было почерпнуто в основном из слышанного упоминания Его имени всуе.

— Я знаю всю эту историю, и мне она очень нравится, потому что все в ней правда, — сказал Деми.

— А кто рассказал ее тебе?

— Мой дедушка. Он все знает и рассказывает лучшие истории на свете. Я раньше играл с его большими книгами — строил из них мосты, дороги и дома, когда был маленьким, — начал Деми.

— А сколько тебе лет сейчас? — почтительно спросил Нат.

— Почти десять.

— Ты кучу всего знаешь, да?

— Да. Видишь ли, у меня довольно большая голова, и дедушка говорит, что надо много знаний, чтобы наполнить ее, так что я стараюсь закладывать в нее порции мудрости как можно скорее, — отвечал Деми, как всегда причудливо выражая мысли.

Нат засмеялся, а потом сказал серьезно:

— Рассказывай дальше, пожалуйста.

И Деми охотно продолжил без пауз и знаков препинания.

— Я нашел однажды у дедушки очень красивую книгу и хотел поиграть с ней, но дедушка сказал, что с этой книгой не играют, и показал мне картинки и рассказал все о них, и мне очень понравились эти истории: о Иосифе и его злых братьях и о милом маленьком Моисее в тростниках, и еще очень много интересных историй, но больше всех мне понравилось то, что он рассказал о Добром Человеке, и дедушка рассказывал про него мне столько раз, что я запомнил эту историю наизусть, и он дал мне эту картинку, чтобы я не забывал, и однажды, когда я болел, ее повесили здесь у моей постели, и я оставил ее, чтобы другие больные мальчики тоже на нее смотрели.

— А почему Он благословляет детей? — спросил Нат, нашедший что-то очень привлекательное в главной фигуре на картинке.

— Потому что Он любит их.

— Это были бедные дети? — спросил Нат печально.

— Да, я так думаю, видишь, как плохо многие из них одеты, да и мамы их не похожи на богатых дам. А он любил бедных людей и был очень добр к ним. Он исцелял их, и помогал им, и говорил богачам, что они не должны плохо обращаться с бедными, и бедные любили Его, горячо, горячо, — воскликнул Деми с энтузиазмом.

— Он был богат?

— О нет! Он родился в пещере, в коровьих яслях, и был так беден, что у Него даже не было своего дома, когда Он вырос, и Ему негде было жить, а иногда и нечего есть, кроме того, что Ему подавали люди, и Он ходил повсюду, проповедуя всем, и стараясь сделать всех хорошими, пока дурные люди не убили Его.

— Убили? За что? — и Нат сел в постели, чтобы послушать и посмотреть, так заинтересовал его Тот, кто посвятил себя заботе о бедных.

— Я тебе все об этом расскажу, тетя Джо не будет возражать, — и Деми устроился на соседней кровати, радуясь возможности рассказать свою любимую историю такому благодарному слушателю.

Нянюшка заглянула, посмотреть уснул ли Нат, но увидев, что происходит, снова тихонько выскользнула из комнаты и пошла к миссис Баэр рассказать с по-матерински взволнованным выражением на добром лице:

— Не хотите ли, дорогая хозяйка, пойти и посмотреть на прелестную картину? Нат слушает, слушает всем сердцем, как Деми, словно маленький белый ангел, рассказывает ему о младенце Христе.

Миссис Баэр хотела пойти и немного поговорить с Натом перед сном, так как давно заметила, что серьезное, доброе слово, сказанное в такое время, приносит много пользы. Но когда она тихонько приблизилась к двери детской и увидела Ната, жадно впивающего слова своего маленького друга, и Деми, рассказывающего чудесную и торжественную историю так, как его научили, негромко произнося прочувствованные слова и устремив красивые глаза на ласковое лицо на картинке, ее собственные глаза наполнились слезами, и она тихонько ушла, думая: "Деми, сам о том не подозревая, помогает бедному мальчику лучше, чем могла бы помочь ему я, и я не помешаю им ни единым словом".

Еще долго звучали детские голоса, когда одно невинное сердце читало великую проповедь любви другому, и никто не мешал им. Когда наконец голоса умолкли, и миссис Баэр вошла, чтобы унести лампу, Деми уже не было в комнате, а Нат крепко спал, обратясь лицом к картине, словно он уже полюбил Доброго Человека, который любил маленьких детей и оставался верным другом бедных. Лицо мальчика было безмятежным, и, глядя на него, она чувствовала, что если один-единственный день заботы и доброты сделал так много, то год терпеливого ухода, несомненно, принесет благодарный урожай из этого заброшенного садика, который уже засеял лучшими из семян маленький миссионер в ночной рубашке.

Глава 4

Ступеньки

Входя в класс в понедельник утром, Нат внутренне содрогался, так как предполагал, что ему придется продемонстрировать перед всеми свое невежество. Но мистер Баэр отвел ему спокойное место в нише у окна, где он мог сидеть спиной к остальным и где ему давал задания Франц, так что никто другой не мог слышать его грубых ошибок или видеть какие кляксы ставит он в своей тетради. Нат был искренне благодарен за это и трудился так прилежно, что мистер Баэр сказал с улыбкой, глядя на его покрасневшее лицо и испачканные чернилами пальцы:

— Не трудись слишком напряженно, мой мальчик, а то переутомишься. Времени достаточно.

— Но я должен стараться, а иначе не смогу догнать других. Они уже столько всего выучили, а я совсем ничего не знаю, — возразил Нат, который пришел отчаяние, когда услышал, как другие мальчики отвечают грамматику, историю и географию с поразительной, на его взгляд, легкостью.

— Зато ты знаешь немало такого, чего не знают они, — улыбнулся мистер Баэр, присаживаясь рядом с ним, в то время как Франц повел класс маленьких учеников через сложности таблицы умножения.

— Неужели? — В голосе Ната звучало недоверие.

— Конечно. Прежде всего, ты умеешь владеть собой, а вот Джек, который быстро считает в уме, владеть собой не умеет. Владеть собой — отличное умение. Кроме того, ты умеешь играть на скрипке, чего ни один из мальчиков не умеет, хотя им очень хотелось бы научиться. Но, лучше всего, Нат, то, что ты действительно горишь желанием чему-то научиться, и это означает, что сражение уже наполовину выиграно. Поначалу учеба покажется тебе трудным занятием, порой ты будешь чувствовать себя обескураженным, но продолжай стараться, и учеба будет становиться легче и легче по мере того, как ты будешь овладевать новыми знаниями.

Лицо Ната все более прояснялось, пока он слушал. Как бы мал ни был список его умений, его несказанно обрадовало сознание того, что

и ему есть чем гордиться. "Да, я умею сдерживаться — научило меня этому вечное отцово битие. И я умею играть на скрипке, хотя и не знаю, где находится Бискайский залив", — подумал он с невыразимым чувством облегчения. Вслух он добавил — да так горячо, что его услышал Деми:

— Я очень хочу учиться и буду стараться. Я никогда не ходил в школу, но это не моя вина. Если ребята не будут смеяться надо мной, я думаю, что я сумею справиться с учебой, тем более что вы и миссис Баэр так добры ко мне.

— Ребята не будут смеяться над тобой, а если будут, я скажу им, чтобы не смеялись! — воскликнул Деми, совсем забыв, где находится.

Класс остановился посреди "семью девять", и все обернулись посмотреть, что происходит.

Полагая, что урок взаимопомощи в данный момент будет полезнее урока арифметики, мистер Баэр рассказал им о Нате, сделав историю маленькой жизни такой интересной и трогательной, что добросердечные мальчики тут же пообещали оказать новичку помощь и почувствовали себя очень польщенными тем, что их призвали поделиться своими запасами мудрости с пареньком, который "так здорово играет". Это обращение к их лучшим чувствам помогло установить дружескую атмосферу, и в результате Нату потребовалось преодолеть не так уж много препятствий на пути к знаниям, так как каждый был рад "пособить".

Пока он еще не окреп, напряженная учеба была ему не по силам, и миссис Джо старалась занять и развлечь его чем-нибудь другим в доме и саду, пока другие сидели над книжками. Его огородик был для него лучшим из лекарств, и он работал на своей маленькой ферме без усталости, сажая бобы, заинтересованно наблюдая, как они растут, радуясь каждому зеленому листку и стройному стебельку, который появлялся и быстро тянулся к солнцу в теплую весеннюю погоду. Никогда еще не было огородика, за которым ухаживали бы более усердно; мистер Баэр, право же, боялся, что растения не найдут времени, чтобы вырасти, поскольку Нат постоянно их окучивал, так что пришлось давать ему легкие задания в цветнике или на земляничной плантации, где он работал, напевая так же бодро, как и жужжавшие вокруг него пчелы.

— А вот этот урожай нравится мне больше всего, — говорила миссис Баэр, ущипнув его за прежде запавшую, а теперь становящуюся пухлой и румяной щеку или поглаживая сутулые плечи, медленно распрямлявшиеся благодаря здоровой работе, хорошей пище и исчезновению прежней тяжелой ноши бедности.

Деми был его маленьким другом, Томми — покровителем, а Дейзи — утешительницей во всех его горестях, так как, хотя эти простодушные дети были младше него, он, робкий по натуре, находил удовольствие в их обществе и избегал шумных игр старших мальчиков. Мистер Лоренс не забывал его и посылал одежду и книги, ноты и добрые письма, а иногда приезжал, чтобы посмотреть, как поживает его мальчик, или взять его в город на концерт — в таких случаях Нат чувствовал себя на седьмом небе от счастья, так как поездка в город означала посещение великолепного дома мистера Лоренса, отличный обед, встречу с его красивой женой и маленькой дочерью, похожей на сказочную фею. После каждой такой поездки Нат был в полном восторге и говорил, и мечтал о новом приглашении днями и ночами.

Так мало нужно, чтобы сделать ребенка счастливым, и приходится только удивляться, что в мире, в котором полно солнечного света и самых разных приятностей и удовольствий, встречаются печальные детские лица, пустые маленькие руки или одинокие маленькие сердца. Чувствуя это, Баэры собирали все крошки, какие только могли найти, чтобы накормить свой выводок голодных воробьев, так как сами они были богаты лишь отзывчивостью. Многие из друзей миссис Джо, которые сами были родителями, посылали ей игрушки, которые так быстро надоедали их детям, и их починка стала для Ната любимым занятием. Его изящные пальцы оказались очень аккуратными и ловкими, и он проводил немало дождливых дней в классной со своей бутылочкой клея, коробкой красок и перочинным ножичком, занимаясь починкой игрушечной мебели, плюшевых зверей и настольных игр, в то время как Дейзи усердно обшивала растерзанных, неодетых кукол. Починенные игрушки заботливо убирали в один из ящичков комода, из которого предстояло обеспечить подарки на Рождество всем бедным детям из окрестных поселков — именно так пламфильдские мальчики всегда праздновали день рождения Того, кто любил бедняков и благословлял детей.

Деми никогда не уставал читать и объяснять прочитанное, и двое друзей провели немало приятных часов на старой иве, наслаждаясь "Робинзоном Крузо"^[16], "Сказками тысяча и одной ночи" и другими бессмертными произведениями, которые будут восхищать детей еще немало веков. Это открыло Нату новый мир, и горячее желание знать, куда книга поведет героев в очередной главе, помогало ему преодолевать трудности, так что вскоре он смог читать так же хорошо, как остальные, и испытывал такую радость и гордость от этого, что ему грозило стать почти таким же книжным червем, как и сам Деми.

Другая удача пришла к Нату самым неожиданным и приятным образом. Некоторые из мальчиков, по их выражению, были "деловыми людьми" и "занимались бизнесом". Зная, что большинство из них бедны и что им придется самим со временем пробивать себе дорогу в жизни, Баэры поощряли в своих питомцах стремление стать независимыми. Томми продавал яйца своих кур, Джек торговал червяками, Франц помогал в учительской работе и получал за это деньги, Нед имел склонность к плотницким работам, и для него был поставлен токарный станок, на котором он вытачивал всевозможные полезные или красивые вещи и продавал их, в то время как Деми конструировал водяные мельнички, волчки, а также разные неведомые хитроумные и бесполезные приспособления, которые дарил или продавал другим мальчикам.

— Пусть будет механиком, если хочет, — говорил мистер Баэр. — Научите мальчика ремеслу, и он независим. Благотворна любая работа, и какой бы талант не открылся у этих мальчиков, будь то талант поэта или талант земледельца, его нужно культивировать и обращать им на пользу, если это возможно.

Так что, когда Нат прибежал к нему однажды и спросил с взволнованным видом:

— Можно мне пойти и поиграть на скрипке для людей, которые собираются устроить пикник в нашем лесу? Они обещают заплатить мне, а я хотел бы получить немного денег, как другие мальчики, и игра на скрипке — единственный способ заработать, какой я знаю, то мистер Баэр с готовностью ответил:

— Иди, мой мальчик. Это легкий и приятный способ заработать, и я рад, что его предложили тебе.

Нат пошел и вернулся домой с двумя долларами в кармане, которые продемонстрировал с огромным удовлетворением, рассказывая, какое удовольствие доставил ему этот день, как добры были молодые люди, и как они хвалили его игру, танцевали под его музыку и обещали еще не раз позвать его.

— Это гораздо приятнее, чем играть на улице. Тогда все деньги доставались не мне, а теперь все они мои, и к тому же я очень приятно провел время. У меня теперь тоже "бизнес", как у Томми и Джека, и мне это очень нравится, — сказал Нат, гордо поглаживая старый бумажник, и уже чувствуя себя миллионером.

И он, действительно, стал "деловым человеком", так как с приходом лета пикники стали следовать один за другим, и мастерство Ната пользовалось громадным спросом. Ему всегда позволялось пойти, если это не мешало учебе и если участники пикника были порядочными молодыми людьми, так как мистер Баэр объяснил ему, что хорошее образование необходимо каждому и что никакие деньги не должны манить его туда, где он может столкнуться с искушением поступить дурно. Нат вполне согласился с этим, и было приятно видеть, как простодушный, улыбающийся мальчик садится в какой-нибудь нарядный экипаж, который остановился у ворот только для того, чтобы забрать его, и приятно было встречать его после пикника, усталого, но счастливого, с честно заработанными деньгами в одном кармане и "гостинчиком" для Дейзи или маленького Тедди, которого он никогда не забывал.

— Я буду копить, пока не смогу купить для себя скрипку, а уж тогда я смогу сам зарабатывать себе на жизнь, правда? — говорил он не раз, принося свои доллары на хранение мистеру Баэру.

— Надеюсь, что так, Нат, но мы должны сначала сделать тебя сильным и крепким и вложить немного знаний по истории, географии и арифметике в твою музыкальную голову. А потом мистер Лори найдет тебе где-нибудь хорошее место, и через несколько лет мы все будем ходить и слушать, как ты играешь на публике.

Благотворный труд, поощрение окружающих и надежда делали жизнь Ната легче и счастливее с каждым днем, и он добился таких успехов в музыке, что его учитель прощал ему посредственные оценки по другим предметам, зная очень хорошо, что успех там, где сердце и ум работают лучше всего. Самым тяжелым наказанием для мальчика

за пренебрежение более важными уроками было требование не прикасаться к скрипке и смычку целый день. Страх совсем потерять своего сердечного друга заставлял его браться за книги со рвением, а, доказав, что ему под силу справиться с любыми уроками, как мог он сказать: "Не могу"?

Дейзи очень любила музыку и испытывала огромное почтение ко всякому, кто умел играть, и часто ее находили сидящей на ступеньках под дверью Ната, пока он практиковался. Это было очень приятно для него, и он старался играть как можно лучше ради своей скромной маленькой слушательницы, которая никогда не соглашалась войти в комнату, где он играл, но предпочитала сидеть и сшивать яркие лоскутки или ухаживать за одной из своих многочисленных кукол с выражением мечтательного удовольствия на лице — выражением, заставлявшим тетю Джо говорить со слезами на глазах: — Она совсем как моя Бесс, — и проходить тихонько мимо, чтобы даже ее привычное присутствие не помешало девочке наслаждаться музыкой.

Нат очень полюбил миссис Баэр, но находил нечто даже еще более привлекательное в добром профессоре, по-отечески заботившемся о нем, робком, слабом мальчишке, который едва остался в живых после того, как его маленькую лодочку носило по бурным волнам житейского моря целых двенадцать лет. Какой-то добрый ангел, должно быть, следил за ним, так как хотя его тело страдало, его душа, казалось, совсем не огрубела и вышла на берег такой же невинной и кроткой, как дитя, спасенное после кораблекрушения. Возможно, именно любовь к музыке помогла ему сохранить мягкость характера и чувствительность, несмотря на отсутствие гармонии в той обстановке, что окружала его долгие годы, — так говорил мистер Лори, а уж он-то разбирался в такого рода делах. Как бы то ни было, папа Баэр находил удовольствие в том, чтобы способствовать развитию добродетелей Ната и исцелять его недостатки, находя своего нового ученика послушным и любящим, как девочка. Он часто называл Ната своей "доченькой", когда говорил о нем с миссис Джо, и она обычно смеялась над этой его причудой, так как ей самой больше нравились мужественные мальчишки, а Ната она считала милым, но слабым, хотя вы никогда не догадались бы об этом, так как она, как и Дейзи, баловала и ласкала его, и он считал ее совершенно восхитительной женщиной.

Впрочем, один недостаток Ната доставлял Баэрам немалую тревогу, хотя они понимали, что недостаток этот был усилен страхом и невежеством. С сожалением приходится отметить, что Нат порой лгал. Не то чтобы это была совсем уж откровенная ложь, редко она оказывалась явной, а чаще была почти невинной, но это не имело значения: ложь есть ложь, и хотя мы все говорим немало вежливой неправды в этом нашем странном мире, это неправильно, и каждый знает это.

— Осторожность никогда не помешает; следи за своим языком, за глазами и за руками, так как очень легко сказать или выразить взглядом и действием неправду, — заметил мистер Баэр в одной из бесед с Натом о его главном пороке.

— Я понимаю это, и я не хочу лгать, но гораздо легче жить, если ты не очень тревожишься о том, чтобы всегда быть абсолютно правдивым. Раньше мне случалось солгать, так как я боялся отца и Николо, а теперь делаю это иногда, потому что мальчишки смеются надо мной. Я знаю, это плохо, но я забываю. — Нат выглядел очень огорченным.

— В детстве я тоже часто лгал! Ох! Какая ужасная ложь это была! И как ты думаешь, каким способом излечила меня от этого моя старая бабушка? Мои родители убеждали, кричали, наказывали, но я все равно забывал, совсем как ты. Тогда моя дорогая бабушка сказала мне: "Я помогу тебе запомнить, что лгать нехорошо, и обуздаю твой непослушный язык". — И с этими словами она вытянула язык у меня изо рта и быстро отхватила ножницами самый-самый кончик, так что пошла кровь. Это было ужасно, поверь мне, но принесло мне немалую пользу, так как язык болел несколько дней и каждое слово, которое я произносил, давалось мне с таким трудом, что у меня было время подумать, что я говорю. После этого я стал осторожнее, и дело пошло лучше, так как я боялся больших ножниц. Однако дорогая бабушка глубоко любила меня и была очень добра ко мне всегда и во всем, и, даже умирая вдали отсюда, в Нюрнберге, она молилась о том, чтобы ее Фриц всегда любил Бога и говорил правду.

— У меня никогда не было бабушки, но если вы думаете, что меня можно исправить таким способом, я готов позволить вам отщипнуть кончик моего языка, — сказал Нат с героической

самоотверженностью, так как он страшился боли, однако очень хотел избавиться от привычки лгать.

Мистер Баэр улыбнулся, отрицательно покачав головой.

— Я знаю средство получше; я прибег к нему однажды прежде и добился успеха. Вот послушай. Если тебе случится солгать, я не буду наказывать тебя, но ты накажешь меня.

— Как? — спросил Нат, пораженный этой идеей.

— Старым добрым способом — ударишь меня по рукам указкой; я редко наказываю так моих учеников, но, может быть, наказание запомнится тебе лучше, если ты причинишь боль мне, чем если испытаешь ее сам.

— Ударить вас? Что вы! Я никогда не смог бы! — вскричал Нат.

— Тогда следи за твоим забывчивым языком. Я не хочу, чтобы мне было больно, но охотно перенесу даже самую мучительную боль, лишь бы исправить твой недостаток.

Это странное предложение произвело такое впечатление на Ната, что долгое время он следил за своими речами и был отчаянно правдив, так как мистер Баэр был совершенно прав, полагая, что любовь к нему будет для Ната более сильным побудительным мотивом, чем страх за самого себя. Но, увы! В один злополучный день Нат забыл об осторожности, и когда вспыльчивый Эмиль пригрозил отлупить его, если это он пробежал накануне по его огороду и затоптал посеvy пшеницы, Нат заявил, что ничего не знает ни о какой пшенице, а потом ему было стыдно признаться, что он сделал это, когда Джек гнался за ним накануне вечером.

Он думал, что никто ни о чем не узнает, но Томми случайно видел, как все произошло, и когда Эмиль заговорил о случившемся день или два спустя, Томми дал свидетельские показания, и мистер Баэр слышал их разговор. Уроки уже кончились, все мальчики стояли в передней, а мистер Баэр как раз опустился в плетеное кресло, чтобы поиграть с Тедди, но, услышав слова Томми и увидев пылающее, испуганное лицо Ната, снова поставил малыша на пол со словами: — Беги к маме, *bbchen*^[17], я скоро приду, — и, взяв Ната за руку, повел его в классную комнату и закрыл дверь.

С минуту мальчики смотрели друг на друга в молчании, затем Томми выскользнул за дверь и, заглянув в щель между шторами, увидел зрелище, которое привело его в совершенное замешательство.

Мистер Баэр как раз взял длинную линейку, висевшую над его столом и так редко использовавшуюся, что она была покрыта пылью.

"Ого! Он собирается разделаться с Натом на этот раз. Уж лучше бы я ничего не говорил", — подумал добродушный Томми, так как оказаться побитым было глубочайшим позором в этой школе.

— Ты помнишь, что я сказал тебе в прошлый раз? — спросил мистер Баэр печально, но не сердито.

— Да, но, пожалуйста, не заставляйте меня, я не вынесу этого, — воскликнул Нат, прижимаясь к двери и спрятав за спину обе руки, с лицом полным страдания.

"Почему он не примет наказание как мужчина? Я на его месте повел бы себя именно так", — подумал Томми, хотя то, что он видел, заставляло его сердце биться с отчаянной быстротой.

— Я сдержу слово, а ты запомнишь, что должен всегда говорить только правду. Слушайся меня, Нат, возьми линейку и ударь меня по рукам шесть раз.

Томми был так ошеломлен этими последними словами, что почти свалился с окна, но в последний момент удержался и повис на узком каменном выступе, тараща глаза, такие же круглые, как у чучела совы на каминной полке.

Нат взял линейку, так как, когда мистер Баэр говорил таким тоном, было невозможно не подчиниться, и с видом, таким испуганным и виноватым, как если бы собирался заколоть своего учителя, два раза слабо ударил по широкой руке, подставленной ему. Затем он остановился и поднял глаза, почти ничего не видя от слез, но мистер Баэр сказал спокойно:

— Продолжай и бей сильнее.

Чувствуя, что выхода нет, и горячо желая покончить поскорее со своей мучительно неприятной задачей, Нат вытер глаза рукавом и нанес еще два более сильных удара, от которых рука покраснела, что причинило ударившему еще большую боль.

— Уже хватит? — спросил он задыхаясь.

— Еще два, — послышалось в ответ, и он нанес эти два удара, почти не видя, куда опускает линейку, затем отшвырнул ее и, обхватив добрую, большую руку обеими руками, уткнулся в нее лицом и рыдая от горя, любви, стыда и раскаяния.

— Я запомню! О! Я буду всегда помнить!

Тогда мистер Баэр обнял его и сказал тоном, настолько же сострадательным, насколько суровым он был лишь несколько мгновений назад.

— Надеюсь, что так и будет. Проси Бога помочь тебе, и постарайся избавить нас обоих от подобных сцен.

Больше Томми ничего не видел, так как пробрался обратно в холл с таким взволнованным и серьезным видом, что мальчики столпились вокруг него, чтобы расспросить, что произошло в классной с Натом.

Наивыразительнейшим шепотом Томми поведал им обо всем, что увидел, и вид у них был такой, словно небо вот-вот свалится на землю. Казалось, все встало с ног на голову, и от этого у всех перехватило дыхание.

— Он сделал то же самое однажды со мной, — сказал Эмиль, словно признаваясь в самом черном преступлении.

— И ты ударил его? Дорогого старого папу Баэра? Гром и молния! Попробовал бы ты сделать это сейчас! — вскричал Нед, хватая Эмиля за воротник в порыве праведного гнева.

— Это было очень давно. Сейчас я скорее согласился бы, чтобы мне оторвали голову, чем пошел бы на такое, — и Эмиль мягко отстранил Неда, хотя в менее серьезных обстоятельствах счел бы своим долгом дать тому пощечину.

— Да как ты смог? — спросил Деми, в ужасе от одной этой мысли.

— Я тогда был ужасно зол и думал, что мне все равно, даже, может быть, понравится побить кого-нибудь. Но когда я, размахнувшись, ударил дядю один раз, мне вдруг вспомнилось все, что он сделал для меня, и я не мог продолжать. Нет, сэр! Если бы он даже повалил меня и топтал ногами, я не возмутился бы — таким подлецом и негодяем чувствовал я себя в тот момент, — и Эмиль с силой ударил себя в грудь, чтобы выразить свое раскаяние.

— Нат был весь в слезах. Я думаю, он страшно расстроен и огорчен, так что давайте не говорить ни слова об этом, хорошо? — сказал мягкосердечный Томми.

— Конечно, мы ничего не скажем, но это так ужасно — лгать! — Деми произнес это с таким видом, словно преступление стало еще ужаснее от того, что наказание постигло не грешника, но любимейшего дядю Фрица.

— Может быть, нам всем лучше уйти, чтобы Нат смог убежать наверх, если захочет, — предложил Франц и повел всех в амбар, их главное убежище в тревожную пору.

Нат не вышел к обеду, но миссис Джо отнесла ему наверх поест и сказала ласковое слово, от которого ему стало чуть легче, хотя он по-прежнему не имел силы взглянуть на нее. Спустя несколько часов мальчики, игравшие во дворе, услышали звуки скрипки и сказали друг другу: "Кажется, он успокоился".

Нат, в самом деле, несколько успокоился, хотя все еще не решался спуститься вниз и присоединиться к остальным. Но, открыв дверь, чтобы ускользнуть в одиночестве в лес, он неожиданно обнаружил сидящую на ступеньках Дейзи; вместо обычной куклы или рукоделия в руках у нее был только мокрый носовой платок — она горевала о своем уединившемся друге.

— Я иду на прогулку, хочешь пойти со мной? — спросил Нат, стараясь выглядеть так, словно ничего не произошло, но испытывая глубокую благодарность за ее безмолвное сочувствие, так как воображал, что каждый должен смотреть на него как на негодяя.

— О да! — и Дейзи побежала за шляпой, гордясь тем, что ее выбрал в спутники один из больших мальчиков.

Остальные наблюдали, как они удаляются, но никто не последовал за ними, так как у мальчиков гораздо больше деликатности, чем принято считать, и каждый инстинктивно чувствовал, что кроткая маленькая Дейзи самый подходящий друг в тот момент, когда вы опозорены и несчастны.

Прогулка принесла Нату облегчение, и хотя он был молчалив, когда вернулся домой, вид у него опять был бодрый и радостный в гирляндах маргариток, которые сплела и которыми увешала его маленькая подруга, пока он лежал на траве и рассказывал ей разные истории.

Никто не сказал ни слова об утренней сцене, но, возможно, именно по этой причине воздействие ее на Ната оказалось продолжительным. Он изо всех сил старался неизменно быть правдивым во всем, и помогали ему в этом как искренние молитвы, которые он возносил своему Другу на небесах, так и терпеливая забота земного друга, чьей доброй руки он никогда не касался, не вспомнив, что она охотно вынесла боль ради него.

Глава 5

Пирожки-куличики

— В чем дело, Дейзи?

— Мальчики не берут меня играть с ними.

— Почему?

— Они говорят, что девочки в футбол не играют.

— Играют! Я сама играла! — и миссис Баэр засмеялась, вспомнив проказы юности.

— Я умею играть. Мы с Деми раньше часто играли, и было очень весело, а теперь он не хочет взять меня в команду, потому что другие мальчики смеются над ним. — Дейзи явно была глубоко огорчена черствостью брата.

— Вообще говоря, дорогая, я думаю, он прав. Играть в футбол, быть может, совсем неплохо, когда вы вдвоем, но если играет десяток буйных мальчишек, игра окажется слишком грубой и неприятной для тебя, так что на твоём месте я нашла бы для себя какую-нибудь другую хорошую игру.

— Мне надоело играть одной! — сказала Дейзи жалостно.

— Я обещаю, что буду играть с тобой иногда, но сейчас я должна бежать и приготовить все для поездки в город. Ты поедешь со мной и увидишь маму, а, если захочешь, сможешь остаться с ней.

— Конечно, я очень хочу поехать и повидать ее и крошку Джози, но я все-таки хотела бы потом вернуться в школу. Деми будет скучать обо мне, и мне самой тут очень нравится, тетечка.

— Ты не можешь обойтись без своего Деми, да? — и тетя Джо взглянула на нее ласково, вполне понимая любовь маленькой девочки к единственному брату.

— Конечно не могу, ведь мы близнецы, поэтому мы любим друг друга больше, чем других людей, — отвечала Дейзи, оживившись, так как считала положение близнеца одной из высших почестей, какой можно удостоиться на земле.

— Чем же ты займешься, пока я бегаю по делам? — спросила миссис Баэр, с большой поспешностью извлекая из шкафа кипу белья.

— Не знаю, мне надоели куклы и все такое. Я хотела бы, чтобы ты, тетечка Джо, придумала для меня новую игру, — сказала Дейзи, безжизненно повиснув на дверной ручке и слегка покачиваясь.

— Мне придется придумать какую-нибудь совсем новую, и на это потребуется время, так что, полагаю, тебе лучше пока прогуляться в кухню и посмотреть, что Эйзи приготовила тебе на второй завтрак, — предложила миссис Баэр, думая, что это будет хороший способ на время избавиться от помешавшей ей Дейзи.

— Что ж, я не против, если она не сердитая, — и Дейзи медленно побрела в кухню, где единолично правила Эйзи, кухарка-негритянка.

Через пять минут Дейзи вернулась с оживленным лицом, куском теста в руке и испачканным мукой носом.

— О тетечка! Можно мне пойти и испечь имбирный пряник и еще что-нибудь? Эйзи сегодня не сердитая и сказала, что мне можно помогать ей, и это будет так весело, пожалуйста! — вскричала Дейзи, все на одном дыхании.

— Конечно, это именно то, что нужно, иди и делай, что тебе нравится, и можешь оставаться в кухне, сколько хочешь, — отвечала миссис Баэр с большим облегчением, так как иногда труднее развлечь одну маленькую девочку, чем целую дюжину мальчиков.

Дейзи убежала, а тетя Джо, занимаясь своей работой, ломала голову над тем, какую новую игру предложить Дейзи. Вдруг ей, как кажется, пришла в голову интересная идея, так как она улыбнулась себе самой, захлопнула дверцы шкафа и быстро удалилась, со словами:

— Вот это я и сделаю, если только удастся!

Что это была за идея, никто так и не узнал в тот день, но глаза у тети Джо лукаво поблескивали, когда она сообщила Дейзи, что придумала новую игру и собирается купить ее. Дейзи была очень взволнована и задавала вопросы всю дорогу, пока они ехали в город, но не получала ответов, которые хоть что-нибудь прояснили для нее. Затем она осталась дома играть с малюткой и радовать взоры матери, пока тетя Джо отправилась за покупками. Когда она вернулась со всевозможными необычной формы свертками, торчавшими из большой сумки, Дейзи охватило такое любопытство, что она захотела сразу же вернуться в Пламфильд. Но тетя попросила не торопить ее и погрузилась в долгую беседу с мамой в ее комнате, расположившись

на ковре с малюткой на коленях и заставляя миссис Брук смеяться над проделками мальчиков и прочими веселыми пустяками.

Как успела тетя рассказать о секрете, Дейзи не могла догадаться, но мама, очевидно, уже знала о нем, так как, завязывая ей ленты капора и целуя румяное личико под оборкой, сказала:

— Будь послушной и хорошей, моя Дейзи, и учись славной новой игре, которую тетя придумала для тебя. Это очень полезная и интересная игра, и очень любезно со стороны тети согласиться играть в нее с тобой, потому что сама она такие игры не очень любит.

Это последнее заявление заставило обеих женщин сердечно рассмеяться и усилило недоумение Дейзи. Когда они отъезжали, в задней части экипажа что-то загремело.

— Что это? — спросила Дейзи, наострив уши.

— Новая игра, — отвечала миссис Джо внушительно.

— Из чего она сделана? — воскликнула Дейзи.

— Из железа, жести, дерева, меди, сахара, соли, угля и сотни других материалов.

— Как странно! А какого она цвета?

— Всех цветов.

— Она большая?

— Часть ее большая, а часть нет.

— Я когда-нибудь такую видела?

— Много раз, но такой отличной, как эта, — никогда.

— О-о! Что же это может быть? Я не могу ждать. Когда я ее увижу? — Дейзи подпрыгивала на месте от нетерпения.

— Завтра утром, после уроков.

— Она и для мальчиков тоже?

— Нет, только для тебя и для Бесс, когда она приедет в гости. Мальчики, конечно, захотят посмотреть на игру и даже поиграть в нее — отчасти. Но все зависит от тебя, захочешь ли ты позволить им присоединиться.

— Я позволю Деми, если он захочет.

— Захотят, наверняка, все, особенно Стаффи, — и в глазах миссис Баэр заиграли необыкновенно веселые искорки, когда она похлопала по странному угловатому свертку, лежавшему у нее на коленях.

— Дай мне пощупать разочек, — взмолилась Дейзи.

— Ни разу не дам, а то ты тут же угадаешь, что это такое, и испортишь всю забаву.

Дейзи застонала, а затем улыбка разлилась по всему ее лицу, так как через маленькую дырочку в бумаге она мельком увидела что-то яркое.

— Как я смогу так долго ждать? Нельзя ли мне увидеть ее сегодня?

— О нет, дорогая! Ее надо приготовить, и так много частей приставить к своим местам. Я обещала дяде Тедди, что ты не увидишь ее, пока она не будет в образцовом порядке.

— Если дядя знает об игре, тогда это, должно быть, что-то великолепное! — воскликнула Дейзи, хлопая в ладоши, так как этот добрый, богатый, веселый дядя был для детей не хуже настоящей сказочной феи-крестной и всегда придумывал веселые сюрпризы, красивые подарки и забавные развлечения.

— Да, Тедди пошел и купил ее со мной, и нам было так весело в магазине выбирать разные ее части. Он стремился купить все самое красивое и большое, и моя маленькая затея стала по-настоящему великолепной, когда он взялся за дело. Ты должна подарить ему свой самый нежный поцелуй, когда он приедет, так как он добрейший дядя! Взял да и купил чудеснейшую маленькую ку... Ах! Чуть не выдала секрет! — и миссис Баэр, не договорив самое интересное слово, начала просматривать свои счета, словно боясь, что выпустит кота из мешка, если продолжит разговор. Дейзи сложила руки с видом покорности судьбе и сидела совсем тихо, стараясь догадаться, какая есть на свете игра, название которой начинается со слога "ку".

Когда они вернулись домой, она внимательно смотрела на каждый вынимаемый сверток, и один из них, большой и тяжелый, который Франц сразу отнес наверх и спрятал в детской, вызвал у нее особенное удивление и любопытство. Что-то очень таинственное происходило наверху в тот день: Франц стучал молотком, Эйзи бегала вверх и вниз по лестнице, тетя Джо порхала по дому, как блуждающий огонек, с разными непонятными предметами под передником, а маленький Тед, который был единственным из детей посвященным в тайну, так как не умел говорить отчетливо, семенил за матерью, смеялся и лепетал, пытаясь объяснить, что же такое "осень холосенькое" есть наверху.

Все это почти сводило Дейзи с ума, и ее возбуждение передалось и мальчикам, которые со всех сторон осаждали маму Баэр предложениями помощи, которые она решительно отклонила, повторив то, что ранее сказала Дейзи:

— Девочки не могут играть с мальчиками. Это игра для Дейзи и Бесс, и для меня, так что вас нам не нужно.

После чего юные джентльмены покорно удалились и пригласили Дейзи поиграть с ними в камешки, лошадки, футбол и во все, во что она только пожелает, с неожиданной теплотой и вежливостью, изумившей ее невинную маленькую душу.

Благодаря этим знакам внимания, день для нее прошел быстро, она рано отправилась в постель, а на следующее утро делала уроки с усердием, заставившим дядю Фрица пожелать, чтобы новая игра изобреталась каждый день. Глубокое волнение охватило всех в классной комнате, когда в одиннадцать часов Дейзи сделала уроки и была отпущена, так как каждый знал, что она собирается начать играть в новую и таинственную игру.

Множество глаз провожало ее, когда она убегала, и это событие так отвлекло Деми от занятий, что на вопрос Франца о том, где находится пустыня Сахара, мрачно отвечал:

— В детской, — и вся школа смеялась над ним.

— Тетя Джо, я сделала все уроки, и я не могу больше ждать ни минуты! — закричала Дейзи, влетая в комнату миссис Баэр.

— Игра готова, пойдем, — и, подхватив Тедди под мышку, а свою рабочую корзинку под другую, тетя Джо немедленно повела девочку вверх.

— Я ничего не вижу, — сказала Дейзи, растерянно обводя взглядом детскую.

— А слышишь что-нибудь? — спросила тетя Джо, хватая Тедди за подол его маленького платьица, когда он напрямик направился к окну.

Дейзи услышала странное потрескивание, а затем мягкий, журчащий звук, как от поющего чайника. Эти шумы шли из-за занавески, которой был задернут глубокий эркер^[18]. Дейзи отдернула ее и замерла, произнеся лишь одно радостное "О!" и с восторгом уставившись на... что бы вы думали?

Широкое сиденье тянулось вдоль всех трех сторон эркера. На нем с одной стороны висели и стояли всевозможные маленькие

кастрюльки, горшочки, рашперы и сковородки, с другой — маленькие обеденный и чайный сервизы, а посередине располагалась кухонная плита — не жестяная, от которой было бы мало пользы, но настоящая железная печечка, достаточно большая, чтобы готовить на ней обеды для большой семьи очень голодных кукол. Но лучше всего был настоящий огонь, горевший в ней; настоящий пар шел из носика маленького заварного чайника, а крышка маленького кипятильного котелка даже приплясывала, так сильно кипела в нем вода. Одно стекло в оконной раме было заменено жестяной пластиной с отверстием для маленькой трубы, и настоящий дым уплывал через нее на улицу так естественно, что сердце радовалось. Ящик с дровами и ведро с углем стояли рядом, прямо над ними висел совок для мусора, метелка и щетка. Маленькая корзинка для покупок стояла на низеньком столике, за которым Дейзи обычно играла, а на спинке ее маленького стульчика висел белый передник с грудкой и забавный поварской колпачок. Солнце смотрело в окно на все это великолепие, словно наслаждаясь происходящим, маленькая печечка бодро гудела, чайник выпускал пар, новенькие противни сверкали на стенах, красивый фарфор стоял манящими рядами, и, в целом, это была такая веселая и совершенная кухонька, какую только могла пожелать любая девочка.

После первого радостного "О!" Дейзи стояла совершенно безмолвно, но ее глаза быстро перебежали с одного чудесного предмета на другой и становились все ярче, пока не остановились на веселом лице тети Джо, когда, совершенно счастливая, она обняла ее и воскликнула с благодарностью:

— Ах, тетя, это великолепная новая игра! И я, в самом деле, могу варить на этой миленькой плите и звать гостей, и угощать их, и подметать, и разводить огонь, который горит по-настоящему? Как мне это нравится! И как ты такое придумала?

— На эту мысль навело меня то, что тебе так понравилось печь имбирные пряники вместе с Эйзи, — сказала миссис Баэр, обнимая Дейзи, которая прыгала так, словно была готова взлететь. — Я знала, что Эйзи не позволит тебе часто надоедать ей в ее кухне, да там и небезопасно, когда горит большой огонь, так что я подумала, не удастся ли мне найти маленькую печечку и научить тебя готовить, это будет и весело, и полезно. Так что я пробежала по магазинам игрушек,

но все большое стоило так дорого, что я уже собиралась отказаться от своей затеи, когда неожиданно встретила твоего дядю Тедди. Как только он узнал, что я собираюсь сделать, так сразу выразил желание помочь и настоял на покупке самой большой игрушечной плиты, какую мы смогли найти. Я спорила и сердилась, но он только смеялся и дразнил меня, вспоминая мою стряпню в те годы, когда мы были молоды, и говорил, что я должна научить не только тебя, но и Бесс вкусно готовить, и продолжал покупать всевозможные хорошенькие маленькие вещички для моего "кухонного класса", как он это назвал.

— Как я рада, что ты встретила его! — сказала Дейзи, когда миссис Джо перестала смеяться над воспоминаниями о веселом времени, проведенном с дядей Тедди.

— Ты должна стараться и научиться готовить самые разные блюда, так как он говорит, что будет часто приходить к чаю и ожидает чего-нибудь необыкновенно вкусного.

— Это самая милая, хорошая кухонька на свете, и я охотнее буду учиться в ней, чем играть в любые другие игры. Нельзя ли мне научиться печь пироги и торты, и миндальное пирожное и все такое? — выкрикивала Дейзи, танцуя по комнате с новой сковородой в одной руке и крошечной кочергой в другой.

— Всеу свое время. Это будет полезная игра, и я собираюсь помочь тебе. Ты будешь моей кухаркой, так что я буду говорить тебе, что нужно делать, и показывать, как это делать. Так у нас с тобой получится что-то съедобное, и ты будешь учиться готовить по-настоящему, пусть пока только в маленьком масштабе. Я буду называть тебя Салли и играть в то, что ты новая кухарка, которая только что приехала в дом, — добавила миссис Джо, устраиваясь в кресле со своим шитьем, в то время как Тедди сидел на полу, посасывая большой палец и таращась на печечку, словно она была живой, — внешний вид этого предмета вызывал у него глубокий интерес.

— Как это будет прелестно! С чего же я начну? — спросила Салли, с такой готовностью и таким счастливым лицом, что тете Джо захотелось, чтобы все новые кухарки были хотя бы отчасти так же красивы и веселы.

— Прежде всего, надень этот чистый колпачок и передник. Я довольно старомодная и строгая хозяйка и хочу, чтобы моя кухарка была очень аккуратна.

Салли подоткнула кудрявые волосы под круглую шапочку и безропотно надела передник, хотя обычно протестовала против всякого рода передников и нагрудников.

— Теперь, ты можешь прибрать в кухне и вымыть новый фарфор. Старый сервиз тоже надо вымыть, так как моя последняя служанка оказалась такой нерадивой, что оставила его в весьма печальном состоянии после приема гостей.

Тетя Джо говорила совершенно серьезно, но Салли рассмеялась, так как знала, кто была неаккуратная "служанка", оставившая чашки немывыми и липкими. Затем она засучила рукава и со вздохом удовлетворения начала порхать по своей кухоньке, то и дело останавливаясь, чтобы шумно выразить свой восторг по поводу "миленькой скалочки", "прелестного тазика" для мытья посуды, или "очаровательной перечницы".

— Теперь, Салли, возьми корзинку и сходи на рынок; вот список всего, что мне нужно для обеда, — сказала миссис Джо, вручая ей листок бумаги, когда посуда была приведена в порядок.

— А где рынок? — спросила Дейзи, находя, что новая игра становится все интереснее с каждой минутой.

— В кухне у Эйзи.

И Салли ушла, вызвав новое волнение в классной, когда проследовала мимо двери в своем новом костюме и с восторженным выражением лица шепнула Деми: "Это совершенно великолепная игра!"

Старая Эйзи радовалась игре не меньше Дейзи и весело рассмеялась, когда взволнованная маленькая кухарка влетела к ней в сбившемся на бок колпачке, стуча крышкой корзинки словно кастаньетами.

— Миссис тетя Джо требует вот это, и я должна получить все прямо сейчас, — заявила Дейзи с важностью.

— Посмотрим, душенька. Так, что тут? Ага, два фунта мяса, картофель, тыква, яблоки, хлеб и масло. Мясо еще не принесли, когда принесут, я пришлю его наверх. Остальное можешь получить сразу.

Эйзи запаковала в корзинку одну картофелину, одно яблоко, кусочек тыквы, комочек масла и булочку, а затем посоветовала Салли быть настороже, когда явится мальчишка-посыльный от мясника, так как проказник способен на разные проделки.

— Кто он? — Дейзи надеялась, что посыльным окажется Деми.

— Увидишь, — только и сказала Эйзи в ответ, и Салли утла в приподнятом настроении, напевая песенку из прелестной истории Мэри Хауитт^[19]:

И в маленькой корзинке,
Довольная собой,
Муку, изюм и масло
Несла она домой.

— Пока разложи все, кроме яблока, в шкафчике для провизии, — сказала миссис Джо, когда кухарка вернулась домой.

Под средней полкой находилась кладовая, и, когда Салли открыла дверцу, перед ней предстали новые чудеса. Половина явно представляла собой подвал для дров, угля и растопки, которые были аккуратно сложены там. Другая половина оказалась заполнена маленькими баночками, ящичками и всевозможными забавными приспособлениями для хранения маленьких количеств муки, отрубей, сахара, соли и других домашних припасов. Там же была маленькая баночка варенья, маленькая жестяная коробочка с имбирными пряниками, бутылочка из-под одеколона с черносмородинной настойкой и крошечная банка для чая. Но верхом очарования были два кукольных ведерка свежего молока, с поднимающимися на них сливками и крошечная шумовка, чтобы эти сливки снимать. Дейзи захлопала в ладоши, увидев это восхитительное зрелище, и захотела сразу же снять сливки. Но тетя Джо сказала:

— Пока еще рано, сливки понадобятся тебе для твоего яблочного пирога за обедом, и не следует снимать их раньше времени.

— Я буду печь пирог? — вскрикнула Дейзи, едва решаясь поверить, что ей предстоит такое блаженство.

— Да, если твоя печка будет печь хорошо, у нас далее будет два пирога: один — яблочный, а другой — земляничный, — сказала миссис Джо, которая к этому времени почти также сильно заинтересовалась новой игрой как сама Дейзи.

— Что же дальше? — спросила Салли, горя нетерпением поскорее начать.

— Закрой нижнюю заглушку печи, чтобы духовка могла согреться. Потом вымой руки и достань муку, сахар, соль, масло и корицу. Посмотри, чиста ли доска для разделки теста и очисти яблоко от шкурки, чтобы оно было готово и можно было положить его в пирог.

Дейзи собрала все необходимое, произведя так мало шума и рассыпав так мало продуктов, как можно ожидать от столь юной кухарки.

— Я, право, не знаю, как отмерять все для такого крошечного пирога, придется действовать наугад, — сказала миссис Джо с довольно растерянной улыбкой, — а, если получится плохо, нам придется начать все заново. — Отмерь муку этой маленькой кастрюлькой, положи щепотку соли, а затем вотри в муку столько масла, сколько помещается на этой тарелке. Всегда помни, что сначала вместе кладут все сухое, а потом мокрое. Тогда лучше размешивается.

— Я знаю! Я видела, как это делает Эйзи! Разве не надо намазать маслом и противни тоже? Она так всегда делает с самого начала, — сказала Дейзи, рассыпая муку вокруг себя в большом количестве.

— Совершенно верно! Я думаю, что у тебя талант кухарки, ты берешься за дело с умом, — заметила тетя Джо одобрительно. — Теперь добавь чуточку холодной воды — ровно столько, сколько нужно, чтобы смочить муку, затем посыпь мукой доску, замеси тесто и раскатай его скалкой, вот так. Теперь смажь все маслом и снова раскатай. Мы не хотим, чтобы тесто оказалось слишком сдобным, а то у наших кукол будет несварение.

Эта мысль рассмешила Дейзи. Щедрой рукой она смазала противни маслом, а потом раскатывала и раскатывала тесто своей очаровательной маленькой скалочкой. Затем яблоко было нарезано ломтиками, уложено на тесто, щедро посыпано сахаром и корицей, после чего затаившая дыхание кухарка с невероятной аккуратностью покрыла подготовленный пирог новым слоем теста, которому предстояло стать румяной верхней корочкой.

— Я всегда хотела испечь круглый пирожок, но Эйзи мне не позволяла. Как это хорошо делать все совсем-совсем по-своему! — воскликнула Дейзи, проводя маленьким ножичком вокруг кукольной тарелочки, лежащей на ладони.

Любую, даже самую опытную, кухарку подстерегают порой неудачи, и Салли столкнулась со своей первой неудачей именно в этот момент, так как нож дернулся, тарелка выскользнула из рук, совершила курбет в воздухе, и милый маленький пирожок в мгновение ока оказался на полу. Салли взвизгнула, миссис Джо рассмеялась, Тедди заковылял к пирожку, чтобы поднять его, и на мгновение в новенькой кухоньке воцарились смятение и беспорядок.

— Начинка не выскочила из него, и он даже не сломался, так как я очень хорошо защищала края. Так что, пожалуй, он совсем не пострадал, и я могу наколоть тесто вилкой и поставить печься, правда? — сказала Салли, поднимая упавшее сокровище и приводя его в порядок, не обращая внимания, как это всегда бывает с детьми, на пыль, которая могла прилипнуть к тесту, пока оно лежало на полу.

— У моей новой кухарки, как я вижу, хороший характер, и это большое утешение, — заметила миссис Джо. — Теперь открой баночку с земляничным джемом, наполни второй пирог, который будет у нас открытым, и положи сверху несколько полосок теста, как это делает Эйзи.

— Я выложу посередине букву Д, а вокруг нее еще и завитушки, так будет интереснее, когда я буду есть его, — сказала Салли, украшая пирог громадными полосками теста, которые привели бы в ужас настоящую пекаршу. — Теперь я поставлю их в духовку! — воскликнула она, когда последний завиток был заботливо посажен на красное поле варенья, и с триумфальным видом закрыла пироги в маленькой духовке.

— Теперь прибери все. Хорошая кухарка никогда не позволяет накапливаться в ее кухне грязной посуде. Затем очисти тыкву и картофель.

— Здесь только одна картофелина, — хихикнула Салли.

— Разрежь ее на четыре части, чтобы она поместилась в маленький котелок, и положи четвертинки в холодную воду, пока не придет время варить их.

— Тыкву тоже замочить?

— Нет, разумеется нет! Просто очисти ее и нарежь, и положи в паровую крышку на котелок. Тогда она получится суше, хотя готовиться будет немного дольше.

Послышалось царапанье в дверь, заставившее Салли подбежать и открыть ее. Из-за двери появился пес Кит с закрытой корзинкой в зубах.

— Вот он! Мальчишка мясника! — воскликнула Дейзи с восторгом. Когда она освободила пса от его ноши, он облизал морду и встал на задние лапы, очевидно, в полной уверенности, что в корзинке находится его собственный обед, так как он часто носил его в комнату к своему хозяину таким образом. Выведенный из заблуждения, пес удалился в большом негодовании и, спускаясь по лестнице, не переставал лаять, давая выход своим оскорбленным чувствам.

В корзинке лежали два кусочка мяса (кукольные фунты), печеная груша, маленький пирожок и бумажка, на которой Эйзи нацарапала: "На завтрак маленькой мисс, если ее стряпня не удастся".

— Не нужны мне ее дурацкие груши, моя стряпня удастся, и обед у меня будет отличный, она еще увидит! — вскричала Дейзи с негодованием.

— Они могут понадобиться нам, если вдруг придут гости. Всегда хорошо иметь что-нибудь в запасе в кладовой, — заметила тетя Джо, сама усвоившая эту истину только после целого ряда случаев, когда в доме царила паника в связи с неожиданным визитом кого-нибудь из знакомых.

— Я голодный, — объявил Тедди, сочтя, что после таких продолжительных приготовлений самое время для кого-нибудь хоть что-нибудь съесть. Мать дала ему пошарить в ее рабочей корзинке, надеясь успокоить и отвлечь его, пока обед не будет готов, и вернулась к управлению хозяйством.

— Выложи овощи, накрой стол и потом достань угольную растопку — будем готовить мясо.

До чего интересно было смотреть, как варится в маленьком котелке картофеля, заглядывать под крышку, где тыква так быстро становится мягкой в крошечной пароварке, быстро распахивать дверцу духовки каждые пять минут, чтобы посмотреть, как пекутся пироги, и, наконец, когда угли стали красными и пылающими, положить два настоящих бифштекса на решетку длиной в палец и гордо переворачивать их вилкой. Картофель сварился первым, и неудивительно, так как кипел он все это время на отчаянно большом огне. Его размяли маленьким пестиком, положили много масла и

совсем не положили соли (в волнении кухарка совсем забыла об этом), затем его положили горкой на веселом красном блюде, разгладили ножом, капнули молочка и поставили в духовку подрумяниться.

Салли была так увлечена этими последними занятиями, что совсем забыла о своих пирогах, пока не открыла дверцу, чтобы поставить в духовку картофель, и тогда раздался рев, так как — увы! увы! — маленькие пироги сторели дочерна!

— О, мои пирожки! Мои миленькие пирожки! Совсем испорчены! — плакала бедная Салли, заламывая грязные маленькие руки и взирая на загубленные плоды своих трудов. Открытый пирог имел особенно жалкий вид, так как завитушки и зигзаги торчали во всех направлениях из почерневшего варенья, как стены и трубы дома после пожара.

— Ай-ай, я забыла напомнить тебе, что пора их вынуть! Не везет нам! — сказала тетя Джо с раскаянием. — Не плачь, дорогая, это была моя вина, мы попробуем испечь еще что-нибудь после обеда, — добавила она, когда две громадные слезы упали из глаз Салли и зашипели на раскаленных руинах ее пирога.

Слез было бы пролито гораздо больше, если бы вспыхнувшее в этот момент мясо не отвлекло внимание кухарки настолько, что она тут же забыла об утраченных пирогах.

— Поставь блюдо для мяса и твои собственные тарелки подогреться, пока разомнешь тыкву с маслом, солью и чуточкой перца, — сказала миссис Джо, горячо надеясь, что приготовление обеда завершится без новых катастроф.

Вид "миленькой перечницы" успокоил чувства Салли, и она размяла тыкву как нельзя лучше. Стол был благополучно накрыт, шесть кукол усажены по три с каждой стороны, Тедди расположился в конце стола, а Салли во главе. Когда все расселись, зрелище оказалось весьма впечатляющим, так как одна кукла была в бальном костюме, другая в ночной рубашке, Джерри, шерстяной мальчик, в красном зимнем костюме, а Аннабелла, безногая милочка, в воздушном одеянии, состоявшем лишь из собственной лайковой кожи. Тедди, как отец семейства, показывал пример соблюдения правил хорошего тона и с улыбкой поедая все, что ему предлагали, и не находил ни в чем ни единого недостатка. Дейзи сияла, глядя на своих гостей, как усталая, разгоряченная, но гостеприимная хозяйка, какую так часто можно

видеть за столами, куда большими, чем этот, и исполняла свои маленькие обязанности с видом чарующего удовлетворения, какой нам не часто доводится увидеть в других местах.

Мясо было таким жестким, что маленький ножичек не мог разрезать его, картофеля не хватило на всех, тыквенное пюре оказалось очень комковатым, но гости, казалось, вежливо не замечали этих досадных мелочей, и хозяин и хозяйка дома очистили свои тарелки с аппетитом, которому мог бы позавидовать любой. Радость от возможности поставить на стол целый кувшинчик сливок, снятых с молока, мешалась с болью от потери пирогов, и презируемые печеные груши и пирожок Эйзи оказались сокровищем, обеспечившим десерт.

— Никогда не ела обеда вкуснее, чем этот. Можно мне готовить себе обед каждый день? — спросила Дейзи, когда отскребла и съела остатки во всех тарелках и кастрюльках.

— Ты можешь готовить каждый день после уроков, но я предпочитаю, чтобы ты ела как обычно в положенные часы и только немного имбирного печенья на второй завтрак. Сегодня, так как это первый раз, я не возражаю, но в дальнейшем мы должны придерживаться наших правил. Сегодня после обеда можешь приготовить что-нибудь к чаю, если хочешь, — сказала миссис Джо, которая также насладилась этим обедом в полной мере, хотя никто и не пригласил ее разделить трапезу.

— Можно мне сделать оладьи для Деми, он их так любит, и это так весело скручивать их в трубочку и класть внутрь сахар? — воскликнула Дейзи, нежно вытирая желтое пятно с отбитого носа Аннабеллы, так как та отказалась есть тыквенное пюре, которое ей настойчиво предлагали как очень полезное при "левоматизме", заболевание, которым она страдала, что, впрочем, неудивительно при необыкновенной воздушности ее одеяния.

— Но если ты накормишь Деми чем-нибудь вкусным, остальные мальчики тоже будут ожидать угощения, и тогда у тебя будет хлопот полон рот.

— Но нельзя ли мне на этот раз позвать к чаю одного только Деми? А потом я смогу приготовить оладьи и для других, если они будут хорошо себя вести! — предложила Дейзи, осененная вдохновенной мыслью.

— Отличная идея, Маргаритка! Мы сделаем твои кушанья наградой для хороших мальчиков, и я не знаю ни одного среди них, который отказался бы от чего-нибудь вкусенького. Если маленькие мужчины похожи на больших, то можно не сомневаться, что хорошая стряпня позволит нам найти путь к их сердцам и благотворно повлиять на их характеры, — добавила тетя Джо, весело кивнув на дверь, где стоял папа Баэр, обозревая происходящее с довольной улыбкой.

— Это камешек в мой огород, пронизательная женщина! Я признаю твою правоту, но если бы я женился на тебе только ради твоей стряпни, любовь моя, боюсь, мне пришлось бы нелегко все эти годы, — отвечал профессор, смеясь и подкидывая Тедди, который совсем раскраснелся в своих попытках описать пиршество, которым только что наслаждался.

Дейзи гордо показала дяде Фрицу свою кухню и опрометчиво пообещала ему столько оладий, сколько он сможет съесть. Она как раз рассказывала ему о том, какие новые вкусные награды ожидают мальчиков, когда все они, во главе с Деми, ввалились толпой в детскую, жадно нюхая воздух, словно стая голодных гончих, так как уроки кончились, обед еще не был готов, а аромат бифштексов Дейзи привел их прямо к цели.

Свет не видывал более гордой маленькой кухарки, чем Салли, показывающей свои сокровища и объявляющей мальчикам о том, что ожидает их в будущем. Некоторые из них отнеслись к новой идее несколько пренебрежительно и насмешливо, сомневаясь, что Дейзи может приготовить что-нибудь съедобное, но сердце Стаффи было завоевано мгновенно. Нат и Деми твердо верили в ее мастерство, а другие сказали, что подождут и посмотрят. Однако все до одного выразили свое восхищение кухней и с глубоким интересом обследовали печь. Деми тут же предложил купить у нее кипяtilный котелок, чтобы использовать его в паровой машине, которую как раз в это время конструировал, а Нед объявил, что лучшая и самая большая сковорода — как раз то что нужно, чтобы плавить свинец, когда он будет делать пули, топорики и прочие пустячки в этом роде.

Дейзи так встревожилась, услышав эти предложения, что миссис Джо тут же приняла и провозгласила закон, по которому отныне ни одному мальчику не позволялось трогать, использовать и даже приближаться к кухне без специального разрешения владелицы. Это

невероятно увеличило ценность плиты в глазах джентльменов, особенно после того, как было объявлено, что любое нарушение закона будет караться лишением всех прав на деликатесы, обещанные законопослушным.

В этот момент зазвенел колокольчик, и все население Пламфильда пошло вниз обедать. Трапеза была очень оживленной, так как каждый из мальчиков постарался поскорее сообщить Дейзи список тех кушаний, которые он хотел бы получить от нее, как только их заслужит. Дейзи, чья вера в ее печечку была безгранична, обещала каждому любое блюдо, если тетя Джо скажет ей, как его готовить. Это предложение несколько встревожило миссис Джо, так как приготовление некоторых из блюд явно выходило за пределы ее кулинарного мастерства — например, щи с селедкой и вишнями, которые мистер Баэр объявил своими любимыми, чем привел жену в отчаяние, так как немецкая кухня была для нее чем-то непостижимым.

Дейзи хотела начать снова в ту же минуту, как обед закончился, но ей было позволено только убрать в кухоньке, наполнить чайник водой и выстирать ее передничек, который выглядел так, словно она уже приготовила целый рождественский пир. Затем ее послали играть до пяти часов, так как дядя Фриц сказал, что слишком много уроков, даже у кухонной плиты, плохо для маленьких умов и тел, а тетя Джо знала по собственному долгому опыту, как скоро новые игрушки теряют свое очарование, если использовать их неосмотрительно.

Каждый был очень добр к Дейзи в тот день. Томми пообещал ей первые бобы со своего огородика, хотя единственным видимым урожаем на тот момент были только сорняки. Нат предложил безвозмездно снабжать ее дровами, Стаффи просто преклонялся перед ней, Нед тут же принялся за изготовление маленького холодильного шкафа из жести для ее продуктов, а Деми с пунктуальностью, которую приятно видеть в таком молодом человеке, проводил ее обратно в ее кухоньку, как только часы пробили пять. Было еще не время для гостей, но он так умолял позволить ему войти и помочь, что получил привилегии, какими редко пользуются гости. Он развел огонь, бегал с поручениями и наблюдал за приготовлениями к своему ужину с напряженным интересом. Миссис Джо руководила делом, входя и выходя, так как была занята развешиванием по всему дому чистых занавесок.

— Попроси у Эйзи чашку сметаны, тогда твои оладьи будут легкими, но без излишка соды, которую я не люблю, — таков был первый приказ.

Деми помчался вниз и вскоре вернулся со сметаной и скривленным ртом, так как успел по пути попробовать содержимое чашки и, найдя его нестерпимо кислым, предрек, что оладьи окажутся несъедобными. Миссис Джо воспользовалась этим случаем, чтобы прочитать со стремянки краткую лекцию о химических свойствах соды, которую озабоченная Дейзи пропустила мимо ушей, но Деми внимательно выслушал и понял, что доказал коротким, но глубокомысленным ответом:

— Да, я понял. Сода делает кислое сладким и пузырится, чтобы тесто было легким. Давай посмотрим, Дейзи, как ты это сделаешь.

— Наполни ту чашку мукой и добавь немного соли, — продолжила миссис Джо.

— Ох, похоже, что абсолютно во все нужно класть соль, — покачала головой Салли. Она уже устала открывать коробочку из-под пилюль, в которой держала соль.

— Соль как добродушие, почти все становится лучше, если добавить щепотку, Маргаритка, — заметил дядя Фриц, появляясь в дверях с молотком в руке, чтобы забить два-три гвоздя, на которые Салли могла бы вешать свои маленькие сковородки.

— Вы не приглашены к чаю, но я дам вам оладьев и не буду сердиться, — сказала Дейзи, подставляя свое напудренное мукой личико, чтобы поблагодарить его поцелуем.

— Фриц, ты не должен вмешиваться в занятия кулинарией, которые веду я, а то я приду и буду морализировать, когда ты учишь латыни. Как бы тебе такое понравилось? — сказала миссис Джо, бросая большую занавеску из мебельного ситца прямо ему на голову.

— Очень хорошо, попробуй, и мы посмотрим, — и любезный папа Баэр пошел дальше, напевая и стуча своим молотком в разных местах дома, как огромный дятел.

— Положи соду в сметану, и когда она начнет "пузыриться", как выражается Деми, смешай с мукой, потом взбей смесь, как можно лучше. Хорошенько разогрей сковородку, намасли как следует и тогда жарь оладьи, пока я не вернусь, — и тетя Джо тоже исчезла.

От такого стука, какой производила маленькая ложка, и такого энергичного взбивания, которому подверглось жидкое тесто, оно, уверяю вас, "запузырилось" великолепно, и, когда Дейзи налила пару ложек на сковородку, они тут же превратились в пухлую оладью, и рот Деми наполнился слюной. Конечно, первый блин пристал и пригорел, так как она забыла смазать сковороду, но после первой неудачи, все пошло как по маслу, и вскоре шесть отличных маленьких оладий благополучно лежали на блюде.

— Я, пожалуй, больше хочу кленового сиропа, чем сахара, — сказал Деми из глубин кресла, в которое опустился, после того, как накрыл на стол новым и довольно необычным способом.

— Тогда пойдя и попроси немного сиропа у Эйзи, — отвечала Дейзи, выходя в ванную, чтобы вымыть руки.

Пока детская была пуста, произошло нечто ужасное. Понимаете, Кит весь день чувствовал себя обиженным, так как он благополучно донес мясо, а ему никто не заплатил. Кит не был плохим псом, но у него были, как у всех нас, свои маленькие недостатки, и он не всегда мог противиться искушению. Случайно зайдя в детскую в этот момент, он почувствовал запах оладий, увидел их неохранные на низеньком столе и, не остановившись, чтобы подумать о последствиях, проглотил все шесть сразу. Мне приятно сообщить, что они были очень горячими и обожгли его так сильно, что разбойник не смог подавить удивленный визг. Дейзи услышала, вбежала, увидела пустое блюдо и конец желтого хвоста, исчезающий под кроватью. Не говоря ни слова, она ухватила за хвост, вытянула из-под кровати презренного вора и встряхнула его так, что уши бедняги отчаянно захлопали, а затем оттащила его вниз в сарай, где он провел вечер в одиночестве в ларе с углем.

Ободренная сочувствием Деми, Дейзи замесила еще одну чашку теста и приготовила новую дюжину оладий, которые были даже лучше прежних. В самом деле, дядя Фриц, съев две из них, прислал вверх сказать, что не пробовал ничего вкуснее, и каждый мальчик, сидевший за ужином в столовой завидовал Деми, которого в это время угощали оладьями наверху.

Это был поистине восхитительный ужин вдвоем, так как крышка с заварного чайника упала только трижды, а кувшин с молоком опрокинулся только один раз, оладьи плавали в сиропе, а жареный хлебец имел восхитительный аромат бифштекса, благодаря тому, что

кухарка приготовила его на рашпере. Деми забыл о философии и пообедался как самый обыкновенный плотский мальчик, в то время как Дейзи планировала новые пышные банкеты, а куклы взирали на происходящее, приветливо улыбаясь.

— Ну и как, дорогие, хорошо провели время? — спросила миссис Джо, входя с Тедди на плече.

— Очень хорошо. Я скоро приду опять, — отвечал Деми подчеркнуто.

— Боюсь, ты съел слишком много, судя по виду стола.

— Нет-нет, совсем немного, всего пятнадцать штук, и они были очень маленькие, — возразил Деми, чью тарелку сестре приходилось наполнять снова и снова, почти непрерывно.

— Они ему не повредят, они такие вкусные, — заверила Дейзи, с такой забавной смесью материнской нежности и хозяйской гордости, что тетя Джо только улыбнулась в ответ и сказала:

— Ну, так значит, в общем и целом, наша новая игра пользуется успехом?

— Мне она нравится, — заявил Деми, словно его одобрение было единственным, что требовалось.

— Это самая чудесная игра на свете! — воскликнула Дейзи, обнимая обеими руками свой маленький тазик для мытья посуды и предлагая вымыть чашки. — Хотела бы я, чтобы у каждого была такая милая кухонная плита, как у меня, — добавила она, глядя на свою маленькую плиту с большой любовью.

— Этой игре нужно название, — заметил Деми серьезно, удаляя сироп со своей физиономии языком.

— Оно уже есть.

— Какое? — спросили оба с жаром.

— Я думаю, мы будем называть ее Пирожки-куличики, — и тетя Джо удалилась, довольная тем, что сумела поймать своих жизнерадостных солнечных зайчиков в веселую ловушку новой игры.

Глава 6

Смутьян

— Можно мне поговорить с вами, мэм? У меня очень важное дело, — сказал Нат, просовывая голову в приоткрытую дверь комнаты миссис Баэр.

Это была уже пятая голова, которая просунулась в дверь за последние полчаса, но миссис Джо привыкла к этому, так что просто подняла взгляд от шитья и сказала весело:

— Что такое, мой мальчик?

Нат вошел, заботливо закрыл за собой дверь и сказал взволнованно и озабоченно:

— Дэн пришел.

— Кто такой Дэн?

— Это мальчик, с которым я был знаком, когда играл на скрипке на улицах. Он продавал газеты и очень хорошо ко мне относился, так что, когда я увидел его на днях в городе, я сказал ему, как здесь хорошо, и вот он пришел.

— Но, мой милый мальчик, кто же приходит в гости так неожиданно!

— О нет, не в гости, он хочет остаться, если вы ему позволите! — сказал Нат простодушно.

— Ну, насчет этого... не знаю... — начала миссис Баэр, пораженная хладнокровием с каким было сделано это предложение.

— Но я думал, что вам нравится, когда бедные мальчики приходят и живут у вас, и вам приятно быть доброй к ним, как вы были добры ко мне, — сказал Нат с удивленным и встревоженным видом.

— Да это так, но я хотела бы сначала что-нибудь узнать о них. Я выбираю лишь некоторых из них, потому что их так много. У меня нет места для всех, хотя я и сожалею об этом.

— Я велел ему прийти, потому что подумал, что вам это понравится, но если у вас нет места для него, он может опять уйти, — сказал Нат печально.

Вера мальчика в ее гостеприимство тронула миссис Баэр, и у нее не хватило духу убить его надежду и испортить маленький,

продиктованный сочувствием и добротой, план, так что она сказала:

— Расскажи мне об этом Дэне.

— Я почти ничего о нем не знаю. Знаю только, что у него нет родни, что он беден и что был добр ко мне, так что мне хотелось бы быть добрым к нему, если смогу.

— Отличные причины все до одной, но, право, Нат, дом полон, и я даже не знаю, где я могла бы поместить его, — сказала миссис Баэр, все более склонная показать себя утешительницей и прибежищем одиноких сердец, каким он, очевидно, представлял ее.

— Он мог бы спать на моей кровати, а я сам могу спать в амбаре. Сейчас совсем не холодно, и мне все равно, я привык спать везде, когда жил с отцом, — сказал Нат горячо.

Что-то в его словах и выражении лица заставило миссис Джо положить руку ему на плечо и сказать самым ласковым тоном:

— Приведи своего друга, Нат, я думаю, мы должны найти место для него, не отдавая ему твоего.

Нат радостно убежал и вскоре возвратился. За ним следовал не слишком симпатичный мальчик, который вошел тяжелой походкой и стоял, озираясь, с полу-дерзким, полу-мрачным выражением, заставившим миссис Баэр сказать себе, после первого же беглого взгляда, брошенного на его лицо: "Боюсь, мы имеем дело с дурным субъектом".

— Это Дэн, — сказал Нат, представляя приятеля так, словно был уверен, что тому обеспечен теплый прием.

— Нат говорит, что ты хотел бы поселиться у нас, — начала миссис Джо дружеским тоном.

— Да, — последовал грубоватый ответ.

— У тебя нет друзей, которые могли бы позаботиться о тебе?

— Нет.

— Говори: "Нет, мэм", — прошептал Нат.

— Еще чего! — пробормотал Дэн.

— Сколько тебе лет?

— Почти четырнадцать.

— Ты выглядишь старше. Что ты умеешь делать?

— Почти все.

— Если ты останешься здесь, мы захотим, чтобы ты делал то же, что и другие, работал и учился, а не только играл. Ты согласен на это?

— Попробовать можно.

— Ну что ж, ты можешь остаться на несколько дней, и мы посмотрим, как нам удастся поладить. Уведи его, Нат, и покажи наше имение, пока мистер Баэр не придет домой, а тогда мы вместе решим этот вопрос, — сказала миссис Джо, чувствуя, что будет довольно трудно поладить с этим неприветливым молодым человеком, который остановил на ней свои большие черные глаза с тяжелым подозрительным, совсем не мальчишеским, выражением.

— Пошли, Нат, — бросил он через плечо и вышел тяжелой походкой.

— Спасибо, мэм, — добавил Нат, последовав за ним и чувствуя, хоть и не совсем понимая разницу между приемом, оказанным ему, и тем, что был оказан его невежливому другу.

— Ребята играют в цирк на скотном дворе, хочешь пойти посмотреть? — спросил он, когда они спустились по широким ступеням на лужайку перед домом.

— Это большие ребята? — спросил Дэн.

— Нет, старшие ушли ловить рыбу.

— Тогда пошли, — кивнул Дэн.

Нат повел его к большому амбару и представил своим товарищам, которые забавлялись среди полупустых сеновалов. Большой круг был отмечен сеном на широком дворе, и посередине стоял Деми с длинным хлыстом, в то время как Томми, оседлав многострадального Тоби, выделял курбеты на кругу, изображая обезьянку.

— Представление платное: по булавке с каждого, — сказал Стаффи, стоявший возле старой тачки, в которой сидел оркестр, состоявший из карманной расчески, в которую дул Нед, и игрушечного барабана, в который судорожно бил Роб.

— Он гость, так что я заплачу за обоих, — сказал Нат, проявляя благородную щедрость и втыкая две согнутые булавки в сухой гриб, служивший кассой.

Кивнув компании, они сели на лежавшие в углу доски, и представление началось. После выступления обезьянки, продемонстрировал свое проворство Нед, прыгая через старый стул и взбегая и сбегая по лесенкам сеновала, как заправский матрос на мачты. Затем Деми исполнил джигу с серьезностью, которую было приятно видеть. Нат был вызван на борьбу со Стаффи и быстро

уложил этого толстого молодого человека на землю. После этого Томми гордо исполнил колесо, умение, которое он приобрел благодаря отчаянному упорству, практикуясь в одиночестве до тех пор, пока каждый член его тела не оказался в синяках или шишках. Его подвиги были встречены бурными аплодисментами, и он уже собирался отступить со сцены, покрасневшись от гордости и прилива крови к голове, когда среди зрителей послышался презрительный голос:

— Эка невидаль!

— Скажи это еще раз, ну-ка? — и Томми надулся, как сердитый индюк.

— Хочешь подраться? — спросил Дэн, проворно спускаясь с бочки и деловито сжимая кулаки.

— Нет, не хочу, — и простодушный Томми отступил на шаг, ошеломленный таким предложением.

— Драться не разрешается, — закричали остальные, очень взволнованные.

— Хороши же вы, — ухмыльнулся Дэн.

— Ну-ну, если ты не будешь вести себя хорошо, тебе не позволят остаться, — сказал Нат, вспыхивая при этом оскорблению, нанесенном его друзьям.

— Хотел бы я посмотреть, что он сам умеет, — вот все, что я скажу, — заметил Томми чванливо.

— Тогда освободите место, — и без малейших приготовлений Дэн прокрутил три сальто одно за другим и уверенно остановился, расставив ноги.

— Ты не можешь так, Том, ты всегда стучаешься головой и падаешь плашмя, — сказал Нат, довольный успехом своего друга.

Прежде чем он добавил что-либо, публика была наэлектризована тремя новыми сальто в обратном направлении и короткой прогулкой на руках, головой вниз и ступнями вверх. Последовал гром аплодисментов, и даже Томми присоединился к восхищенным крикам, которые приветствовали умелого гимнаста, когда он выпрямился и взглянул на них с видом спокойного превосходства.

— Ты думаешь, я мог бы научиться этому, не очень часто разбиваясь? — кротко спросил Том, потирая локти, еще нывшие после последней попытки.

— Что ты мне дашь, если я скажу тебе, как научиться? — спросил Дэн.

— Мой новый перочинный ножик, у него пять лезвий, и только одно сломано.

— Тогда давай.

Томми вручил ему ножик, бросив последний любовный взгляд на гладкую ручку. Дэн внимательно осмотрел нож, затем сунул его в карман и отошел, подмигнув и сказав:

— Продолжай, пока не научишься, вот и все.

За гневным воплем Томми последовал всеобщий гам, который не утихал, пока Дэн, видя, что никто не поддерживает его, не предложил сыграть в ножички, пообещав отдать сокровище тому, кто выиграет. Томми согласился. И на всех взволнованных лицах появилось выражение удовлетворения, когда Томми выиграл и снова положил нож в глубины своего самого надежного кармана.

— Пойдем со мной, я покажу тебе окрестности, — сказал Нат, чувствуя, что должен серьезно поговорить со своим другом наедине.

Что произошло между ними во время прогулки, никто не знал, но когда они снова появились, Дэн вел себя более уважительно по отношению ко всем, хотя по-прежнему был грубоват в речах и манерах, но чего же еще можно ожидать от бедного паренька, которому за его короткую жизнь пришлось столько бродить по свету и нигде не нашлось никого, кто научил бы его чему-нибудь получше?

Мальчики решили, что новенький им не нравится и оставили его на попечение Ната, который скоро почувствовал себя весьма угнетенным этой обязанностью, хотя был слишком добросердечен, чтобы покинуть своего старого друга.

Впрочем, Томми, который, несмотря на сделку с ножиком, испытывал некоторую симпатию к задиристому новичку, захотел вернуться к интересному предмету сальто. И вскоре представился случай сделать это, так как Дэн, видя, что им восхищаются, стал более любезен, и уже к концу первой недели был довольно близок с бойким Томом.

Выслушав всю историю и посмотрев на Дэна, мистер Баэр покачал головой, но сказал спокойно:

— Эксперимент может обойтись нам дорого, но попробуем.

Если Дэн и чувствовал какую-то благодарность за его покровительство, он не показывал этого и брал без всякого выражения благодарности все, что давалось ему. Он был невежествен, но очень быстро учился, когда хотел, у него были пронизательные, все замечавшие глаза, острый язык, грубые манеры и неприятный характер с чередовавшимися приступами ярости и угрюмости. Он играл хорошо почти во все игры и в каждую вкладывал все свои силы. Молчаливый и неприветливый со взрослыми, он и с мальчиками только изредка становился вполне общителен и откровенен. Мало кому из них он действительно нравился, но немногие не могли не восхищаться его смелостью и силой, поскольку ничто не утрашало его, и однажды он одним ударом уложил высокого Франца на пол с легкостью, заставившей всех остальных держаться на почтительном расстоянии от его кулаков. Мистер Баэр наблюдал за ним молча и делал все, что мог, чтобы укротить "Дикаря", как они называли его, но наедине с женой этот достойный человек часто качал головой и говорил серьезно: "Надеюсь, что эксперимент удастся, но немного боюсь, что стоит он будет слишком дорого".

Миссис Баэр теряла терпение с Дэном по десять раз на дню, однако никогда не отрекалась от него и всегда настаивала, что в мальчике есть все же что-то хорошее, так как он добрее к животным, чем к людям, любит бродить по лесам, а лучше всего то, что маленький Тедди любит его. В чем был секрет, никто не мог понять, но Малыш сразу потянулся к Дэну, радостно лепетал и ворковал, когда видел его, предпочитал для поездок верхом его сильную спину спине любого другого мальчика и сам назвал его "Мой Дэнни". Тедди был единственным существом, которому Дэн выказывал любовь и делал это лишь тогда, когда думал, что никто другой не видит их, но материнские глаза зорки и материнское сердце инстинктивно угадывает, кто любит ее малышей. Так что миссис Джо скоро увидела и почувствовала, что есть слабая струнка далее в сердце грубоватого Дэна и выжидала благоприятного случая, чтобы тронуть эту струнку и завоевать его привязанность.

Однако неожиданное и пугающее событие расстроило все планы и привело к изгнанию Дэна из Пламфильда.

Томми, Нат и Деми начали покровительствовать Дэну, так как другие мальчики несколько пренебрегали им, но скоро каждый из этих

троих почувствовал, что есть некое очарование в "смутьяне", и вместо того, чтобы смотреть на него сверху вниз, они начали смотреть снизу вверх, каждый по своей причине. Томми восхищался его умениями и храбростью, Нат был благодарен за доброту в прошлом, а Деми смотрел на него как на ожившую книжку, так как узнал, что Дэн может очень интересно рассказывать о своих приключениях. Дэну нравилось иметь трех преданных фаворитов, и он старался быть любезным с ними, что и было секретом его успеха.

Баэры были удивлены, но надеялись, что мальчики окажут хорошее влияние на Дэна, и ждали последствий с некоторой тревогой, полагая, что вреда не будет.

Дэн чувствовал, что они не совсем доверяют ему, и никогда не показывал им свою лучшую сторону, но находил злое удовольствие в том, что испытывал их терпение и, насколько у него хватало решимости, препятствовал исполнению их надежд на перемены к лучшему в его манерах и характере.

Мистер Баэр не одобрял драк и не считал, что если два мальчика тузят друг друга на потеху остальным, это является свидетельством их мужественности или храбрости. Всевозможные вырабатывающие выносливость игры и упражнения поощрялись, и от мальчиков ожидали, что они будут встречать удары и падения, не плача и не хныча, но подбитые для потехи глаза и расквашенные носы запрещались как глупая и жестокая забава.

Дэн смеялся над этим правилом и рассказывал такие волнующие истории о своей собственной доблести и множестве схваток, в которых участвовал, что некоторые из мальчиков загорелись желанием узнать, что такое настоящий "кулачный бой".

— Не болтайте, и я покажу вам, как надо драться, — сказал Дэн и, собрав полдюжины ребят за скотным двором, дал им урок бокса, вполне удовлетворивший интерес большинства из них. Эмиль, однако, не мог смириться с тем, что был побит мальчиком моложе него. Эмилю уже исполнилось четырнадцать, и он был храбрым парнем, так что он решил снова вызвать Дэна на бой. Дэн сразу согласился, а остальные столпились вокруг и смотрели на драку с напряженным интересом.

Какая маленькая птичка отнесла весть о происходящем в штаб-квартиру, никто так и не узнал, но в самый разгар схватки, когда Дэн и Эмиль дрались как пара молодых бульдогов, а другие с яростными,

взволнованными лицами подбадривали их, в круг вошел мистер Баэр. Он растащил противников сильной рукой и сказал голосом, какой они редко слышали:

— Я не могу позволить этого, мальчики! Сейчас же прекратите, и чтобы я никогда больше этого не видел. Я держу школу для мальчиков, а не для диких зверей. Посмотрите друг на друга, и пусть вам будет стыдно за себя.

— Пустите, и я опять свалю его с ног, — кричал Дэн, продолжая махать кулаками, несмотря на то, что его держали за воротник.

— Давай, давай, я еще не отлупил тебя! — кричал Эмиль, который побывал на полу пять раз, но не считал себя побежденным.

— Они играют в *гладидаторов*, дядя Фриц... или как там они назывались у римлян, — выкрикнул Деми, чьи глаза были круглее обычного от возбуждения, вызванного этим новым развлечением.

— Эти римляне были грубыми и жестокими людьми, но, надеюсь, мы научились кое-чему с тех времен, и я не могу позволить вам превращать мой скотный двор в Колизей^[20]. Кто предложил эту дикую забаву? — спросил мистер Баэр.

— Дэн, — отозвалось несколько голосов.

— Разве ты не знал, что это запрещено?

— Знал, — проворчал Дэн угрюмо.

— Тогда почему ты нарушил правила?

— Они все будут неженками, если не научатся драться.

— Ты находишь Эмиля неженкой? Пожалуй, он не очень похож на неженку, — и мистер Баэр повернул противников лицом к лицу. У Дэна был синяк под глазом, и его куртка разорвана в клочья; лицо Эмиля было испачкано кровью, которая текла из разбитой губы и носа, а шишка на лбу уже стала фиолетовой, как слива. Но, несмотря на эти раны, он продолжал свирепо смотреть на своего врага и явно горел желанием возобновить бой.

— Из него вышел бы отличный боец, если бы его кое-чему научили, — сказал Дэн, не в силах отказать в похвале мальчику, который заставил его драться в полную силу.

— Когда придет время, его научат фехтовать и боксировать, а до тех пор, я думаю, он прекрасно обойдется без обучения тому, как калечить других. Идите и умойтесь, и помни, Дэн, если опять

нарушишь какое-нибудь из правил, тебе придется уйти. Таков уговор, исполняй свою часть его, а мы исполним нашу.

Мальчишки ушли, и, сказав еще несколько слов зрителям, мистер Баэр последовал за юными гладиаторами, чтобы перевязать их раны. Эмиля мутило, и он пошел в постель, а на Дэна было неприятно смотреть в течение недели.

Но непокорный подросток и не думал исправляться и вскоре опять нарушил правила.

Однажды в субботу после обеда, когда компания мальчишек вышла поиграть на лужайке, Томми сказал:

— Пошли к реке, нарежем новых удилиц.

— Возьмем Тоби, чтобы везти их на обратном пути, а один из нас сможет сразу сесть на него и прокатиться на нем к реке, — предложил Стаффи, который терпеть не мог ходить пешком.

— "Один из нас", как я полагаю, означает ты сам. Ну да ладно, потарапливайся, лентяй, — сказал Дэн.

Они отправились к реке и, нарезав палок, были готовы вернуться домой, когда Деми, к несчастью, сказал Томми, сидевшему верхом на Тоби с длинной палкой в руке.

— Ты выглядишь как на картинке, где изображен бой быков, только у тебя нет красной тряпки и красивой одежды.

— Хотел бы я посмотреть на такой бой, а вон и старая Ромашка на большом лугу. Наскочи-ка на нее, Том, и поглядим, как она побежит, — предложил склонный к озорству Дэн.

— Нет, нельзя, — начал Деми, который постепенно учился не доверять предложениям Дэна.

— Почему нельзя, маленький ты надоеда? — спросил Дэн.

— Я думаю, дяде Фрицу такое не понравилось бы.

— Разве он когда-нибудь говорил, что нам нельзя играть в бой быков?

— Нет, никогда не говорил, — признал Деми.

— Тогда придержи язык. Поезжай, Том, а вот тебе красная тряпка — похлопать старушку по носу. Я помогу тебе расшевелить ее, — и Дэн перелез через стену, увлекшись новой игрой, а остальные последовали за ним как стадо овец, и даже Деми, сидя на заборе, с интересом наблюдал за забавой.

Бедная Ромашка была не в лучшем расположении Духа, так как у нее недавно отняли теленка, и она ужасно горевала о нем. Как раз в это время она смотрела на все человечество как на своих врагов (и трудно винить ее за это), так что когда новоявленный матадор подскочил и запрыгал перед ней, размахивая красным носовым платком, привязанным к концу длинного копыя, она вытянула шею и издала весьма недовольное "М-му!" Томми храбро бросился на нее, да и Тоби, узнав старую подругу, был не прочь приблизиться, но когда "копье" со звучным ударом опустилось ей на спину, и корова и ослик были неприятно удивлены. Тоби попятился с блеянием протеста, а Ромашка сердито опустила рога.

— Давай еще, Том, она здорово разозлилась и будет отлично драться! — кричал Дэн, подбегая сзади с другой палкой, в то время как Джек и Нед последовали его примеру и тоже схватились за палки.

Увидев, что ее осаждают со всех сторон и угрожают бесчестьем, Ромашка рысцой побежала по лугу, с каждым мгновением все более ошеломленная и возбужденная, так как куда бы она ни сворачивала, ее встречал ужасный мальчишка, вопящий и размахивающий новым, очень неприятного типа кнутом. Это была большая забава для них, но настоящее несчастье для нее, пока она не потеряла терпение и не поменялась с ними ролями самым неожиданным образом. Круто развернувшись, она атаковала своего старого друга Тоби, чье поведение задело ее за живое. Бедный медлительный Тоби повернулся спиной так стремительно, что споткнулся о камень, и скакун, матадор и красная тряпка свалились на землю одной бесславной кучей, в то время как обезумевшая Ромашка совершила поразительный скачок через ограду, бешеным галопом помчалась по дороге и исчезла из вида.

— Держи ее, останови ее, отрезай ей путь! Бегите, ребята, бегите! — кричал Дэн, мчась за ней во всю прыть, так как она была любимой олддернейской коровой мистера Баэра, и Дэн боялся, что, если с ней что-то случится, с его пребыванием в Пламфильде будет покончено. Какой это был бег и вопли, и пыхтение, прежде чем корову удалось поймать! Удилища были брошены позади, Тоби почти оттоптал все копытца в этой погоне, каждый из мальчиков был красным, запыхавшимся и испуганным. Они догнали бедную Ромашку в цветнике, где она нашла убежище, измученная долгим бегом. Употребив веревку вместо узды, Дэн повел ее домой, за ним следовала

компания очень серьезных молодых джентльменов, так как корова была в ужасном состоянии: она растянула лопатку при прыжке и теперь сильно хромала, в ее глазах был безумный блеск, а ее гладкая шкура на боках была вся мокрая и грязная.

— Достанется тебе изрядно на этот раз, Дэн, — сказал Томми, ведя тяжело дышащего ослика за изувеченной коровой.

— Да и тебе, ведь ты помогал.

— Мы все помогали, кроме Деми, — добавил Джек.

— Он и подал эту мысль, — сказал Нед.

— Я вам говорил, чтобы вы этого не делали, — вскричал Деми, глубоко расстроенный состоянием бедной Ромашки.

— Думаю, старый Баэр выгонит меня. Впрочем, мне плевать, если и выгонит, — пробормотал Дэн, хотя и выглядел обеспокоенным, несмотря на свои слова.

— Мы попросим его не выгонять, все попросим, — сказал Деми, и другие согласились, за исключением Стаффи, который лелеял надежду, что все наказание может пасть на одну виновную голову. Дэн только сказал в ответ: "Не волнуйтесь за меня", но он не забыл о сочувствии приятелей, хотя и сбил их снова с пути истинного, как только явилось искушение.

Когда мистер Баэр увидел несчастное животное и услышал всю историю, он сказал очень мало, очевидно из опасения сказать лишнее в первый момент раздражения и досады. Ромашку устроили поудобнее в ее стойле, а мальчикам велели разойтись по комнатам до ужина. Эта короткая отсрочка давала им время обдумать произошедшее, предположить, каким будет наказание, и попытаться вообразить, куда отправят Дэна. Он бодро свистел в своей комнате, так что никто не предполагал, что его это хоть сколько-нибудь заботит, но в ожидании решения своей участи, он все больше думал об уюте и доброте, которые узнал здесь, о трудностях и заброшенности, которые испытал во всех других местах, и все сильнее чувствовал желание остаться. Он знал, что Баэры старались помочь ему, и в глубине души был благодарен, но тяжелая жизнь сделала его черствым и беспечным, подозрительным и упрямым. Он ненавидел ограничения любого рода и боролся против них как неукротенное существо, даже когда знал, что они вводятся из самых добрых побуждений, и смутно чувствовал, что они принесли бы ему пользу. Он решил, что его опять отправят

скитаться, "болтаться в городе", как он делал почти всю жизнь, — перспектива, заставившая его сдвинуть черные брови и окинуть взглядом уютную маленькую комнатку с печальным выражением лица, которое тронуло бы и гораздо более суровое сердце, чем у мистера Баэра, если бы он видел это. Выражение, впрочем, мгновенно исчезло, когда этот добрый человек вошел и сказал, как всегда, серьезно

— Я все знаю о случившемся, Дэн, и хотя ты нарушил правила опять, я все же намерен дать тебе еще одну попытку; благодари за это маму Баэр.

Лицо Дэна вспыхнуло до самого лба при этом известии о неожиданной отсрочке приговора, но сказал он как всегда грубовато:

— Я не знал, что есть правила насчет боя быков.

— Так как я никогда не ожидал такого в Пламфильде, я никогда не устанавливал такого правила, — отвечал мистер Баэр, слыша эту забавную попытку оправдаться и улыбаясь помимо воли. Затем он добавил серьезно:

— Но одно из первых и самых важных среди наших немногочисленных правил — это закон доброты к каждому бессловесному существу в нашем имении. Я хочу, чтобы все и вся были счастливы здесь, любили нас, доверяли и служили нам, как мы стараемся любить их и доверять и служить им верно и с готовностью. Я часто говорил, что ты добрее к животным, чем любой из наших мальчиков, и эта твоя черта очень нравилась миссис Баэр, так как она думала, что это свидетельствует о сердечной доброте. Но ты разочаровал нас в этом, и нам очень жаль, так как мы надеялись, что скоро ты навсегда станешь одним из нас. Попробуем еще раз?

Дэн смотрел в пол, а в руках нервно вертел кусочек дерева, который строгал ножом, когда вошел мистер Баэр, но, услышав добрый голос, задавший этот вопрос, он быстро поднял глаза и сказал более почтительно, чем когда-либо прежде.

— Да, пожалуйста, позвольте мне остаться и попробовать.

— Очень хорошо, тогда мы не будем больше говорить об этом, только ты останешься дома вместо прогулки завтра, как и другие мальчики, и все вы будете ухаживать за бедной Ромашкой, пока она не поправится.

— Хорошо.

— Теперь иди ужинать, и постарайся, мой мальчик, больше ради себя самого, чем ради нас.

Затем мистер Баэр пожал ему руку, и Дэн спустился к ужину, укрощенный добротой гораздо лучше, чем самой хорошей поркой, которую настоятельно рекомендовала Эйзи.

Дэн действительно старался день или два, но, непривычный к подобного рода усилиям, скоро устал и возвратился к прежнему своевольству. Как-то раз мистер Баэр отлучился из дома по делам, и в тот день у мальчиков не было уроков. Им понравился этот неожиданный выходной, и они играли до самого вечера. Затем большинство из них улеглись в постели и спали как сурки, после шумного, веселого дня. Дэн же имел свой план и, когда они с Натом остались наедине, посвятил его в подробности.

— Слушай! — сказал он, вынимая из-под своей кровати бутылку, сигару и колоду карт. — Я собираюсь развлечься, как мы всегда развлекались с ребятами в городе. Тут вот пиво — я раздобыл бутылку у старика на станции, а вот сигара, ты можешь заплатить мне или Томми заплатит, у него куча денег, а у меня ни цента. Я собираюсь пригласить его; нет, лучше ты сходи и пригласи, на тебя никто не обратит внимания.

— Взрослым это не понравится, — начал Нат.

— Они ничего не узнают. Папаша Баэр уехал, а миссис Баэр занята с Тедом, у него круп или что-то в этом роде, и она не может его оставить. Да мы ведь не будем сидеть всю ночь или шуметь, так кому от этого вред?

— Эйзи узнает, что мы долго жгли лампу, она всегда все знает.

— Не узнает, я взял нарочно фонарь с задвижкой, он не дает много света, и мы быстро сможем его потушить, если услышим, что кто-то идет, — сказал Дэн.

Идея показалась Нату привлекательной и придающей ночи атмосферу романтичности. Он отправился звать Томми, но тут же просунул голову назад в дверь, чтобы уточнить:

— И Деми тоже позвать?

— Нет, не надо, этот маленький дьякон закатит глаза и начнет читать проповедь, если ты ему что-нибудь скажешь. Он, должно быть, уже спит, так что просто мигни Тому и живо возвращайся.

Нат повиновался и вернулся через минуту с Томми, полуодетым, довольно всклокоченным и очень сонным, но вполне готовым к развлечениям, как всегда.

— А теперь, тихо, и я покажу вам, как играют в шикарную игру под названием покер, — сказал Дэн, когда три кутилы собрались вокруг стола, на котором были выставлены бутылка, сигара и карты. — Сначала мы все выпьем, потом попробуем травки, а уж тогда поиграем. Так всегда делают мужчины, и это очень весело.

Кружка пива обошла всех по кругу, и все трое выпили и причмокнули, хотя Нату и Томми горькое питье не понравилось. Сигара была еще хуже, но они не осмелились сказать это, и каждый подымыл, пока не почувствовал, что кружится голова и першит в горле, после чего передал травку соседу. Дэну все это нравилось, так как напоминало прежние времена, когда он порой имел возможность следовать примеру низких людей, окружавших его. Он пил и курил, и чванился, подражая им, как только мог, и, войдя в принятую на себя роль, скоро начал ругаться, правда, только шепотом, из опасения, что кто-нибудь услышит его.

— Нельзя говорить "черт"! Это нехорошо, ты не должен ругаться! — осуждающе воскликнул Томми, до сих пор во всем следовавший примеру Дэна.

— Тьфу, черт! Ты не проповедуй, а играй, и пойми, что ругаться — это часть забавы.

— Я лучше бы сказал "Тыща черепах", — объявил Томми, который придумал это интересное восклицание и очень им гордился.

— А я скажу "Гром и молния", это хорошо звучит, — добавил Нат, на которого произвели большое впечатление мужские манеры Дэна.

Дэн фыркнул, назвав их выражения "чушью" и продолжал ругаться все время, пока пытался научить их новой игре. Но Томми очень хотел спать, а у Ната от пива и дыма начала болеть голова, так что оба не очень воспринимали науку и игра тянулась мучительно медленно. В комнате было почти темно, так как фонарь горел плохо, они не могли смеяться или двигаться, так как боялись разбудить Сайласа, спавшего поблизости в пристройке, и в целом вечеринка вышла скучная. Посреди сдачи карт, Дэн вдруг остановился и испуганно окликнул: "Кто там?" и в тот же момент закрыл задвижку фонаря. Дрожащий голосок в темноте произнес: "Я не могу найти

Томми", а затем раздался быстрый топот босых ног, убегающих по коридору, который вел к комнате миссис Баэр.

— Это Деми! Он убежал позвать кого-нибудь! Живо в кровать, Том, и помалкивай! — крикнул Дэн, молниеносно убирая все, что оставалось на столе после пирушки, и начиная срывать с себя одежду, пока Нат делал то же самое.

Томми бросился в свою комнату и нырнул в кровать, где лежал, смеясь, пока что-то не обожгло его руку, после чего он обнаружил, что все еще сжимает окурок сигары, которой ему случилось затянуться как раз в тот момент, когда пирушка прервалась. Окурок почти догорел, и он уже собирался осторожно погасить маленький огонек, когда послышался голос Нянюшки, и, боясь, что дым выдаст его, если он спрячет окурок в кровати, он сунул его под кровать, предварительно стиснув горячий кончик пальцами, чтобы потушить пламя.

Нянюшка вошла вместе с Деми, который имел весьма изумленный вид, когда увидел красное лицо Томми, мирно покоящееся на подушке.

— Его там только что не было, я знаю, потому что я проснулся и не мог нигде его найти, — сказал Деми, напрыгивая на приятеля.

— Что за проделку ты затеял, скверный мальчишка? — спросила Нянюшка, добродушно встряхивая спящего, что заставило его открыть глаза и сказать кротко:

— Я только сбегал в комнату Ната, повидать его насчет кой-чего. Уходите и оставьте меня в покое, я страшно хочу спать.

Нянюшка уложила Деми и ушла на разведку в комнату Дэна, но обнаружила там двух мальчиков, мирно спящих в своих постелях. — Какая-то маленькая шалость, — подумала она, и так как ничего дурного не произошло, она не стала беспокоить миссис Баэр, которая была занята и встревожена недомоганием маленького Тедди.

Томми был сонным и, велев Деми не лезть не в свое дело и не задавать вопросов, через десять минут крепко спал, не подозревая о том, что происходит под его кроватью. Сигара не погасла, но тлела на соломенном коврикe, пока не разгорелась, и жадное маленькое пламя кралось все дальше, пока не загорелось канифасовое покрывало, затем простыни, а затем и сама кровать. После выпитого пива сон Томми был тяжелым, а дым одурманил Деми, так что оба продолжали спать, пока огонь не начал подпаливать их, и им угрожало сгореть заживо.

Франц в тот вечер засиделся над уроками. Покидая классную, он неожиданно почувствовал запах гари, бросился наверх и увидел облако дыма в левом крыле дома. Не останавливаясь, чтобы кого-нибудь позвать, он вбежал в комнату, вытащил мальчиков из пылающей кровати, и выплеснул на пламя всю воду, какую только нашел под рукой. Она приостановила, но не загасила огонь, и дети проснувшиеся от того, что их вытолкнули чуть ли не вверх тормашками в холодный коридор, заревели во весь голос. Тут же появилась миссис Баэр, а минуту спустя из своей комнаты выскочил Сайлас с таким отчаянным "Горим!", что поднял на ноги весь дом. Стайка белых гоблинов с испуганными лицами столпилась в зале, и на минуту все были охвачены паникой.

Затем миссис Баэр опомнилась, велела Нянюшке заняться обожженными мальчиками, и послала Франца и Сайласа вниз за корытами с замоченным бельем, которое затем накидала на кровать, ковер и занавески, уже горевшие и грозившие зажечь стены.

Большинство мальчиков стояли онемев и растерянно смотрели на происходящее, но Дэн и Эмиль трудились усердно, бегая туда и обратно за водой из ванной и помогая срывать горящие занавески.

Опасность вскоре миновала, и, отправив всех мальчиков назад в постели и оставив Сайласа проследить, чтобы огонь не вспыхнул снова, миссис Баэр и Франц пошли посмотреть, как чувствуют себя пострадавшие. Деми отделался одним ожогом и большим испугом, но Томми не только спалил все волосы на голове, но имел и обширный ожог на руке и почти сходил с ума от боли. Деми скоро оказали помощь, и Франц унес его в свою собственную постель, где добрый юноша успокоил его страхи и убаюкал так ласково, как женщина. Нянюшка ухаживала всю ночь за бедным Томми, стараясь облегчить его страдания, а миссис Баэр сновала между ним и маленьким Тедди с маслом и ватой, болеутолителем и морским луком, говоря себе, время от времени, словно находила какое-то облегчение в этой мысли: "Я всегда знала, что Томми Бэнгз подожжет дом, вот он это и сделал!"

Когда мистер Баэр вернулся домой на следующий день, его ожидало премилое положение дел в Пламфильде: страдающий Томми в постели, Тедди, дышащий с трудом, как маленький кит, миссис Джо, совершенно обессиленная, а весь выводок мальчиков в таком возбуждении, что все говорили хором и почти тащили его силой

взглянуть на разрушения. Под его спокойным руководством дело пошло на лад, и каждый чувствовал, что ему по плечу и десяток пожаров, и работал с готовностью, какую бы работу ему ни поручили.

Занятий в то утро не было, но после обеда комната, в которой произошел пожар, была приведена в порядок, больные почувствовали себя лучше, и настало время спокойно выслушать и судить маленьких преступников. Нат и Томми рассказали о своей роли в случившемся и искренне сожалели об опасности, которую навлекли на милый старый дом и на всех, кто был в нем. Но Дэн принял презрительный вид и не желал признать, что причинил много вреда.

Поскольку мистер Баэр ненавидел пьянство, азартные игры и привычку ругаться, его глубоко огорчило и рассердило то, что мальчик, к которому он старался быть снисходителен, воспользовался его отсутствием, чтобы попытаться внушить его невинным маленьким воспитанникам, что предаваться пороку приятно и что это может считаться проявлением мужественности. Он долго и серьезно говорил с собравшимися мальчиками и под конец сказал твердо, хотя и не без сожаления:

— Я думаю, что Томми уже достаточно наказан, и этот рубец на руке долго будет напоминать ему, что лучше отказаться от таких развлечений. Для Ната хватит в качестве наказания страха, который он пережил, так как он действительно раскаивается и старается слушаться меня. Но ты, Дэн, был прощен много раз, и это не принесло пользы. Я не хочу, чтобы ты вредил моим мальчикам своим дурным примером. Не хочу я и тратить свое время зря на того, кто не хочет слышать, так что попрощайся со всеми, и скажи Нянюшке, чтобы она упаковала твои вещи в мой маленький черный саквояж.

— О, сэр, куда он пойдет? — воскликнул Нат.

— Он поедет в приятное место, в деревню, куда я иногда посылаю мальчиков, если они не приживаются здесь. Мистер Пейдж добрый человек, и Дэну будет хорошо там, если он захочет и постарается.

— Он когда-нибудь вернется? — спросил Деми.

— Все будет зависеть от него самого. Я очень на это надеюсь.

И с этими словами, мистер Баэр покинул комнату, чтобы написать письмо мистеру Пейджу, а мальчики столпились вокруг Дэна, как люди вокруг человека, собирающегося в долгое и опасное путешествие в неведомые края.

— Интересно, понравится ли тебе там, — начал Джек.

— Не понравится — не останусь, — сказал Дэн хладнокровно.

— Куда же ты денешься? — спросил Нат.

— Может быть, уйду в море или подамся на запад, а то взгляну на Калифорнию, — отвечал Дэн с беспечным видом, от которого у маленьких мальчиков захватило дух.

— Не надо! Оставайся у мистера Пейджа на время, а потом возвращайся сюда, пожалуйста, Дэн, — просил Нат, очень взволнованный всем произошедшим.

— Мне все равно, куда ехать и как долго оставаться, но провалиться мне на этом месте, если я когда-нибудь вернусь сюда, — с этими гневными словами Дэн вышел, чтобы собрать вещи, каждая из которых была дана ему мистером Баэром.

Это были единственные прощальные слова, с какими он обратился к мальчикам, так как, когда он снова спустился из своей комнаты, все они все обсуждали случившееся на скотном дворе, и он велел Нату не звать их. Повозка стояла у двери, и миссис Баэр вышла поговорить с Дэном, такая печальная, что совесть упрекнула его, и он сказал тихо:

— Можно мне попрощаться с Тедди?

— Да, дорогой, войди и поцелуй его, ему очень будет не хватать его Дэни.

Никто не видел выражения в глазах Дэна, когда он наклонился над детской кроваткой и смотрел на маленькое лицо, озарившееся улыбкой при взгляде на него, но сам он слышал, как миссис Баэр сказала просительно:

— Не можем ли мы дать бедняге еще один шанс, Фриц? — и неторопливый ответ мистера Баэра:

— Дорогая моя, лучше от этого не будет, дай ему уйти туда, где он не причинит вреда тому, кто старается делать ему добро, и со временем он вернется, я обещаю тебе,

— Он единственный мальчик, с которым мы потерпели неудачу, и я так горюю, так как надеялась сделать из него прекрасного человека, несмотря на все его недостатки.

Дэн слышал вздох миссис Баэр и захотел попросить, чтобы ему дали еще один шанс, но гордость не позволила, и он вышел с холодным выражением лица, молча пожал всем руку и уехал с

мистером Баэром, оставив Ната и миссис Джо смотреть ему вслед со слезами на глазах.

Несколько дней спустя они получили письмо от мистера Пейджа, в котором говорилось, что у Дэна все хорошо, чему они все порадовались. Но три недели спустя пришло еще одно письмо, сообщавшее, что Дэн убежал и больше о нем не слышали, после чего все переглянулись с серьезными лицами, а мистер Баэр сказал:

— Возможно, мне следовало дать ему еще один шанс.

Однако миссис Баэр только покачала головой с проницательным видом и уверенно ответила, — Не тревожься, Фриц, мальчик вернется к нам, я в этом уверена.

Но время шло, а Дэн не возвращался.

Глава 7

Сумасбродка Нэн

— Фриц, у меня новая идея, — воскликнула миссис Баэр, встретив мужа однажды после школьных занятий.

— Что за идея, моя дорогая? — и он охотно приготовился выслушать новый план, так как некоторые из идей миссис Джо оказывались такими забавными, что было невозможно не посмеяться над ними, хотя обычно они являлись вполне разумными, и он был рад претворить их в жизнь.

— Дейзи нужна компания, да и мальчикам было бы лучше, если бы среди них появилась еще одна девочка. Ты же знаешь, мы всегда верили в преимущества совместного воспитания маленьких мужчин и маленьких женщин, и давно пора действовать в соответствии с нашими убеждениями. Мальчики то ласкают, то тиранят Дейзи, и она портится от этого. Кроме того, они должны научиться вести себя более вежливо и любезно и усовершенствовать свои манеры, а присутствие девочек в школе будет лучше всего способствовать достижению этой цели.

— Ты права, как всегда. Ну, так кого же мы возьмем? — спросил мистер Баэр, видя по выражению глаз миссис Джо, что у нее есть готовая кандидатура.

— Маленькую Энни Хардинг.

— Что! Сумасбродку Нэн, как зовут ее все мальчики? — воскликнул мистер Баэр так, словно его очень позабавила эта новость.

— Да, с тех пор как умерла ее мать, девочка бегает дома без присмотра, а она слишком способный ребенок, чтобы позволить ей остаться без всякого воспитания и оказаться испорченной слугами. Я наблюдала за ней некоторое время, и когда встретила ее отца в городе на днях, спросила, почему он не пошлет ее учиться. Он сказал, что охотно сделал бы это, если бы мог найти такую же хорошую школу для девочек, как наша для мальчиков. Я знаю, он был бы рад прислать ее сюда, так что полагаю, мы съездим к нему после обеда и решим этот вопрос.

— Разве у тебя и так не достаточно хлопот, моя Джо, что ты хочешь взвалить на себя еще и заботу об этой маленькой разбойнице? — спросил мистер Баэр, поглаживая руку жены, лежавшую на его плече.

— О нет, дорогой, нет, — сказала мама Баэр, бодро. — Мне нравится то, чем я занимаюсь, и я никогда не была счастливее, чем с тех пор, как у меня появилась моя "куча мальчиков". Понимаешь, Фриц, я очень сочувствую Нэн и понимаю ее, так как в детстве была такой же буйной, как она. Девочка полна энергии, и ее только нужно научить, что с этой энергией делать, чтобы быть такой же милой и привлекательной, как Дейзи. При ее сообразительности она вполне могла бы извлечь пользу из преподанных ей уроков поведения и даже получить от них удовольствие, если бы они были преподаны правильно, и маленькая разбойница скоро стала бы занятым, счастливым ребенком. Я знаю, как воспитывать ее, так как помню, как воспитывала меня моя дорогая мама, и...

— И если ты преуспеешь хотя бы вполовину так хорошо, как она, то результат будет великолепным, — перебил мистер Баэр, живший под властью жестокого заблуждения, что миссис Баэр — лучшая и наиочаровательнейшая женщина на свете.

— Итак, если вы, сэр, будете смеяться над моими планами, то я посажу вас на целую неделю на плохой кофе! И что тогда с вами будет? — вскричала миссис Джо, шутливо дергая его за ухо, так словно он был одним из ее мальчиков.

— Но разве дикие проделки Нэн не приведут к тому, что у Дейзи волосы встанут дыбом от ужаса? — спросил мистер Баэр, когда Тедди, уцепившись за его жилет, вскарабкался ему на грудь, а Роб на спину, так как маленькие сыновья всегда завладевали отцом, как только кончались школьные занятия.

— В первое время, возможно, так и будет, но даже это принесет Маргаритке пользу. Она становится чопорной и чрезмерно озабоченной хозяйством, и ее надо немного расшевелить. Они всегда хорошо играли вдвоем, когда Нэн приезжала в гости, и, я уверена, девочки благотворно повлияют друг на друга, сами о том не подозревая. Ах, половина секрета воспитания — понимать, как много дети делают друг для друга и когда следует сводить их вместе!

— Я только надеюсь, что мы не получим просто еще одного трудного ребенка в нашей школе.

— Мой бедный Дэн! Я никак не могу до конца простить себе, что позволила ему уйти, — вздохнула миссис Баэр.

При звуке знакомого имени маленький Тедди, так и не забывший своего друга, высвободился из объятий отца и просеменил на пухлых ножках к двери, выглянул с печальным лицом на солнечную лужайку, а затем просеменил обратно, сказав огорченно, как он это всегда делал, когда не находил нигде того, кого горячо хотел увидеть:

— Мой Дэнни скоро придет.

— Я думаю, что нам следовало оставить Дэна здесь, хотя бы ради Тедди. Он так его любил, и, возможно, любовь малыша сделала бы для него то, чего не сумели мы.

— Я иногда сам чувствую то же самое, но после того как он пытался подбить мальчиков на дурные поступки и чуть не спалил дом дотла, я счел, что будет безопаснее убрать смутьяна, по крайней мере, на время, — сказал мистер Баэр.

— Обед готов, дай мне позвонить в колокольчик, — и Роб начал соло на этом инструменте, так что никто уже не мог слышать собственных слов.

— Так могу я взять Нэн, да? — спросила миссис Джо после обеда.

— Десяток Нэн, если хочешь, моя дорогая, — отвечал мистер Баэр, в отцовском сердце которого было место для всех озорных и заброшенных детей на свете.

Вернувшись в тот день из поездки, миссис Баэр еще не успела распаковать свой веселый груз маленьких мальчиков, без которых редко отправлялась в путь, когда через заднюю дверь экипажа на лужайку перед домом выскочила девочка лет десяти.

— Эй, привет, Дейзи! Где ты?

Дейзи вышла на крыльцо. Судя по ее виду, ей было приятно видеть гостью, но вместе с тем она явно слегка встревожилась, когда Нэн сказала, по-прежнему прыгая на месте, словно было невозможно стоять смирно:

— Я тут останусь навсегда, папа разрешил, а мой сундук привезут только завтра, так как все мои вещи надо выстирать и зачинить, а твоя тетя приехала и забрала меня сразу с собой. Здорово, правда?

— Ну конечно. А ты привезла свою большую куклу? — спросила Дейзи, вспомнив, что во время своего последнего визита, Нэн разорила весь свой кукольный домик и настояла на том, чтобы вымыть гипсовое лицо красавицы Бланш-Матильды с мылом, чем навсегда испортила цвет лица бедняжки.

— Да, она где-то тут, — отвечала Нэн, с самой нематеринской беспечностью. — Я сделала для тебя колечко — выдрала для этого волосы из хвоста Доббина. Хочешь? — и Нэн достала кольцо из конского волоса и протянула Дейзи в знак примирения, так как при последнем расставании обе они клялись, что никогда не будут больше разговаривать друг с другом.

Красота подношения смягчила Дейзи, она стала более сердечной и предложила пройти в детскую, но Нэн сказала:

— Нет, я хочу увидеть мальчиков и зверинец, — и убежала, крутя свою шляпу на одной завязке. Завязка оборвалась, и хозяйка оставила шляпу на произвол судьбы в траве.

— Привет, Нэн! — закричали мальчики, когда она вприпрыжку подбежала к ним и объявила:

— Я остаюсь у вас.

— Ура! — завопил Томми со стены, на которой сидел, так как Нэн была родственной душой, и он предвкушал немало совместных удовольствий в будущем.

— Я умею подавать, дайте мне тоже поиграть в крикет, — сказала Нэн, которая охотно бралась за все на свете, не страшась ни шишек, ни синяков.

— Мы сейчас не играем, и, вообще, наша команда подает без тебя.

— Зато я могу перегнуть любого из вас, — заявила Нэн, прибегая к своему самому сильному аргументу.

— Это правда? — спросил Нат у Джека.

— Она бегает очень хорошо для девочки, — отвечал Джек, смотревший на Нэн со снисходительным одобрением.

— Попробуем? — сказала Нэн, горячо желая продемонстрировать свои силы.

— Слишком жарко, — и Томми вяло сполз со стены, словно совершенно измученный жарой.

— А что стряслось со Стаффи? — спросила Нэн, чьи быстрые глаза перебегали с лица на лицо.

— Ему повредило мячом руку, а он из-за любой чепухи ревет, — отвечал Джек презрительно.

— Я — нет, я никогда не плачу, даже если очень больно, это только маленькие режут, — сказала Нэн высокомерно.

— Я мог бы заставить тебя зареветь в две минуты, — отвечал рассерженный Стаффи.

— Попробуй!

— Тогда пойд и сорви крапиву, — и Стаффи указал на жилистый образчик этого кусачего растения возле стены.

Нэн мгновенно схватила крапиву, вырвала ее и протянула Стаффи вызывающим жестом, несмотря на почти невыносимое жжение.

— Молодец! — закричали мальчики, готовые признать храбрость даже в представительнице слабого пола.

Обожженный стыдом куда сильнее, чем Нэн крапивой, Стаффи решил одолеть ее другим способом и сказал язвительно:

— Привыкла совать руки, куда попало, вот тебе и не больно. А вот пойд-ка и стукнись головой как следует о сарай, и спорим, что тогда ты заорешь.

— Не делай этого, — сказал Нат, который ненавидел жестокость.

Но Нэн побежала прямо к сараю и стукнулась головой так, что распростерлась плашмя, а звук при этом был как от стенобитного орудия. С кружащейся головой, но не потеряв самообладания, она встала, слегка пошатываясь, и сказала энергично, хотя лицо ее искажилось от боли:

— Мне больно, но я не плачу.

— Давай еще раз, — сказал Стаффи сердито, и Нэн сделала бы это, но Нат удержал ее, а Томми, забыв о том, что измучен жарой, налетел на Стаффи как бойцовый петушок, крича:

— Кончай это дело, а не то полетишь у меня сейчас через амбар вверх тормашками! — и так тряс и дергал бедного Стаффи, что через минуту тот уже не знал, стоит ли он на ногах или на голове.

— Она сама мне велела, — вот все, что он сказал, когда Томми оставил его в покое.

— Ну и что, если сказала, это ужасно подло обижать маленьких девочек, — заметил Деми с упреком.

— Хо! Мне все равно. Я не маленькая девочка, я старше тебя и Дейзи, вот так-то! — вскричала Нэн неблагодарно.

— Тебе ли проповедовать, Дьякон, ты сам задираешь Маргаритку каждый день! — выкрикнул Коммодор, который только что появился во дворе.

— Я не обижаю ее! Разве я тебя обижаю, Дейзи? — и Деми повернулся к сестре, ласково поглаживавшей обожженные руки Нэн и настоятельно рекомендовавшей приложить мокрый платок на быстро растущую на лбу фиолетовую шишку.

— Ты лучший мальчик на свете, — быстро отвечала Дейзи, добавляя, как принуждало ее к тому желание быть правдивой: — Ты делаешь мне больно иногда, но нечаянно.

— Уберите биты и все остальное, и думайте о том, что делаете. На борту этого корабля драки запрещены, — сказал Эмиль, который, в известной степени, командовал остальными.

— Как поживаешь, Мадж Уайлдфаер^[21]? — спросил мистер Баэр, когда Нэн пришла с остальными к ужину. — Подавать следует правую руку, доченька, последи за своими манерами, — добавил он, когда Нэн предложила ему левую.

— Правая болит.

— Бедная маленькая ручка! Чем она занималась, что появились эти пузыри? — спросил он, потянув ее правую кисть из-за спины, куда она спрятала руку с видом, заставившим его предположить, что она что-то натворила.

Прежде чем Нэн успела заговорить, Дэйзи на едином дыхании выложила всю историю, в то время как Стаффи пытался спрятать покрасневшее лицо в чашке с хлебом и молоком. Когда рассказ был окончен, мистер Баэр бросил взгляд на жену, сидевшую на другом конце длинного стола, и сказал с искрящимися смехом глазами:

— Это скорее по твоей части, так что я не буду вмешиваться, моя дорогая.

Миссис Джо знала, что он имеет в виду, но прониклась еще большим расположением к своей черной овечке за ее мужество, хотя сказала лишь, и при том самым серьезным тоном:

— Вы знаете, зачем я пригласила Нэн приехать сюда?

— Чтобы изводить меня, — пробурчал Стаффи, с набитым ртом.

— Чтобы помочь сделать из вас маленьких джентльменов, и я думаю, вы показали, что некоторые из вас нуждаются в этом.

Тут Стаффи снова уткнулся в свою чашку и не появлялся оттуда, пока Деми не рассмешил всех, сказав как всегда медленно и задумчиво:

— Как она может помочь нам, когда она сама как мальчишка?

— Именно поэтому! Помощь нужна ей не меньше, чем вам, и я ожидаю, что вы подадите ей пример хороших манер.

— Она тоже будет маленьким джентльменом? — спросил Роб.

— Ей это понравилось бы, правда, Нэн? — добавил Томми.

— Нет, не хочу, ненавижу мальчишек! — яростно выкрикнула Нэн, так как рука у нее еще саднила, и она начала думать, что могла бы показать свою храбрость более разумным способом.

— Мне жаль, что ты ненавидишь моих мальчиков, так как они могут продемонстрировать хорошие манеры и быть очень приятными в общении, когда захотят. Доброта во взглядах, словах и действиях — вот настоящая вежливость, и любой может проявлять ее, если только постарается обращаться с другими людьми так, как хотел бы, чтобы эти люди обращались с ним самим.

Миссис Баэр обращалась к Нэн, но мальчики подтолкнули друг друга локтем и, похоже, поняли намек и приняли его во внимание, по меньшей мере, на время. Они передавали масло и говорили "пожалуйста" и "спасибо", "да, сэр" и "нет, мэм" с необычной любезностью и уважением. Нэн не говорила ничего, но сидела тихо и воздержалась от того, чтобы пощекотать Деми, хотя испытывала громадное искушение сделать это по причине сверхдостоинного вида, какой он напустил на себя. Она также, казалось, забыла о своей ненависти к мальчикам и после ужина играла с ними в прятки до темноты. Стаффи, как было замечено, часто предлагал ей пососать его леденец во время игры, что, очевидно, "подсластило" ее характер, так как последними ее словами, перед тем как отправиться в постель, были:

— Когда придет чемодан с моими ракеткой и воланом, я дам вам всем поиграть.

Утром, едва проснувшись, она тут же спросила: "Пришел мой чемодан?" и, когда ей сказали, что он прибудет позднее в течение дня, она сделалась сердитой и раздраженной, кипела от злости и порола свою куклу так, что Дейзи была шокирована. Она умудрилась, однако, как-то просуществовать до пяти, когда вдруг куда-то исчезла. Впрочем,

ее не хватились до ужина, так как в доме полагали, что она ушла на холм с Томми и Деми.

— Я видела, как она мчалась по аллее одна, во всю прыть, — сказала Мэрианн, входя в столовую с заварным пудингом и обнаружив, что каждый спрашивает: "Где Нэн?"

— Она убежала домой, маленькая разбойница! — воскликнула миссис Баэр с встревоженным видом.

— Может быть, она пошла на станцию, посмотреть, не пришел ли ее багаж, — предположил Франц.

— Это невозможно, она не знает дороги! И даже если бы нашла свой багаж, не смогла бы тащить тяжелый сундук целую милю, — сказала миссис Баэр, начиная думать, что ее новая идея о совместном воспитании мальчиков и девочек, возможно, окажется довольно трудной для осуществления.

— Это было бы на нее похоже, — и мистер Баэр схватил шляпу, чтобы пойти искать девочку, когда возглас стоявшего у окна Джека заставил всех поспешить к двери.

За окном можно было видеть мисс Нэн, которая тянула следом за собой очень большую картонку, завязанную в бельевой мешок. Выглядела она очень разгоряченной, запыленной и усталой, но маршировала энергично, а, подойдя с пыhtением к ступенькам, уронила свой груз, облегченно вздохнула и заметила, садясь на него и скреживая на коленях натруженные руки:

— Я больше не могла ждать, так что просто пошла и забрала его.

— Но ты же не знала дороги, — сказал Томми, в то время как остальные стояли вокруг, явно считая произошедшее отличной шуткой.

— О, я нашла дорогу запросто, я никогда не заблужусь.

— Но до станции целая миля, как ты смогла уйти так далеко?

— Ну да, далековато, конечно, но я часто отдыхала.

— Разве не была коробка слишком тяжелой для тебя?

— Она такая круглая. Было страшно неудобно ее тащить, я думала, у меня прямо руки отвалятся.

— Не представляю, как начальник станции позволил тебе забрать ее, — сказал Томми.

— Я ему ничего не сказала. Он сидел в кассе и не видел меня, так что я просто взяла свою коробку с платформы.

— Сбегай и скажи ему, что все в порядке, Франц, а то старый Додд будет думать, что ее украли, — сказал мистер Баэр, присоединяясь к взрыву смеха, который вызвало у присутствующих дерзкое хладнокровие Нэн. — Я сказал тебе, что мы пошлем за твоим багажом, если его не привезут. В следующий раз ты должна ждать, а то попадешь в какую-нибудь беду, если убежишь. Обещай мне это, а то я не осмелюсь выпустить тебя из вида ни на минуту, — сказала миссис Баэр, вытирая пыль с разгоряченного лица Нэн.

— Ладно, не буду, только папа говорит мне всегда, что не следует ничего откладывать на потом, вот я и не откладываю.

— Это трудный вопрос, так что я думаю, нам лучше дать ей теперь ужин со всеми остальными, а позднее — полезный урок наедине, — сказал мистер Баэр, слишком развеселившийся, чтобы сердиться на юную леди за ее необычный подвиг.

Мальчики нашли, что это "здорово забавно", и Нэн развлекала их весь ужин отчетом о своих приключениях: большая собака залаяла на нее, а мужчина засмеялся над ней, а женщина дала ей пончик, а ее шляпа упала в ручей, когда она остановилась попить, измученная жарой и напряжением.

— Я думаю, у тебя теперь будет хлопот полон рот, моя дорогая. Томми и Нэн — этого вполне достаточно для одной женщины, — сказал мистер Баэр полчаса спустя.

— Я знаю, потребуется какое-то время, чтобы укротить этого ребенка, но она такая щедрая девочка с горячим сердцем, что я любила бы ее, даже если бы она была гораздо более озорной, — отвечала миссис Джо, указывая на веселую группу, в центре которой стояла Нэн, раздавая свои вещи направо и налево, так щедро, словно большая картонка была бездонной.

Именно эти хорошие черты скоро сделали маленькую Сумасбродку, как они называли ее, всеобщей любимицей. Дейзи больше никогда не жаловалась на скуку, так как Нэн изобретала восхитительнейшие игры и забавляла всю школу своими проделками, которые были ничуть не менее забавны, чем проделки Томми. Она похоронила свою большую куклу и забыла о ней на неделю, а потом, когда откопала, обнаружилось, что кукла совсем испорчена плесенью. Дейзи была в отчаянии, но Нэн отнесла куклу к маляру, работавшему в доме, и тот покрасил ее в кирпично-красный цвет и снабдил

вытаращенными черными глазами, после чего Нэн обрядила ее в красную фланель, украсила перьями, вручила ей один из свинцовых топориков Неда, и в виде индейского вождя покойная Поппидилла была томагавком всех других кукол, так что воображаемая кровь текла по детской ручьями. Она отдала свои новые туфли нищему ребенку, надеясь, что ей позволят ходить босиком, но обнаружила, что не всегда возможно сочетать благотворительность и комфорт, и ей было приказано впредь просить разрешения, прежде чем раздавать свою одежду. Она восхитила мальчиков, устроив огненный корабль из кровельной доски с двумя большими парусами, пропитанными скипидаром, которые она подожгла, прежде чем пустить его в плавание по ручью в сумерки. Она запрягала старого индюка в плетеную тележку и заставляла носиться вокруг дома на безумной скорости. Она отдала свои коралловые бусики за четырех несчастных котят, которых мучили какие-то бессердечные мальчишки, и ухаживала за мохнатыми крошками несколько дней нежнее матери, смазывая их раны кольдкремом и кормя их с кукольной ложечки, а потом, когда они все-таки умерли, горевала о них, пока не утешилась одной из лучших черепашек Деми. Она заставила Сайласа вытатуировать якорь у нее на плече, такой же, как у него, и умоляла еще и изобразить голубую звезду на каждой щеке, но он не осмелился, хотя она уговаривала и настаивала так, что мягкосердечному человеку было нелегко противиться ее желанию. Она пыталась прокатиться верхом на каждом из животных в имении, от большой лошади Энди до сердитой свиньи, от которой была спасена с большим трудом. На что бы ни вызывали ее мальчишки, она тут же пыталась это сделать, каким бы опасным ни было задание, а они никогда не уставали испытывать ее храбрость.

Мистер Баэр предложил им заменить всякое другое соперничество соревнованием в учебе, и Нэн находила не меньшее удовлетворение от использования своего живого ума и прекрасной памяти, чем резвых ног и веселого языка, в то время как мальчишкам пришлось стараться изо всех сил, чтобы не отстать, так как Нэн показала им, что девочки могут делать почти все так же хорошо, как мальчишки, а кое-что и получше. В школе не было наград, но одобрительное "Молодец!" мистера Баэра и хорошая запись в Книге Совести миссис Баэр, учили их любить долг ради самого долга и стараться исполнять его в уверенности, что рано или поздно

вознаграждение придет само. Маленькая Нэн быстро почувствовала преимущества новой атмосферы, наслаждалась ею, и было очевидно, что это именно то, что в чем она нуждается: маленький заброшенный садик был полон душистых цветов, увидеть которые мешали сорняки, но когда добрые руки начали ухаживать за ним, появились всевозможные новые зеленые ростки, обещающая расцвести пышным цветом в теплом климате любви и заботы — лучшем климате для молодых сердец и душ по всему миру.

Глава 8

Шалости и игры

Так как у этой истории нет особого плана и иной цели, кроме как описать несколько сцен из жизни Пламфильда, чтобы доставить удовольствие некоторому количеству маленьких читателей, мы неторопливо побродим в этой главе по имению и расскажем о разнообразных развлечениях мальчиков мамы Джо. Я заверяю моих досточтимых читателей, что большая часть происшествий взята из реальной жизни и что самые странные из них являются и самыми правдивыми, так как никто, каким бы живым воображением ни обладал, не может выдумать ничего даже вполнину такого смешного, как выходки и фантазии, которые зарождаются в живых умах маленьких людей.

— Ох, это прямо как история с горохом, — сказала тетя Джо, снова раздражаясь смехом.

— Расскажи, — попросила Дейзи, чтобы переменить тему.

— Жила-была одна бедная женщина, у которой было трое или четверо детей, и она обычно запирала их на замок в своей комнате, когда уходила на работу, чтобы с ними ничего не случилось. Однажды, уходя, она сказала: "Ну мои дорогие, смотрите, чтобы малыш не выпал из окна, не играйте со спичками и не суйте горох себе в нос". Так вот, дети и не думали совать горох себе в нос, но она сама заронила эту идею им в головы. Едва она ушла, как они бросились к буфету и набили свои любопытные маленькие носы горохом, просто чтобы посмотреть, как это будет, и, вернувшись домой, она нашла их всех плачущими.

— Им было больно? — спросил Роб с таким напряженным интересом, что мать поспешила добавить предостерегающее заключение, чтобы эта история в новом варианте не повторилась в ее собственной семье.

— Очень больно, насколько я мне известно, так как когда моя мама рассказала мне эту историю, я была так глупа, что пошла и попробовала сама. У меня не было гороха, так что я взяла несколько маленьких камешков и засунула себе в нос. Это было совсем

неинтересно и неприятно, и я очень скоро захотела их вытащить, но один никак не вылезал, а мне было так стыдно признаться, как глупа я была, что я несколько часов ходила с камешком, причинявшим мне ужасную боль. Наконец боль стала невыносимой, и мне пришлось все рассказать маме, и после того как ей тоже не удалось вытащить его, пришел доктор. Тогда меня посадили в кресло и крепко держали, Роб, пока он действовал своими противными маленькими щипчиками, извлекая камешек. Ах! Как болел после этого мой несчастный маленький нос, и как все смеялись надо мной! — и миссис Джо покачала головой с ужасом, словно воспоминания о пережитых страданиях были слишком тяжелы для нее.

Любимым развлечением Ната было работать на своем огорожке или сидеть на иве со скрипкой, так как это уютное зеленое "гнездышко" превращалось для него в сказочный мир, когда он сидел там, создавая свою собственную музыку, как счастливая птица. Мальчики называли его "Друг Чирикалка", так как он всегда напевал, насвистывал или играл на скрипке, и они часто приостанавливались на минуту во время работы или игры послушать нежный голос его инструмента, который, казалось, вел весь оркестр летних звуков. Птицы, без сомнения, принимали его за одного из себе подобных и бесстрашно опускались на ветки совсем рядом с ним, чтобы взглянуть на него быстрыми блестящими глазками. Малиновки, свившие гнездо на ближайшей яблоне, явно считали его другом, так как папа-малиновка охотился на насекомых совсем рядом с ним, а маленькая мама высиживала свои голубые яички так спокойно, словно мальчик был всего лишь представителем новой разновидности дроздов, развлекавшим ее своей песней в долгие часы ее терпеливого бдения. Темный ручей журчал и сверкал у корней ивы, пчелы жужжали на клеверовых лугах по обе стороны от нее, знакомые дружеские лица проходящих мимо мальчиков улыбались ему, старый дом гостеприимно простирает к нему свои широкие крылья, и с блаженным ощущением покоя, любви и счастья, Нат часами мечтал в этом укромном уголке, не сознавая, какие благие чудеса творит все это вместе в его душе.

Среди его слушателей был один, который никогда не уставал от его мелодий и к которому он испытывал нечто большее, чем просто приязнь к товарищу по школе. Главной радостью бедного Билли было

лежать у ручья, следя за листьями и клочками пены, танцующими на воде, и мечтательно слушать музыку, льющуюся с ивы. Он, казалось, принимал Ната за ангела, который сидит в вышине и поет — вероятно, некоторые младенческие воспоминания сохранились в его уме и становились ярче в эти моменты. Видя интерес, который Билли проявлял к Нату, мистер Баэр попросил юного скрипача помочь своим пленительным искусством рассеять туман, окутывающий слабый ум. Радуюсь возможности сделать что-то для тех, кому был так благодарен, Нат охотно откликнулся на просьбу. Он всегда улыбался Билли, когда тот следовал за ним повсюду, и позволял ему спокойно слушать музыку, говорившую, казалось, именно тем языком, который тот понимал. "Помогайте друг другу" — таков был девиз Пламфильда, и Нат узнал, сколько радости привносит он в нашу жизнь, если стараться всегда следовать ему.

Любимым развлечением Джека Форда была коммерция, и он обещал пойти по стопам своего дяди, деревенского лавочника, который продавал всего понемногу и быстро наживал капитал. В его магазине Джек видел, что в сахар подсыпается песок, патока разбавляется водой, масло смешивается с бараньим жиром и прочее в том же роде, и пребывал в заблуждении, что все это необходимая часть бизнеса. Его собственный товар был иного рода, но он старался получить как можно больше прибыли с каждого червяка, которого продавал, и всегда умудрялся заключить наивыгоднейшую сделку, продавая и обменивая шнурки, ножички, рыболовные крючки и всякие прочие предметы. Мальчики, которые все имели прозвища, прозвали его "Скрягой", но Джека это не волновало, и старый табачный кисет, в котором он держал свои деньги, становился все тяжелее и тяжелее.

Он устроил нечто вроде аукционного зала и иногда распродал там всякий хлам, который насобирал, или помогал мальчикам обмениваться вещами друг с другом. Он покупал биты, мячи, хоккейные клюшки и прочее за бесценок у одних мальчиков, приводил вещи в порядок и продавал другим на несколько центов дороже, часто распространяя свой бизнес за ворота Пламфильда, вопреки установленным правилам. Мистер Баэр положил конец некоторым из его спекуляций и старался объяснить ему, что талант делового человека — это нечто иное, чем простая способность перехитрить соседей. Иногда Джеку случалось прогадать на какой-нибудь сделке, и

тогда он страдал от этого больше, чем от любой неудачи в учебе или поведении и стремился отыгаться на следующем простодушном клиенте, который подворачивался ему. На его аккуратную книжку счетов стоило взглянуть, а быстрота, с которой он производил любые подсчеты, поражала воображение. Мистер Баэр хвалил его за это и старался развить в нем в той же степени чувство чести и стремление неизменно оставаться честным, и, постепенно, поняв, что не сможет обойтись без этих добродетелей, Джек признал, что его учитель был прав.

В крикет и футбол мальчики, конечно, играли, но после волнующего описания этих великолепных игр на страницах бессмертного "Тома Брауна в Регби"* , ни одно слабое женское перо никогда не решится ни на что большее, чем почтительное упоминание о них.

Эмиль проводил свои каникулы на реке или пруду, где готовил старших мальчиков к гребным гонкам, в которых им предстояло соревноваться с юными горожанами, иногда вторгавшимися на своих лодках в их владения. Эти гонки состоялись в то лето, но так как кончились общим кораблекрушением, о них не упоминали на публике, а сам Коммодор некоторое время серьезно подумывал о том, чтобы удалиться на необитаемый остров, такое отвращение он испытывал ко всему роду человеческому. Никакого необитаемого острова ему не подвернулось, и он был вынужден остаться среди друзей и нашел утешение в строительстве нового причала на берегу.

Девочки предавались обычным играм своего возраста, внося в них усовершенствования, подсказанные живой фантазией. Главная и весьма увлекательная игра называлась "Миссис Шекспир Смит". Название было предложено тетей Джо, и испытания, выпадавшие на долю этой миссис Смит, были довольно оригинальны. Дейзи была самой миссис Смит, а Нэн, по очереди, ее дочерью или соседкой, миссис Прыг-Скок.

Никакое перо не способно описать приключения этих дам, так как за один короткий день их семья становилась сценой рождений, свадеб, смертей, чаепитий, переживала потопа, землетрясения, предпринимала дальние путешествия и полеты на воздушном шаре. Миллионы миль преодолевали эти, одетые в доселе невиданные наряды, энергичные женщины, когда, усевшись на кровати, правили

столбиками для полога, как горячими скакунами, и подпрыгивали, пока у них не начинали кружиться головы. Обмороки и пожары были любимыми огорчениями, с предлагаемой иногда, для разнообразия, всеобщей резней. Нэн никогда не уставала изобретать свежие комбинации ужасов, а Дейзи подражала ей со слепым восхищением. Жертвой часто оказывался бедный Тедди и не раз бывал спасен от реальной опасности, так как возбужденные дамы были способны забыть, что он не из того же материала, что их многострадальные куклы. Как-то раз он был заперт в стенной шкаф, объявленный на время "тюрьмой", и забыт там девочками, которые убежали играть во двор. В другой раз он чуть не утонул в ванне, когда был назначен "миленьким маленьким китом". И — самое ужасное — однажды он был срезан с веревки как раз во время, после того как был повешен за кражу.

Но наибольшим успехом пользовался заведенный в имении Клуб. У этой институции не было другого названия, да она в нем и не нуждалась, будучи единственным клубом в округе. Старшие мальчики руководили его деятельностью, и младшие иногда допускались на собрания, если хорошо себя вели. Томми и Деми были почетными членами, но всегда были обязаны удаляться с вечерних заседаний неприятно рано, в связи с обстоятельствами, которые были им неподвластны. Процедуры этого клуба были несколько необычны, так как он собирался во всевозможных местах и в самое разное время, имел всевозможные странные церемонии, а иногда прекращал свое существование после каких-нибудь бурных событий, но, впрочем, с тем лишь, чтобы быть восстановленным спустя некоторое время на более прочных основах.

В дождливые вечера члены встречались в классной и проводили время за играми: шахматы, камешки, трик-трак, фехтование, декламация, дебаты, или театральные представления мрачного трагического свойства. Летом местом встреч был скотный двор и о том, что происходило там, не знал ни один непосвященный смертный. В знойные душные вечера Клуб переносил заседания к ручью для того, чтобы разнообразить их водными упражнениями, и члены сидели вокруг в небрежных позах, как лягушки, и прохлаждались. В таких случаях речи были необыкновенно красноречивы и довольно текучи, как можно было бы сказать, а если замечания какого-либо выступающего не нравились аудитории, в него плескали холодной

водой, чем удавалось успешно угасить его ораторский пыл. Франц был президентом, и, если учитывать буйную натуру членов, можно сказать, что порядок он поддерживал восхитительно. Мистер Баэр никогда не вмешивался в их дела и был вознагражден за эту мудрую снисходительность тем, что его иногда приглашали посмотреть, как раскрываются тайны Клуба, что, казалось, доставляло ему большое удовольствие.

Когда в Пламфильде появилась Нэн, она пожелала вступить в Клуб, чем вызвала большое волнение и раскол среди джентльменов. Она представляла им бесконечные петиции, как письменные так и устные, нарушала торжественность их собраний, оскорбляя их через замочную скважину, исполняла энергичные соло на двери как на барабане и писала язвительные замечания на стенах и заборах, так как принадлежала к породе "неукротимых". Найдя, что все эти призывы тщетны, девочки, по совету миссис Джо, создали свое собственное заведение, которое назвали Уютный Клуб. В него они великодушно пригласили джентльменов, которым их молодость не позволяла присоединиться к другому клубу, и так успешно развлекали этих привилегированных членов новыми играми, изобретенными Нэн, маленькими ужинами и другими приятными празднествами, что, один за другим, старшие мальчики признались в желании принять участие в этих изысканных развлечениях и после продолжительных консультаций наконец решили предложить обмен любезностями.

Члены Уютного Клуба были приглашены украсить своим присутствием собрания соперничающей организации в определенные вечера, и, к удивлению джентльменов, их присутствие не стало помехой для разговоров и развлечений постоянных членов, чего нельзя, я думаю, сказать обо всех клубах. Леди ответили любезно и гостеприимно на эти мирные подходы, и обе институции процветали долго и счастливо.

Глава 9

Снова дома

Наступил июль, и начался сенокос. На маленьких огородиках все росло отлично. Долгие летние дни были полны приятных часов работы и отдыха. Дом стоял с распахнутыми дверями с утра до вечера, и мальчики проводили почти все время на открытом воздухе, если не считать ежедневных непродолжительных школьных занятий. Баэры придавали большое значение правильному физическому развитию детей, а наше короткое лето лучше всего использовать, работая на свежем воздухе. Какими румяными, загорелыми, крепкими стали мальчики, какие у них были аппетиты, какие крепкие руки и ноги, как выросли они из своих курточек и брючек, какой был смех и беготня по всему имению, какие проделки в доме и на скотном дворе, какие приключения в окрестных лесах, на холмах и в долинах, и какое удовлетворение в сердцах достойных Баэров, наблюдавших, как процветают души и тела их питомцев, я не берусь даже описать. Только одного не хватало для полноты их счастья... и то, чего они так желали, произошло, когда они меньше всего этого ожидали.

В один благоуханный вечер, когда малыши были в постели, старшие купались в ручье, а миссис Баэр раздевала Тедди в своей гостиной, он вдруг крикнул:

— Мой Дэнни! — и указал на окно, за которым ярко сияла луна.

— Нет, милый, его там нет, это только красивая луна, — сказала его мама.

— Нет, нет, Дэнни у окна, Тедди его видел, — упорствовал малыш, очень взволнованный.

— Может быть... — и миссис Баэр поспешила к окну, в надежде, что это окажется правдой. Но нигде не было и признака присутствия мальчика, она окликнула его по имени, побежала к парадной двери, держа на руках Тедди в одной ночной рубашке, и заставила его тоже окликнуть, думая, что голос малыша произведет больше впечатления, чем ее собственный. Никто не ответил, никто не появился, и они вернулись очень разочарованные. Тедди не желал утешиться видом

луны и, уже лежа в кроватке, продолжал поднимать голову и спрашивать, скоро ли придет Дэнни.

Потом он уснул, старшие мальчики толпой прошли спать, дом затих, и ничто кроме стрекота сверчков не нарушало тишину летней ночи. Миссис Баэр сидела за шитьем, так как большая рабочая корзинка всегда была верхом полна носков с огромными дырами, и думала о пропавшем мальчике. Она решила, что малыш ошибся, и даже не стала беспокоить мистера Баэра рассказом об этих детских фантазиях, так как у бедного профессора и так оставалось мало времени для себя днем, пока мальчики не лягут в постели, и обычно он использовал вечернее время, чтобы написать самые необходимые письма. Было уже за десять, когда она поднялась, чтобы закрыть дом. Когда она задержалась на минуту, чтобы полюбоваться со ступенек прелестным пейзажем, что-то белое на одном из стогов сена на лужайке привлекло ее взгляд. Дети играли там весь день, и, подумав, что Нэн как обычно забыла на сене свою шляпу, миссис Баэр подошла забрать ее. Но, приблизившись, она увидела, что это не шляпа и не носовой платок, а рукав рубашки, с торчащей из него смуглой рукой. Она торопливо обошла стог, и увидела крепко спящего Дэна.

Был он оборванным, грязным, худым и очень усталым на вид; одна нога была босой, другая обмотана старым клетчатым жакетом, который он, очевидно, снял с себя, чтобы перевязать пораненную ступню. Он, похоже, спрятался за стогом, но во сне откинул в сторону одну руку, и она выдала его. Он вздохнул и пробормотал что-то, словно сны его были тревожными, и, сделав один раз движение ногой, застонал, словно от боли, но по-прежнему продолжал спать, совершенно измученный усталостью.

— Он не должен лежать здесь, надо забрать его в дом, — сказала миссис Баэр и, наклонившись над ним, нежно позвала его по имени. Он открыл глаза и посмотрел на нее. Вероятно, он решил, что видит ее во сне, так как, улыбнувшись, сказал сонно:

— Мама Баэр! Я вернулся домой!

Взгляд и слова очень тронули ее; она положила руку ему под голову и слегка приподняла ее, сказав сердечно, как всегда:

— Я знала, что ты придешь, и рада видеть тебя, Дэн.

Тогда он, казалось, окончательно проснулся и, вздрогнув, приподнялся, словно вдруг вспомнил, где находится, и усомнился в ее

доброте и гостеприимстве. Его лицо изменилось, и он сказал грубовато, как прежде:

— Я собирался уйти утром. Я только задержался на пути, чтобы заглянуть в дом.

— Но почему ты не захотел зайти к нам, Дэн? Разве ты не слышал, что мы звали тебя? Тедди увидел тебя и звал.

— Я думал, что вы меня не впустите, — сказал он, пошарив в маленьком узелке, который поднял, словно собираясь уйти немедленно.

— Зайди и увидишь, что мы тебе рады, — вот все что ответила миссис Баэр, широким жестом указывая на дверь, где гостеприимно горел свет.

С долгим вздохом, словно тяжесть упала с его души, Дэн взял толстую палку и захромал к дому, но вдруг остановился и сказал с сомнением в голосе:

— Мистеру Баэру это не понравится. Я ведь убежал от Пейджа.

— Он знает об этом и очень жалел, что так случилось, но это ничего не меняет. Что у тебя со ступней? — спросила миссис Джо, когда он захромал дальше.

— Камень упал мне на ногу, когда я перелезал через стену. Пустяки, — и он постарался скрыть боль, которую причинял ему каждый шаг.

Миссис Баэр помогла ему пройти в ее комнату, и, оказавшись там, он упал в кресло и откинул голову на спинку, бледный и слабый от усталости и страдания.

— Мой бедный Дэн! Выпей вот это и поешь немного, ты теперь дома, и мама Баэр позаботится о тебе.

Он только поднял на нее глаза, полные благодарности, когда выпил немного вина, которое она поднесла к его губам, а затем медленно начал есть то, что она принесла ему. Каждый глоток, казалось, возвращал ему энергию, и вскоре он начал говорить, словно желая, чтобы она поскорее узнала все о нем.

— Где ты был, Дэн? — спросила она, доставая все необходимое для перевязки.

— Я убежал больше месяца назад. Пейдж был неплохим человеком, но слишком строгим. Мне это не понравилось, так что я сбежал вниз по реке с человеком, который плыл на своей лодке. Вот

почему они не могли сказать вам, куда я ушел. Потом я расстался с этим человеком и пару недель работал у одного фермера, но я отлупил его мальчишку, и тогда старик отлупил меня, и я опять убежал и добрался сюда.

— Всю дорогу шел пешком?

— Да, тот фермер мне не заплатил, а я не хотел просить. Взял плату, тем, что отлупил его мальчишку, — и Дэн засмеялся, однако выглядел пристыженным, когда бросил взгляд на свою оборванную одежду и грязные руки.

— Как же ты жил? Мальчику трудно так долго бродяжничать.

— О, жил неплохо, пока не повредил ногу. Люди давали мне поесть, а спал я в амбарах и шел днем. Я заблудился, когда хотел сократить путь, а то был бы здесь раньше.

— Но если ты не собирался зайти и остаться у нас, куда же ты шел?

— Я хотел снова повидать Тедди и вас, а потом собирался вернуться к прежней работе в городе, только я так устал, что уснул на сене. Я ушел бы утром, если бы вы меня не нашли.

— Тебе жаль, что я нашла тебя? — и миссис Джо взглянула на него с веселым упреком, опускаясь на колени, чтобы осмотреть его пораненную ногу.

Краска бросилась в лицо Дэну, и, продолжая пристально смотреть в свою тарелку, он сказал очень тихо: — Нет, мэм, я рад, я хотел остаться, но боялся, что вы...

Он не кончил, так как миссис Баэр перебила его восклицанием жалости, когда увидела серьезно поврежденную ступню.

— Когда ты поранился?

— Три дня назад.

— И ты продолжал идти в таком состоянии?

— У меня была палка, и я промывал рану в каждом ручье, мимо которого проходил, а одна женщина дала мне чистую тряпку, обернуть ногу.

— Надо немедленно позвать мистера Баэра, чтобы он помог сделать перевязку, — и миссис Джо поспешила в соседнюю комнату, оставив дверь приоткрытой, так что Дэн мог слышать все, что там происходило.

— Фриц, мальчик вернулся.

— Кто? Дэн?

— Да, Тедди видел его из окна и звал его, но он убежал и спрятался за стогом на лужайке. Я только что нашла его там спящего и полумертвого от усталости и боли. Он убежал от Пейджа месяц назад и с тех пор пробирался к нам. Он делает вид, что не хотел, чтобы мы заметили его, и говорит, что хотел вернуться в город к старой работе, после того как взглянет на нас. Однако, очевидно, надежда на то, что его возьмут обратно, вела его сюда через все препятствия, и вот он сейчас в моей комнате, хочет узнать, простишь ли ты его и возьмешь ли снова к себе.

— Он это сказал?

— Сказали его глаза, и когда я разбудила его, он сказал, как потерявшийся ребенок: "Мама Баэр, я вернулся домой". У меня не хватило духу ругать его, и я только взяла его как бедную черную овечку, вернувшуюся в загон. Можно мне оставить его у нас, Фриц?

— Конечно! Его возвращение говорит о том, что мы нашли путь к его сердцу, и я не мог бы отослать его теперь, как не мог бы отослать моего собственного Роба.

Дэн услышал негромкий мягкий звук, словно миссис Джо благодарила мужа без слов, и во время следовавшей за этим паузы две большие слезы медленно наворачнулись на глаза мальчика, переполнили их и скатились по запыленным щекам. Никто не видел этого, так как он торопливо смахнул слезы рукой, но в тот момент, как мне кажется, прежнее недоверие Дэна к этим добрым людям исчезло навсегда. Заветная струнка в его сердце была затронута, и он внезапно почувствовал желание показать себя достойным любви и жалости тех, что проявили такое терпение и готовность простить. Он не сказал ничего, но желание это завладело всей его душой, и он решил, по-мальчишески безоглядно, попробовать осуществить его, и скрепил свое решение, как печатью, слезами, которые прежде не могли выжать из его глаз ни боль, ни усталость, ни одиночество.

— Пойди и взгляни на его ногу. Боюсь, рана в плохом состоянии, так как он шел три дня по жаре и пыли, и у него не было ничего кроме воды и старого жакета, чтобы перевязать ее. Говорю тебе, Фриц, Дэн — храбрый паренек, и из него еще выйдет прекрасный мужчина!

— Надеюсь, что так и будет. Ты так полна энтузиазма, что заслуживаешь успеха. Теперь, я пойду и взгляну на твоего маленького

спартанца. Где он?

— В моей комнате, но, дорогой, ты ведь будешь очень добр к нему, каким бы грубым он ни казался? Я уверена, что только так можно завоевать его дружбу. Он не вынесет ни суровости, ни слишком больших ограничений, но мягкое слово и бесконечное терпение выведут его на правильную дорогу, как прежде вывели меня.

— Как будто ты когда-то была такой же, как этот маленький негодник! — воскликнул мистер Баэр со смехом, однако одновременно несколько рассерженный такой мыслью.

— Да, была, хотя проявлялось это иначе. Я, похоже, инстинктивно знаю, что он чувствует, понимаю, что привлечет и тронет его, и сочувствую его искушениям и недостаткам. Я рада, что это так, это поможет мне помочь ему, и если мне удастся вырастить хорошего мужчину из этого буйного мальчика, это будет лучшим делом моей жизни.

— Да благословит Бог этот труд и да поможет работнику!

Мистер Баэр говорил теперь так же серьезно, как она, и оба вошли вместе в ее комнату, где нашли Дэна с головой, упавшей на руку — мальчика сморил сон. Впрочем, он тут же поднял голову и попытался встать, когда мистер Баэр сказал приветливо:

— Значит, Пламфильд понравился тебе больше чем ферма Пейджа? Что ж, посмотрим, не удастся ли нам на этот раз поладить лучше, чем прежде.

— Спасибо, сэр, — сказал Дэн, стараясь говорить так, чтобы его слова не прозвучали грубо, и находя, что сделать это легче, чем он ожидал.

— Теперь посмотрим на твою ногу! Ох! Дело плохо. Надо позвать завтра доктора Ферта. Принеси теплой воды, Джо, и чистых старых тряпок.

Мистер Баэр обмыл и перевязал раненную ногу, пока миссис Джо готовила единственную свободную постель в доме. Постель эта находилась в маленькой спальне для гостей, примыкавшей к гостиной, там иногда укладывали кого-нибудь из заболевших мальчиков, что избавляло миссис Джо от необходимости бегать вверх и вниз по лестнице, и позволяло больному видеть все, что происходит в доме. Когда постель была готова, мистер Баэр поднял мальчика на руки, перенес его туда, помог ему раздеться, положил на белые

простыни и оставил одного, еще раз пожав ему руку с отцовским "Доброй ночи, сын мой".

Дэн сразу уснул и спал тяжелым сном несколько часов, но затем его разбудила пульсирующая боль в ноге. Он беспокойно метался в постели, стараясь не стонать, чтобы никто не услышал его, так как он был мужественным мальчиком и переносил боль стойко, тем самым оправдывая данное ему мистером Баэром название "маленького спартанца".

Миссис Джо часто проходила по дому ночью, чтобы закрыть окна, если поднимался холодный ветер, или задернуть полог от комаров у кровати Тедди, или взглянуть, хорошо ли спит Томми, которому случалось ходить во сне. Малейший шум будил ее, и так как ей часто мерещились грабители, кошки или пожары, она предпочитала держать все двери в комнаты открытыми, так что ее чуткое ухо уловило чуть слышные стоны Дэна, и она тут же встала. Как раз в этот момент он в отчаянии ударил кулаком по своей горячей подушке и вдруг увидел, как через холл приближается дрожащий огонек. В комнату тихонько вошла миссис Джо, похожая на забавное привидение, с волосами, стянутыми в большой узел на макушке, и в длинном сером халате, волочащемся по полу.

— Тебе плохо, Дэн?

— Довольно плохо, но я не хотел разбудить вас.

— Я как сова, всегда летаю по ночам... Да, нога у тебя как огонь, надо снова намочить бинты, — и мама-сова упорхнула, чтобы принести новые бинты и большую кружку ледяной воды.

— Как хорошо! — вздохнул Дэн, когда на его ноге снова появилась холодная влажная повязка, а большой глоток воды охладил его спекшиеся губы и смочил пересохшее горло.

— Ну вот, постарайся уснуть и не пугайся, если снова увидишь меня, так как я буду потихоньку заходить и снова смачивать твои бинты.

Говоря это, миссис Джо склонилась, чтобы подсунуть ему под голову выскочившую подушку и расправить простыни. В этот момент, к ее огромному удивлению, Дэн обнял ее за шею, притянул к себе и поцеловал с прерывающимся "Спасибо, мэм", сказавшим ей больше, чем могла бы сказать самая выразительная многословная речь, так как этот торопливый поцелуй и произнесенные сдавленным голосом слова

значили: "Я виноват, я буду стараться". Она поняла это, приняла невысказанное признание и не испортила его никаким проявлением удивления. Она только помнила, что у него нет матери, поцеловала его загорелую щеку, почти совсем скрытую в подушках, словно он стыдился проявленной нежности, и оставила его со словами, которые он надолго запомнил: "Теперь ты — мой мальчик, и если только захочешь, то сможешь сделать так, чтобы я всегда говорила это с гордостью и радостью".

На рассвете, пробравшись потихоньку в комнату, она нашла его так крепко уснувшим, что он даже не проснулся, пока она обмывала его ногу, только складки боли расправились на его лице сами собой, и оно стало совсем спокойным.

Был воскресный день, и в доме стояла такая тишина, что он проспал почти до полудня, а, проснувшись и оглянувшись вокруг, увидел оживленное маленькое личико, заглядывающее в дверь. Она раскрыл объятия, и Тедди рванулся через комнату, чтобы вскарабкаться на постель, и закричал, обнимая своего друга и вертясь от восторга: "Мой Дэнни пришел!" Вслед за этим появилась миссис Баэр с завтраком и, казалось, не замечала, как пристыжен Дэн воспоминаниями о нежной маленькой сцене, что произошла прошлой ночью. Тедди настоял на том, чтобы "колмить" его и, действительно, принялся кормить его с ложечки, что очень понравилось Дэну, который не был особенно голоден.

Затем пришел доктор, и бедному спартанцу пришлось нелегко, так как некоторые из мелких костей в ступне были сломаны и вправление их оказалось болезненным, так что во время этой процедуры губы Дэна побелели, а на лбу выступили капли холодного пота, хотя он не вскрикивал, а только держал руку миссис Джо так крепко, что рука долго еще потом была красной.

— Вы должны держать мальчика в постели, по меньшей мере, неделю и не позволять ему вставать на эту ногу. К тому времени, я буду знать, можно ли позволить ему ковылять немного по дому с костылем или лучше остаться еще на неделю в постели, — сказал доктор Ферт, укладывая в чемоданчик свои блестящие инструменты, которые Дэну было неприятно видеть.

— Но ведь я в конце концов поправлюсь, правда? — спросил он, встревожившись при слове "костыли".

— Надеюсь, — и с этим доктор удалился, оставив Дэна очень подавленным, так как потеря ступни — ужасное бедствие для бойкого, энергичного мальчика.

— Не тревожься, я знаменитая сиделка, и уже через месяц ты у нас будешь отлично ходить, — сказала миссис Джо, стараясь оптимистично смотреть на дело.

Но страх остаться хромым преследовал Дэна, и даже ласки Тедди не радовали его, так что миссис Джо предложила, чтобы один или два мальчика пришли и повидали его, и спросила, кого он хотел бы увидеть.

— Ната и Деми, и я хотел бы получить обратно мою шляпу. Там к подкладке приколото кое-что, и, я думаю, им интересно будет посмотреть. Вы, наверное, выкинули мой узелок с "добычей"? — спросил Дэн с несколько обеспокоенным видом.

— Нет, я оставила его, так как подумала, что там, должно быть, какое-то сокровище; ты так заботился о нем, — и миссис Джо принесла ему его старую соломенную шляпу, полную приколотых к подкладке бабочек и жуков, и носовой платок, содержащий целую коллекцию странных вещиц, подобранных им по пути: там были и птичьи яйца, заботливо завернутых в мох, и необычные ракушки, и камешки, и кусочки древесных грибов, и даже несколько живых маленьких крабов, пребывавших в великом негодовании по поводу тюремного заключения, которому их подвергли.

— Не дадите ли вы мне какую-нибудь коробку, чтобы посадить в нее этих ребят? Мы нашли их с мистером Хайдом. Отличные крабики! Я хотел бы оставить их у себя, чтобы наблюдать за ними. Можно? — спросил Дэн, забыв о своей ноге и со смехом наблюдая, как крабы расхаживают бочком и пятятся на его кровати.

— Конечно можно, старая клетка попугая как раз подойдет для этой цели. Только не давай им щипать Тедди за пальцы, пока я пойду за клеткой, — и миссис Джо вышла, оставив Дэна сияющим от радости, что его сокровища не сочли мусором и не выкинули.

Нат, Деми и клетка прибыли одновременно, и крабы были водворены в свое новое жилище, к великому удовольствию мальчиков. Зрители были так захвачены происходящим, что встреча с вернувшимся беглецом прошла без какой-либо неловкости, которой можно было ожидать в других обстоятельствах. Своим восхищенным

слушателям Дэн изложил свои приключения более полно, чем прежде Баэрам. Затем он показал свою "добычу" и описал каждый предмет так хорошо, что миссис Джо, которая удалилась в соседнюю комнату, чтобы не мешать им, слушала мальчишескую беседу с удивлением и интересом.

"Как много мальчик знает о природе! Как увлечен он всем тем, что нашел и увидел в лесу и полях! И как это облегчит его жизнь именно сейчас, ведь он так мало интересуется книгами, что было бы трудно найти способ развлечь его, пока он прикован к постели, но мальчишки смогут в изобилии снабжать его жуками и камнями. Я рада, что знаю теперь все о его интересах, и это хорошие интересы, и, возможно, именно они помогут сделать его человеком. Если Дэн окажется великим натуралистом, а Нат — великим музыкантом, у меня будет причина гордиться моими трудами, начавшимися в этом году", — и миссис Джо сидела, улыбаясь, над своей книгой, и строила воздушные замки, так же как она делала это, когда была девочкой, но только тогда все они предназначались для нее самой, а теперь для других, и, возможно, именно по этой причине, некоторые из этих ее мечтаний осуществились, так как благотворительность — отличный фундамент для постройки чего бы то ни было.

Ната больше заинтересовали приключения Дэна, но Деми с наслаждением внимал рассказам о полной превращений жизни жуков и бабочек, словно это были новые чудесные сказки, так как, даже несмотря на довольно примитивный язык, Дэн рассказывал увлекательно, и мысль о том, что по крайней мере один маленький философ может поучиться у него, приносила ему большое удовлетворение. Они так заинтересовались повествованием о поимке мускусной крысы, чья шкурка была среди сокровищ Дэна, что мистер Баэр был вынужден сам прийти и сказать Нату и Деми, что пора на прогулку. Дэн так печально смотрел им вслед, когда они убегали, что папа Баэр предложил перенести его на диван в гостиную для перемены воздуха и обстановки.

Когда мальчика устроили на диване, а в доме стало тихо, миссис Джо, которая сидела рядом, показывая Тедди картинки в книжке, спросила с интересом, кивнув на сокровища, которые Дэн все еще держал в руках:

— Откуда ты так много узнал обо всем этом?

— Мне всегда нравились такие вещи, но я мало знал о них, пока мне мистер Хайд не рассказал. Это тот человек, который жил в лесах и изучал животных и насекомых, и мхи, и птиц. Я не знаю, как называют таких людей, но он писал книги о лягушках и рыбах, и обо всем остальном, что видел вокруг. Он останавливался у Пейджа и обычно приглашал меня ходить с ним по лесу и помогать ему. Было ужасно интересно, потому что он столько всего рассказывал и был такой необыкновенно веселый и умный. Я надеюсь еще увидеть его когда-нибудь.

— Я тоже надеюсь, что ты еще встретишься с ним, — сказала миссис Джо, так как лицо Дэна прояснилось, и тема разговора была так близка ему, что он забыл свою обычную молчаливость.

— Да он мог заставить птиц подлетать к нему, и кролики и белки подходили и не боялись его, словно он был кустом или деревом! А вы когда-нибудь щекотали ящерицу соломинкой? — спросил Дэн с жаром.

— Нет, но хотела бы попробовать.

— А я щекотал, и было так забавно смотреть, как она переворачивается и вытягивается; ей это очень понравилось. Мистер Хайд часто это делал, а еще он заставлял змей слушать его свист и точно знал, когда те или другие цветы зацветут, и пчелы его не жалили, и он рассказывал чудеснейшие истории о рыбах и мухах, и об индейцах, и о скалах.

— Я думаю, тебе так понравилось ходить по лесам с мистером Хайдом, что ты, наверное, не особенно усердно исполнял работу, которую поручал тебе мистер Пейдж, — сказала миссис Джо лукаво.

— Да, это правда. Я терпеть не мог полоть и мотыжить. Гораздо приятнее было бродить с мистером Хайдом. Пейдж считал, что все это глупости, и называл мистера Хайда сумасшедшим, потому что тот мог разлеживаться, наблюдая за форелью или за дроздом.

— Тебе лучше было сказать "лежать часами", это правильнее грамматически, — заметила миссис Джо очень мягко, а затем добавила, — Да, Пейдж — фермер до мозга костей и не понимает, что работа натуралиста так же интересна, а, возможно, так же важна, как его собственная. Что ж, Дэн, мне приятно видеть, что тебя так глубоко интересуется природа; в Пламфильде у тебя будет время бродить по лесам и читать полезные книги по природоведению, но я хочу, чтобы у тебя были и другие занятия и чтобы ты не пренебрегал ими, иначе

потом ты пожалеешь о потерянном времени и окажется, что тебе придется начинать заново.

— Да, мэм, — сказал Дэн кротко. Он, казалось, был немного испуган серьезным тоном ее последнего замечания, так как терпеть не мог учебники, но, очевидно, решил усердно заниматься любыми предметами, которые она предложит.

— Видишь этот шкафчик с двенадцатью ящичками? — был следующий очень неожиданный вопрос.

Дэн увидел два высоких старинных комода, стоящих по обе стороны пианино; они были хорошо знакомы ему, он часто видел, как миссис Джо доставала из ящичков разные веревочки, гвозди, оберточную бумагу и прочие полезные вещи. Он кивнул и улыбнулся.

Миссис Джо продолжила:

— Ты не думаешь, что в этих ящичках было бы удобно хранить твои камешки, птичьи яйца, ракушки и лишайники?

— О, это было бы здорово, да только вы, наверное, не захотите, чтобы я "замусоривал", как говорил мистер Пейдж, ваш комод моими вещами, да? — воскликнул Дэн, приподнимаясь на диване, чтобы сияющими глазами обозреть этот старинный предмет мебели.

— Я люблю мусор такого рода, но если бы даже не любила, охотно отвела бы для него несколько ящичков, так как считаю, что даже к маленьким детским сокровищам надо относиться с уважением. Ну, так вот, я хочу заключить с тобой соглашение, Дэн, и надеюсь, ты будешь исполнять его добросовестно. Здесь двенадцать вместительных ящичков, по одному на каждый месяц года, и они будут твоими, как только ты заработаешь их выполнением твоих маленьких обязанностей. Я верю в награды определенного рода, особенно для молодежи; они помогают нам идти к цели, и хотя может оказаться, что на первых порах мы стараемся только ради наград, очень скоро, если правильно эти награды использовать, мы можем научиться любить добродетель ради нее самой.

— И в вашей жизни они есть, эти награды? — спросил Дэн так, словно никто еще никогда не говорил с ним так.

— Конечно! Я не научилась еще обходиться без них. Мои награды не похожи на ваши, это не ящики, не подарки, не каникулы. Хорошее поведение и успехи моих мальчиков — вот награда, к которой я стремлюсь, и я упорно работаю, чтобы получить ее, и хочу, чтобы ты

работал так же ради получения этих ящичков. Делай, что тебе не нравится, и делай это хорошо, и ты получишь две награды: одна — приз, который ты видишь и можешь держать в руках, другая — удовлетворение, которое приносит радостное исполнение долга. Ты это понимаешь?

— Да, мэм.

— Мы все нуждаемся в небольшом поощрении, так что если ты постарайся добросовестно делать свои уроки и работу, дружить и по-доброму играть со всеми мальчиками, с пользой проводить свободное время и если ты принесешь мне хороший отчет о своих успехах, или я увижу и узнаю о них без слов, так как я быстро замечаю усилия моих мальчиков стать лучше, ты получишь отделение в комод для твоих сокровищ. Вот смотри, некоторые уже разделены на четыре части, и я разделю так же и другие, по отделению на неделю, и когда очередной ящик заполнится любопытными и красивыми вещами, я буду так же гордиться этим, как ты, и даже больше, чем ты, так как за этими камешками, мхами и яркими бабочками я увижу претворенные в жизнь добрые намерения, преодоленные недостатки и честно исполненные обещания. Мы поступим так, Дэн?

Мальчик ответил ей одним из тех взглядов, которые говорят многое; стало ясно, что он почувствовал и понял ее желание помочь ему, хотя не знал, как выразить свою благодарность за заботу и доброту. Она поняла этот взгляд, а румянец, заливший все его лицо, сказал ей, что Дэн глубоко тронут, к чему она и стремилась, но она не сказала больше ничего об этой стороне нового плана, а просто выдвинула верхний ящик, протерла его от пыли и поставила на двух стульях перед диваном, сказав оживленно:

— Ну, давай начнем сразу с того, что положим этих великолепных жуков в безопасное место. Эти отделения могут, как видишь, вместить немало. На твоём месте, я приколола бы бабочек и жуков булавами по краям, там они будут в безопасности, а на дне останется место для тяжелых вещей. Я дам тебе ваты, чистой бумаги и булавок, и ты можешь приготовиться к недельной работе.

— Но я даже не могу выйти из дома, чтобы найти новых жуков или бабочек, — сказал Дэн, глядя жалостно на свою ногу.

— Это правда, но не беда, твоих сокровищ хватит на эту неделю, а потом, смею думать, мальчики принесут тебе кучу всего, если ты их

попросишь.

— Они не знают, что искать, и потом, если я буду здесь разлеживать... то есть, лежать часами, я не смогу работать и учиться, и зарабатывать мои ящики.

— Есть много уроков, которые ты можешь учить лежа здесь, и разная несложная работа, которую ты можешь сделать для меня.

— Неужели? — Дэн был и удивлен, и обрадован.

— Ты можешь учиться быть терпеливым и радостным, несмотря на боль и неподвижность. Ты можешь развлечь Тедди, когда я занята, сматывать для меня нитки в клубки, читать мне, когда я шью, и делать многое другое, что не повредит твоей ноге, но поможет скоротать дни болезни и не потерять драгоценное время.

В этот момент в гостиную вбежал Деми с огромной бабочкой в одной руке и очень страшной маленькой жабой в другой.

— Смотри, Дэн, я нашел их и сразу принес тебе. Красивые, правда? — пыхтел раскрасневшийся Деми.

Дэн посмеялся над забавной крошечной жабой и сказал, что ее лучше отпустить, так как ему некуда посадить ее, но что бабочка, в самом деле, очень красива и если миссис Джо даст ему большую булавку, он приколет ее прямо в ящик.

— Я не хочу смотреть, как бедняжка будет корчиться на булавке; если ее надо умертвить, давайте сделаем это без боли и мгновенно — одной каплей камфары, — сказала миссис Джо, доставая бутылочку.

— Я знаю, как это делается. Мистер Хайд всегда убивал их таким способом, но у меня не было камфары, так что я пользовался булавкой, — и Дэн осторожно капнул на головку насекомого. Бледно-зеленые крылышки затрепетали на мгновение и затем замерли.

Эта изящная маленькая казнь едва кончилась, когда Тедди закричал из спальни:

— Ой-ой-ой, маленькие клабики вылезли и большой их всех сиел!

Деми и тетя Джо бросились на помощь, и увидели Тедди, пританцовывающего на стуле в большом волнении, в то время как на полу два маленьких краба, которые выбрались из клетки, протиснувшись между прутьями решетки, удирали куда глаза глядят. Третий висел на крыше клетки и явно дрожал за свою жизнь, так как внизу можно было видеть печальную, но забавную картину. Большой краб вжался в маленькое углубление, где прежде стояла чашечка

попугая, и сидел там, пожирая одного из своих маленьких родственников самым хладнокровным образом. Все клешни бедной жертвы еще были видны, она была перевернута кверху брюшком, и большой краб держал ее верхнюю скорлупу в одной клешне возле своего рта как тарелку и лениво ел из нее другой клешней, приостанавливаясь изредка, чтобы повести своими странными выпуклыми глазами из стороны в сторону и, высунув тонкий язык, облизать их. Дети завизжали от смеха. Миссис Джо отнесла клетку Дэну, чтобы он посмотрел на обедающего злодея, а тем временем Деми поймал и запер беглецов под перевернутым умывальным тазом.

— Придется мне отпустить этих ребят, я не могу держать их в доме, — сказал Дэн с видимым сожалением.

— Я позабочусь о них, если только ты скажешь мне, что и как нужно делать. Они вполне могут пожить пока в амбаре, в моем ящике для черепашек, — сказал Деми, который нашел бойких крабов более интересными существами, чем его любимые медлительные черепахи.

Дэн сообщил ему все необходимое о потребностях и привычках крабов, и Деми унес их, чтобы познакомить с новым жилищем и соседями.

— Какой он хороший мальчик! — сказал Дэн, осторожно устраивая в ящике новую бабочку и вспоминая, что Деми отказался от прогулки, чтобы принести ее ему.

— Он не может не быть хорошим, так как многое было сделано для его воспитания.

— У него есть родные, чтобы поговорить с ним и помочь ему, а у меня никого нет, — сказал Дэн с глубоким вздохом, думая о своем бесприютном детстве, что он редко делал, и, чувствуя, что ему не повезло в жизни.

— Я знаю это, дорогой, и поэтому не ожидаю и не требую от тебя столь же многого, сколько ожидаю и требую от Деми, хотя он моложе. Но теперь мы сделаем все, чтобы помочь тебе, и еще я надеюсь научить тебя, как лучше всего помочь себе самому. Ты забыл, что сказал тебе однажды папа Баэр о желании быть хорошим и возможности попросить Бога помочь тебе?

— Не забыл, мэм, — ответил он очень тихо.

— И ты просишь Его о помощи?

— Нет, мэм, — еще тише.

— Но ты ведь будешь делать это каждый вечер, чтобы доставить мне радость?

— Постараюсь, мэ, — ответил он очень серьезно.

— Я положусь на твое обещание и думаю, что буду знать, держишь ли ты его, так как люди, которые верят, чувствуют такие вещи, пусть даже ни слова и не произнесено вслух. А теперь вот тебе отличная история о мальчике, который повредил ногу еще сильнее, чем ты, почитай ее, и узнаешь, как мужественно он переносил свои несчастья.

Она дала ему в руки прелестную маленькую книгу "Мальчики Крофтон"^[22] и оставила его на час, заходя время от времени, чтобы он не чувствовал себя одиноким. Дэн не любил читать, но скоро так увлекся, что даже удивился, когда мальчики вернулись домой. Дейзи принесла ему букетик полевых цветов, а Нат настоял на том, чтобы помочь принести ему ужин, пока он лежал на диване напротив открытой двери в столовую, так, что мог видеть мальчиков за столом и они могли приветливо покивать ему из-за своих кружек с молоком и хлебом.

Мистер Баэр рано перенес его в постель, и Тедди прибежал в ночной рубашке, чтобы сказать доброй ночи, так как укладывался в свое маленькое гнездышко в тот же час, что и птицы.

— Я хочу сказать мою молитву при Дэнни, можно? — спросил он, и когда мать ответила: "Да", малыш встал на колени у кровати Дэна и, сложив пухлые ручки, сказал нежным голоском:

— Пожалуйста, Господи, благослови всех и помоги мне всегда быть холошим.

Затем он удалился, улыбаясь с сонным очарованием из-за материнского плеча.

Но когда вечерняя беседа была позади, вечерняя песня спета, и дом затих в чудесном воскресном молчании, Дэн еще долго лежал в своей уютной комнате, совсем без сна, с новыми мыслями, новыми надеждами и мечтами в его мальчишеском уме и сердце, так как в жизнь его вошли два добрых ангела: любовь и благодарность начали тот труд, который предстояло завершить времени и упорству, и, горя желанием сдержать свое первое обещание, Дэн сложил руки в темноте и с чувством прошептал маленькую молитву Тедди:

— Пожалуйста, Господи, благослови всех и помоги мне всегда быть хорошим!

Глава 10

Дядя Тедди

Целую неделю Дэн перемещался лишь с кровати на диван и обратно — долгая и томительная неделя для него, так как сломанная нога причиняла порой сильную боль, а постельный режим казался мучительным испытанием энергичному мальчику, жаждавшему побыть на открытом воздухе и насладиться летней погодой, так что ему было особенно трудно оставаться терпеливым. Но Дэн старался, и каждый помогал ему по-своему; так что время шло довольно быстро, и в субботу утром он был вознагражден, когда услышал, как доктор сказал:

— Нога заживает быстрее, чем я ожидал. Можете дать мальчику костыль, и пусть немного побродит по дому.

— Ура! — закричал Нат и убежал сообщить другим мальчикам радостную новость.

Все были очень рады, и после обеда весь дом собрался посмотреть, как Дэн проковыляет на костылях несколько раз туда и обратно по коридору, прежде чем устроиться на крыльце, чтобы провести нечто вроде торжественного приема. Он был очень доволен всеобщим интересом и доброжелательностью и оживлялся все больше с каждой минутой, так как мальчики приходили засвидетельствовать свое почтение, девочки суетились вокруг него с табуретами и подушками, а Тедди наблюдал за ним так, словно "Дэнни" был хрупким существом и совершенно ничего не мог сделать для себя сам. Они все еще сидели и стояли на ступенях, когда у ворот остановился экипаж, из него им замахали шляпой, и с криком "Дядя Тедди! Дядя Тедди!" Роб бросился по аллее к воротам так быстро, как только могли нести его маленькие ноги. Все мальчики, кроме Дэна, побежали за ним, соревнуясь, кто окажется первым, чтобы открыть ворота, и через мгновение экипаж подъехал, весь обвешанный мальчиками, а дядя Тедди сидел, смеясь, в центре со своей маленькой дочкой на коленях.

— Остановите триумфальную колесницу и дайте Юпитеру^[23] спуститься, — сказал он и, спрыгнув, вбежал по ступенькам, чтобы

приветствовать миссис Баэр, которая стояла, смеясь и хлопая в ладоши, как девочка.

— Как дела, Тедди?

— Все в порядке, Джо.

Затем они обменялись рукопожатием, и мистер Лори передал Бесс в руки тете, сказав, когда девочка крепко обняла ее:

— Златовласка так сильно захотела повидать тебя, что я убежал из дома вместе с ней, так как и сам исчах от желания повидать тебя. Мы хотим часок поиграть с твоими мальчиками и посмотреть, как поживает наша старушка, которая живет в башмаке и у которой столько ребятишек, что она не знает, как с ними справиться.

— Я так рада, что вы приехали! Играйте сколько хотите, только старайтесь не напроказить, — отвечала миссис Джо, когда мальчики столпились вокруг красивой малышки, любуясь ее длинными золотистыми волосами, изящным платьицем и важными манерами, так как маленькая "Принцесса", как они называли ее, не позволяла никому целовать себя, но сидела, улыбаясь им и милостиво глядя их по головке, маленькими беленькими ручками. Они все обожали ее, особенно Роб, считавший свою маленькую кузину чем-то вроде прекрасной куклы и не смевший дотронуться до нее из опасения, как бы она не сломалась. Он любовался ею с почтительного расстояния и радовался любым знакам расположения со стороны ее маленького высочества. Она немедленно потребовала, чтобы ей показали кухню Дейзи, и была унесена наверх миссис Джо, за которой следовала вереница маленьких мальчиков. Остальные — все кроме Ната и Деми — убежали, чтобы привести в порядок зверинец и огородики, так как мистер Лори всегда осматривал все это и выглядел разочарованным, если не находил, что все в Пламфильде процветает.

Стоя на ступенях, он обернулся к Дэну и сказал ему как старому знакомому, хотя до этого видел его всего раз или два:

— Как нога?

— Лучше, сэр.

— Устал, наверное, в доме, да?

— Еще как! — и взгляд Дэна устремился на зеленые холмы и леса, где ему так хотелось быть.

— А что если нам немного прокатиться, прежде чем остальные вернуться? В этом большом, удобном экипаже будет вполне безопасно и

уютно, и глоток свежего воздуха принесет тебе пользу. Принеси подушку и шаль, Деми, и давай перенесем Дэна.

Мальчики решили, что это отличная идея, и Дэн выглядел восхищенным, но спросил в неожиданном приступе добродетельности:

— А миссис Баэр не будет возражать?

— Не будет, мы договорились с ней обо всем минуту назад.

— Вы не сказали друг другу ни слова, ни о Дэне, ни о вашем экипаже, так что я не понимаю, как вы могли договориться, — сказал Деми вопросительно.

— У нас есть способ отправлять послания друг другу без всяких слов. Это большое усовершенствование телеграфа.

— Я знаю, это глаза! Я видел, как вы подняли брови и кивнули в сторону экипаж, а миссис Баэр засмеялась и кивнула в ответ, — воскликнул Нат, который держался к этому времени вполне непринужденно с добрым мистером Лори.

— Правильно. Ну, так в путь!

И через минуту Дэн обнаружил, что сидит в экипаже, его нога лежит на подушке на сиденье напротив и накрыта шалью, которая упала сверху самым таинственным образом в тот самый момент, когда понадобилась. Деми вскарабкался на козлы и сел рядом с Питером, кучером-негром. Нат расположился на почетном месте рядом с Дэном, а дядя Тедди пожелал сидеть напротив, чтобы приглядывать за больной ногой, как он объяснил, но на самом деле для того, чтобы иметь возможность изучать лица мальчиков. Оба они были такими счастливыми и такими разными: Дэн — коренастый, смуглый и сильный, Нат — высокий, светловолосый и довольно хрупкий, но с очень приятным мягким взглядом и высоким лбом.

— Между прочим, у меня где-то есть книга, которая тебе, возможно, понравится, — сказал самый старший мальчик в компании, ныряя под сиденье и извлекая оттуда книгу, заставившую Дэна воскликнуть:

— Ого, вот это книга, а? — когда, перевернув несколько страниц, он увидел прекрасные раскрашенные гравюры бабочек, птиц и всевозможных интересных насекомых, выглядевших как живые. Он так увлекся, что забыл поблагодарить, но мистер Лори не обиделся и был вполне удовлетворен тем, что видел горячий восторг мальчика и

слышал восклицания, которыми тот встречал на страницах книги изображения некоторых старых знакомцев. Нат прижался к его плечу, чтобы лучше разглядеть картинки, а Деми повернулся спиной к лошадям и свесил ноги внутрь экипажа, чтобы тоже присоединиться к разговору.

Когда они добрались до изображений жуков, мистер Лори достал из жилетного кармана любопытный маленький предмет и, протянув его мальчишкам на ладони, сказал:

— Вот жук, которому тысяча лет, — и пока мальчишки рассматривали странного окаменелого жука, выглядевшего очень старым и серым, он рассказал им, как этот жук вылез из обмоток мумии, после того как несколько веков пролежал в знаменитой египетской гробнице^[24]. Обнаружив, что они заинтересовались, он продолжил рассказывать о египтянах, о странных и великолепных руинах, оставленных ими на Ниле, и о том, как он плывал на корабле по этой великой реке, и красивые смуглые люди вели его лодку, и как он стрелял аллигаторов, видел чудесных зверей и птиц, а потом пересек пустыню на верблюде, который, как корабль в бурю, раскачивал и подкидывал своего пассажира.

— Дядя Тедди рассказывает истории почти так же хорошо, как дедушка, — сказал Деми, одобрительно, когда повествование было закончено, а глаза мальчишек просили продолжения.

— Спасибо, — сказал мистер Лори, вполне серьезно, так как ценил похвалу Деми, находя, что дети — хорошие критики в таких случаях, а угодить им — достижение, которым любой может гордиться.

— Вот еще один-два пустячка, которые я засунул в карман, когда перелистывал мои пожитки и искал, нет ли у меня чего-нибудь, что развлечет Дэна, — и дядя Тедди достал отличный наконечник стрелы и индейское ожерелья из ракушек.

— О! Расскажите про индейцев, — воскликнул Деми, любивший играть в вигвам^[25].

— Дэн о них ужасно много знает, — добавил Нат,

— Думаю, даже больше, чем я. Расскажи нам что-нибудь, Дэн. — Вид у мистера Лори был при этом такой же заинтересованный, как и у двух других мальчишек.

— Мистер Хайд мне много рассказывал, он жил среди них и умел говорить на их языке, и любил их, — начал Дэн, польщенный вниманием, но несколько смущенный тем, что один из его слушателей — взрослый.

— А для чего нужен вампум^[26]? — спросил любопытный Деми со своей жердочки.

Остальные задавали подобные вопросы, и, не заметив, как это произошло, Дэн обнаружил, что с воодушевлением излагает им все, рассказанное ему мистером Хайдом, когда они вдвоем плыли по реке несколько недель назад. Мистер Лори слушал внимательно, но находил мальчика более интересным, чем индейцев, так как миссис Джо рассказала ему в своих письмах о Дэне, и ему понравился буйный паренек, который убежал из дома — это не раз хотелось сделать и самому мистеру Лори в ранней юности — и которого теперь медленно укрощали боль и терпение.

— Я подумал, что это был бы хороший план для вас, ребята, — завести свой собственный музей, место, где можно собирать всякие любопытные и интересные вещи, которые вы найдете или сделаете, или которые вам подарят. Миссис Джо слишком добра и не жалуется, но, думаю, ей довольно тяжело, когда дом завален всевозможными непонятными вещами, полпинты жуков-навозников копошится в одной из ее лучших ваз, парадохлых летучих мышей прибиты гвоздями к задней двери, осиные гнезда валяются людям на головы и повсюду такое количество камней, что их хватило бы, чтобы замостить широкую улицу. Не много ведь есть женщин, которые выдержали бы такое, а?

Мистер Лори говорил с веселым огоньком в глазах, а мальчики смеялись и подталкивали друг друга локтем, так как было очевидно, что кто-то раскрыл ему школьные секреты, а иначе как бы он мог узнать о существовании всех этих неудобохранимых сокровищ?

— Куда же нам тогда их положить? — спросил Деми, скрестив ноги и склоняясь внутрь экипажа, чтобы обсудить этот вопрос.

— В старом каретном сарае.

— Но он протекает, и там нет ни окна, ни места, чтобы все разложить, и он весь в пыли и паутине, — начал Нат.

— Подождите, пока мы с Гиббсом немного подправим его, а тогда посмотрим, как он вам понравится. Гиббс приедет в понедельник, чтобы все подготовить, потом в следующую субботу приеду я, и мы

все устроим, и, по меньшей мере, положим начало славному маленькому музею. Каждый сможет принести туда свои вещи и получит для них место, а Дэн будет главным хранителем, так как он знает почти все о такого рода предметах, и это будет для него тихая, приятная работа, теперь когда он не может много бродить по лесам.

— Отлично! — воскликнул Нат, а по всему лицу Дэна разлилась улыбка; он не сказал ни слова, но прижал к себе книгу и посмотрел на мистера Лори так, словно считал его одним из величайших благодетелей общества, какие когда-либо благословили мир своим присутствием.

— Еще один круг, сэр? — спросил Питер, когда они подъехали к воротам, после того, как дважды медленно описали круг радиусом в полмили на территории имения.

— Нет, мы должны быть осмотрительны, а то нам не позволят кататься в следующий раз. Я должен обойти огородики, взглянуть на каретный сарай и немного поговорить с миссис Джо, прежде чем уеду, — и, посадив Дэна на его диван отдохнуть и насладиться книгой, дядя Тедди вышел порезвиться с мальчиками, которые искали его по всему парку. Оставив девочек кухарничать наверху, миссис Баэр села рядом с Дэном и слушала его пылкий отчет о поездке, пока ее выводок не вернулся с прогулки, все пыльные, разгоряченные и очень взволнованные новым музеем, который каждый из них находил самой блестящей идеей века.

— Я всегда хотел пожертвовать капитал на какое-нибудь общественное заведение и собираюсь начать с этого музея, — сказал мистер Лори, опускаясь на скамеечку у ног миссис Джо.

— На одно ты уже пожертвовал. Как ты называешь это заведение? — и миссис Джо указала на мальчиков, которые расположились на полу вокруг него со счастливыми лицами.

— Я называю его многообещающим Баэр-гарденом^[27] и горжусь тем, что имею к нему прямое отношение. Тебе известно, что я был первым мальчиком в школе миссис Джо? — спросил он, оборачиваясь к Дэну и умело меняя тему разговора, так как терпеть не мог, когда его благодарили за щедрость.

— Я думал, первым был Франц! — отвечал Дэн, не совсем понимая, что имеет в виду мистер Лоренс.

— О нет, дорогой! Я первый мальчик, о котором позаботилась миссис Джо, и я был таким плохим, что она еще не кончила воспитывать меня, хотя работает над моим исправлением долгие годы.

— Какая она, должно быть, старая! — заметил Нат невинно.

— Нет, просто она рано начала. Бедняжка! Ей было всего пятнадцать, когда она взяла меня на воспитание, и я устроил ей такую жизнь, что просто чудо, как это она еще не морщинистая, не седая и не совсем измученная, — и мистер Лори со смехом поднял на нее глаза.

— Перестань, Тедди, я не позволю тебе быть таким несправедливым к самому себе, — и миссис Джо погладила кудрявую черную голову у своих колен, как всегда любовно, так как, несмотря ни на что, Тедди по-прежнему был "ее мальчиком". — Если бы не ты, никогда не было бы Пламфильда. Именно мой успех в случае с вами, сэр, дал мне смелость попробовать осуществить мой заветный план. Так что мальчики могут поблагодарить тебя за это и назвать новое заведение "Музей Лоренса" в честь его основателя; правда, мальчики? — добавила она и выглядела при этом как оживленная, юная Джо давних дней.

— Назовем, назовем! — кричали мальчики, подбрасывая шляпы в воздух, так как хотя они сняли их, когда вошли в дом, в соответствии с установленным правилом, все слишком спешили, чтобы успеть повесить их в передней.

— Я голоден как волк, нельзя ли мне одно маленькое печенье? — спросил мистер Лори, когда крики утихли и он выразил свою благодарность великолепным поклоном.

— Деми, сбегай и попроси у Эйзи коробку с имбирным печеньем. Это непорядок — есть в неположенное время, но по такому радостному случаю, мы не будем возражать и все поедим печенья, — сказала миссис Джо и, когда коробка появилась, оделила каждого щедрой рукой, и, сидя кружком, все уплетали за обе щеки.

Вдруг мистер Лори воскликнул с набитым ртом:

— Ах ты, совсем забыл бабушкину посылку! — и, выбежав на минуту к экипажу, вернулся с интересным маленьким свертком, который, когда был вскрыт, явил их глазам великолепную коллекцию животных, птиц и прочих красивых штучек, вырезанных из песочного теста и запеченных до прелестного коричневатого цвета.

— Тут по одному для каждого и письмо, в котором сказано, какое печенье для кого. Их испекли бабушка и Ханна, и мне страшно подумать, что они сделали бы со мной, если бы я забыл передать эти гостинцы.

Затем среди общего смеха и веселья, печенье распределили. Рыбка для Дэна, скрипка для Ната, книжка для Деми, монетка для Томми, цветок для Дейзи, колесико для Нэн, которая во время прошлого визита дяди Тедди проехала с ним вокруг Пламфильда дважды без остановки, звезда для Эмиля, который задавался, так как изучал астрономию, а лучше всего был омнибус для Франца, который очень любил править запряженными в экипаж лошадьми. Стаффи получил толстого поросенка, а малыши — птичек, котят и кроликов с черносморозинными глазками.

— Теперь я должен ехать. Где моя Златовласка? Мама готова прилететь за ней, если я не вернусь рано, — сказал дядя Тедди, когда исчезла последняя крошка, а исчезла она довольно скоро, можете быть уверены.

Оказалось, что юные леди ушли в сад, и, ожидая, когда Франц найдет и приведет их, Джо и Лори остановились у двери, продолжая разговор:

— Как поживает наша маленькая Сумасбродка? — спросил он, так как проделки Нэн очень его забавляли, и он не уставал поддразнивать Джо, взявшую на себя заботу о проказнице.

— Чудесно! Она приобретает более благовоспитанные манеры и начинает понимать, как ужасно вела себя прежде.

— Разве мальчики не поощряют ее в ее сумасбродствах?

— Пожалуй, это так, но я продолжаю убеждать ее, и в последнее время она стала гораздо лучше. Ты видел, как мило она подала тебе руку и какой ласковой была с Бесс. Пример Дейзи действует на нее, и я вполне уверена, что еще несколько месяцев жизни в Пламфильде сотворят чудо.

Тут замечания миссис Джо были прерваны появлением Нэн, которая вылетела из-за угла на головокружительной скорости, правя удамой четверкой мальчиков, а за ними следовала Дэйзи, катившая в тачке маленькую Бесс. Без шляп, с развевающимися волосами, с пощелкивающим кнутиком и громыхающей тачкой, они подлетели

толпой в облаке пыли, как самая отчаянная компания маленьких сорвиголов.

— Так это твои образцовые дети, да? Как хорошо, что я не привез миссис Лоренс посмотреть на твои методы развития морали и изысканных манер. Она никогда не оправилась бы от шока, вызванного этим зрелищем, — сказал мистер Лори, смеясь над преждевременной радостью миссис Джо по поводу улучшения манер Нэн.

— Смейся, смейся, я еще добьюсь успеха! Как ты раньше говорил в колледже, цитируя какого-то профессора: "Хотя эксперимент провалился, принцип остается неизменным", — сказала миссис Баэр, присоединяясь к смеху.

— Боюсь, что пример Нэн отражается на Дейзи, а не наоборот. Посмотри на мою маленькую Принцессу! Она совсем забыла о своем достоинстве и визжит как остальные. Мои юные друзья, что это значит? — и мистер Лори спас свою маленькую дочку от неминуемой гибели, так как четыре лошади грызли удила и бешено выделывали вокруг нее курбеты, а она сидела в тачке, потрясая громадным кнутом, который держала в обеих руках.

— У нас была гонка, и я победила, — кричала Нэн.

— Я могла бы бежать быстрее, если бы не боялась вывалить Бесс из тачки, — визжала Дейзи.

— Ну, вперед, вперед! — закричала Принцесса, так взмахнув кнутом, что лошади рванули с места в карьер, и больше их не видели.

— Мое драгоценное дитя! Уйди поскорее от этих детей с дурными манерами, прежде чем тебя совсем испортят. До свидания, Джо! Я ожидаю, что когда приеду в следующий раз, обнаружу, что мальчишки чинно занимаются рукоделием. Это им совсем не повредило бы.

— Все равно, я не сдаюсь, так и знай, а мои эксперименты всегда проваливаются несколько раз, прежде чем завершиться успехом! Привет Эми и моей дорогой маме, — крикнула миссис Джо, когда экипаж отъехал, и последнее, что мистер Лори видел, высунувшись в окно экипажа, была она, утешающая проигравшую в гонках Дейзи, и вид у нее при этом был такой, словно ей это очень нравится.

Велико было волнение, царившее в Пламфильде всю следующую неделю по поводу ремонта каретного сарая. Работа шла быстро, несмотря на непрерывные вопросы, советы и попытки помочь со стороны мальчигов. Старый Гиббс почти выходил из себя от всего

этого, но тем не менее умудрялся делать свое дело, и к вечеру пятницы все было в порядке: крыша починена, стеллажи расставлены, стены побелены, через большое окно, пропиленное в задней стене, вливался солнечный свет, за окном открывался прекрасный вид на ручей, луга и отдаленные холмы, а над громадной дверью было выведено красной краской "Музей Лоренса".

Все субботнее утро мальчики планировали, как расположить в нем свои экспонаты, и, когда мистер Лоренс приехал и привез с собой аквариум, который давно надоел миссис Эми, их восторгу не было предела.

Всю вторую половину дня провели, устраивая сокровища на новом месте, и, когда беготня, перетаскивание мебели и стук молотка прекратились, дам пригласили обозреть музей.

Это действительно было приятное место, просторное, чистое и веселое. Побеги хмеля покачивали своими зелеными колокольчиками вокруг открытого окна. Посередине комнаты стоял красивый аквариум, в котором поднимались над водой несколько изящных водяных растений и, проплывая под ними туда и сюда, ярко вспыхивали в лучах солнца золотые рыбки. С каждой стороны окна располагались ряды полок, готовые принять редкости, которые еще предстояло найти. Высокий комод Дэна стоял перед большой дверью, которая была заперта, — предстояло пользоваться маленькой дверью. На комодe стоял странный индейский идол, очень некрасивый, но необыкновенно интересный, его прислал старый мистер Лоренс, так же как прекрасную модель китайской джонки под парусом, которая заняла видное место на длинном столе посреди комнаты. Над ней, прикрепленный к кольцу и выглядящий совсем как живой, висел попугай тети Марч, который после смерти в почтенном возрасте был заботливо переделан в чучело и предоставлен для музея миссис Джо. Стены были украшены всевозможными необычными предметами, такими как змеиная кожа, большое осиное гнездо, лодка из березовой коры, нанизанные на шнурок птичьи яйца, веночки из серого мха, привезенные с юга, и букет хлопковых коробочек. Нашлось место и мертвым летучим мышам, и большому панцирю черепахи, и страусиному яйцу, которое с гордостью поднес в дар музею Деми, пообещавший объяснять все, связанное с этими диковинками гостям, когда бы они о том ни попросили. Было так много камней, что

оказалось невозможным принять их все, так что только несколько из лучших были размещены среди ракушек на полках, остальные пришлось свалить в кучу по углам, чтобы Дэн мог изучить их на досуге.

Каждый горячо желал внести свой вклад; даже Сайлас послал домой за чучелом дикого кота, убитого им в юности. Кот был довольно сильно изъеден молью и потерт, но на высокой полочке и повернутый лучшим боком вперед, производил замечательное впечатление, так как желтые стеклянные глаза горели, а зубы были оскалены так натурально, что Тедди задрожал в своих маленьких туфельках, увидев его, когда принес свое самое дорогое сокровище — один кокон тутового шелкопряда, чтобы возложить и свой дар на этот алтарь науки.

— Красиво, правда? Я понятия не имел, что у нас столько интересных вещей. Я дал вот это, хорошо выглядит, правда? Мы могли бы кучу денег заработать, если бы брали деньги с людей за поглядение. — Джек добавил это последнее предложение к общей болтовне, которая не прекращалась, пока семья осматривала комнату.

— Это бесплатный музей, и если будут какие-то спекуляции на нем, я закрасшу свое имя на двери, — сказал мистер Лори, оборачиваясь так быстро, что Джек пожалел, что не придержал язык.

— Внимание! Внимание! — воскликнул мистер Баэр.

— Речь! Речь! — добавила миссис Джо.

— Не могу, я слишком застенчив. Ты дай им наставление сама, как в прежнее время, — отвечал мистер Лори, отступая к окну с намерением ускользнуть. Но она держала его крепко и сказала, смеясь и глядя на десяток пар грязных рук вокруг нее:

— Если я взялась бы поучать, то посвятила бы мое выступление химическим и очищающим свойствам мыла. Ну же, как основатель музея, ты просто обязан сказать нам что-нибудь нравоучительное, а мы будем оглушительно аплодировать.

Видя, что пути к отступлению нет, мистер Лори поднял взгляд на попугая, висящего над головой, и, казалось, нашел вдохновение в блестящем оперении старой птицы, так как, присев на стол, сказал, как всегда, любезно:

— Есть еще одно, что я хотел бы предложить вам, мальчики, а именно: я хочу, чтобы вы получали от этого музея не только

удовольствие, но и пользу. Недостаточно просто складывать здесь любопытные или красивые вещи, так что было бы неплохо, если бы вы вдобавок почитали о них в книгах, чтобы, когда кто-нибудь задаст вам вопросы об экспонатах вашего музея, вы могли бы ответить на них со знанием дела. Мне самому прежде нравились эти интересные вещицы, и я получил бы удовольствие, послушав о них теперь, так как забыл почти все, что когда-то знал. Да и знал-то я не очень много, правда, Джо? Вот здесь Дэн, он знает немало историй о птицах, жуках и прочем. Позвольте ему заботиться о музее, а раз в неделю остальные будут по очереди читать свои сочинения или рассказывать о каком-нибудь животном, минерале или овоще. Нам всем это понравится, и я думаю, это позволит нам приобрести множество полезных знаний. Что вы скажете, профессор?

— Мне очень нравится такая идея, и я помогу мальчикам всем, чем смогу. Но им потребуются книги, чтобы прочитать обо всех этих новых предметах, а книг, боюсь, у нас не так уж много, — начал мистер Баэр, с очень довольным видом, уже планируя предстоящие интересные уроки геологии, которую очень любил. — Нам следовало бы иметь библиотеку для этой цели.

— А эта книга оказалась полезной, Дэн? — спросил мистер Лори, указывая на том, лежавший открытым на комодe.

— О да! Там есть все, что я хотел знать о насекомых. Я принес ее сюда, чтобы посмотреть, как правильно засушивать бабочек. Я обернул книгу, так что она не пострадает, — и Дэн приподнял ее, боясь как бы одолживший ему это сокровище не подумал, что он плохо с ним обращается.

— Дай-ка ее сюда на минутку! — Вынув карандаш, мистер Лори написал на форзаце имя Дэна и сказал, поставив книгу на одну из угловых полок, где не стояло ничего, кроме чучела бесхвостой птицы:

— Вот, это начало музейной библиотеки. Я поищу еще книг для нее, а Деми будет держать их в порядке. Где все те веселые книжечки, которые мы бывало читали, Джо? "Архитектура насекомых" или что-то в этом роде, там было все о сражениях муравьев и о пчелиных матках, и о сверчках, прогрызающих дыры в нашей одежде и крадущих молоко, и прочих проделках этого рода.

— Все книжки дома на чердаке. Я пошлю за ними, и мы с жаром погрузимся в изучение естественной истории, — сказала миссис Джо,

готовая на все.

— Не будет ли слишком трудно писать о таких вещах? — спросил Нат, который терпеть не мог сочинения.

— Сначала, возможно, трудновато, но вам скоро понравится. А если вы думаете, что это трудно, подумайте, что вы стали бы делать, если бы вам предложили, как это было с одной тринадцатилетней девочкой, следующую тему сочинения: "Разговор между Фемистоклом, Аристидом и Периклом по вопросу о передаче денежных фондов конфедерации Делоса на украшение Афин"^[28]? — спросила миссис Джо.

Мальчики застонали при одном звуке странных имен и длинных слов, а джентльмены расхохотались над абсурдностью задания.

— И она это написала? — спросил Деми, преисполненный благоговейного страха.

— Да, но вы можете вообразить, что это оказалось за сочинение, хотя она была довольно сообразительной девочкой.

— Хотел бы я взглянуть на него, — пробормотал мистер Баэр.

— Возможно, я найду его для тебя; я ходила с ней в школу, — и у миссис Джо был такой озорной вид, что все догадались, кто была эта девочка.

Услышав об этой страшной теме для сочинения, мальчики вполне примирились с мыслью о необходимости писать о знакомых вещах. Было решено, что вечер среды отведут для "лекций", как они решили называть их, так как некоторые сказали, что предпочитают рассказывать устно, а не писать. Мистер Баэр обещал предоставить красивую папку для хранения письменных работ, а миссис Баэр сказала, что присоединится к слушателям курса с большим удовольствием.

Затем грязнорукое общество отправилось мыться, за ними следовал профессор, стараясь успокоить тревогу Роба, которому Томми сказал, что вся вода полна невидимых головастика.

— Мне очень понравился твой план, Тедди, только не проявляй чрезмерной щедрости, — сказала миссис Баэр, когда они остались вдвоем. — Ты же знаешь, большинство наших мальчиков будут вынуждены сами заботиться о себе, когда покинут нас, а слишком большая роскошь не поможет нам приготовить их к суровой жизни.

— Я буду соблюдать умеренность, но позволь мне развлечься самому. Я иногда отчаянно устаю от дел, и ничто не освежает меня лучше, чем веселая возня с твоими мальчиками. Мне очень понравился Дэн, Джо. Он сдержан, но у него глаза ястреба, и когда ты немного укротишь его нрав, он будет твоей гордостью.

— Рада, что ты так думаешь. Большое тебе спасибо за твою доброту к нему, особенно за этот музей. Он поможет ему чувствовать себя счастливым, пока он все еще хромает, даст мне шанс смягчить и успокоить этого бедного, грубого паренька и заставит его полюбить нас. Что навело тебя на эту прекрасную, полезную идею, Тедди? — спросила миссис Баэр, собираясь выйти из музея и окинув в последний раз взглядом привлекательную солнечную комнату.

Лори взял обе ее руки в свои и ответил со взглядом, заставившим ее глаза наполниться слезами счастья:

— Дорогая Джо! Я знаю, что значит быть мальчиком без мамы, и я никогда не забуду, как много ты и твоя семья сделали для меня за все эти годы.

Глава 11

Черника

В тот августовский день в Пламфильде было много грохота жестяных ведерок, много беготни туда и сюда и частые требования чего-нибудь поесть, так как мальчики отправлялись за черникой и так волновались по этому поводу, словно отправлялись открывать северо-западный морской путь^[29].

— Ну, теперь идите, только как можно тише, пока Роб наверху, чтобы он вас не увидел, — сказала миссис Баэр, завязывая ленты широкополой шляпы Дейзи и поправляя большой голубой передник, в который облачила Нэн.

Но план провалился, так как Роб услышал шум, принял решение присоединиться к остальным и самостоятельно подготовился к походу, даже не предполагая, что его может ждать какое-либо разочарование. Отряд как раз выступал в путь, когда маленький мужчина спустился сверху в своей лучшей шляпе, с ярким жестяным ведерком в руке и сияющим лицом.

— Ах! Ну, сейчас он устроит сцену, — вздохнула миссис Баэр, которой порой было очень тяжело справиться со своим старшим сыном.

— Я готов, — сказал Роб и занял место в рядах ягодников с такой уверенностью, что вывести его из заблуждения представлялось нелегким делом.

— Это слишком дальний путь для тебя, любовь моя, останься и позаботься обо мне, ведь я останусь совсем одна, — начала его мама.

— У тебя есть Тедди. Я большой мальчик, мне можно пойти; ты говорила, что я смогу ходить со всеми, когда подрасту, и вот я подрост, — упорствовал Роб, и облако набежало на его счастливое лицо.

— Мы пойдем в гору к большому пастбищу, это очень далеко, и мы не хотим, чтобы ты тащился за нами, — воскликнул Джек, который не питал особого расположения к маленьким мальчикам.

— Я не буду тащиться. Я побегу и не отстану. Ну мама! Разреши мне пойти! Я хочу заполнить мое новое ведерко, и все ягоды принесу

тебе. Пожалуйста, пожалуйста, я буду хорошим! — упрашивал Роб, глядя на мать, с таким огорчением и разочарованием, что ее сердце смягчилось.

— Но, мой дорогой, ты так устанешь от ходьбы и от жары, что тебе не будет весело. Подожди, в следующий раз я пойду со всеми, и тогда мы останемся на пастбище на весь день и наберем столько ягод, сколько ты захочешь.

— Ты никогда не ходишь, ты всегда занята, а я устал ждать. Я лучше пойду и сам наберу для тебя ягод. Я люблю собирать ягоды, и я ужасно хочу заполнить мое новое ведерко, — всхлипывал Роб.

Жалостный звон больших слез в новом ведерке, угрожающих заполнить его соленой водой вместо черники, тронул всех присутствующих дам. Мать погладила плачущего по плечу, Дейзи предложила остаться с ним дома, а Нэн сказала как всегда решительно:

— Разрешите ему пойти, я позабочусь о нем.

— Если бы Франц шел с вами, я не возражала бы, так как он очень внимателен и заботлив, но он сегодня косит сено с папой, а во всех остальных из вас я не уверена, — начала миссис Баэр.

— Это так далеко, — вставил Джек.

— Я понес бы его, если бы мог пойти со всеми, — сказал Дэн со вздохом.

— Спасибо, дорогой, но ты должен думать прежде всего о своей ноге. Жаль, что я не могу пойти с вами. Впрочем... Подождите минутку, я думаю, все можно устроить, — и, выбежав на крыльцо, миссис Баэр отчаянно замахала сорванным с себя передником.

Сайлас, который только что отъехал в телеге за сеном, вернулся и тут же согласился на просьбу миссис Джо отвезти всю компанию на пастбище, а потом приехать за ними в пять.

— Это немного задержит вашу работу, но ничего, мы заплатим вам черничными пирогами, — сказала миссис Джо, зная о слабости Сайласа.

Его грубое, загорелое лицо оживилось, и он сказал с радостным смехом:

— Отлично, миссис Баэр, раз уж вы хотите подкупить меня, я уступлю сразу.

— Ну, мальчики, я устроила так, что вы все можете поехать, — сказала миссис Баэр, вбегая снова в холл и испытывая безмерное

облегчение, так как всегда стремилась к тому, чтобы все были довольны, и всегда чувствовала себя несчастной, когда нарушала безмятежность своих маленьких сыновей, так как считала, что взрослым следует уважать маленькие надежды, планы и удовольствия детей, никогда грубо не отвергая их и не высмеивая.

— И я могу поехать? — спросил Дэн обрадованно.

— Я как раз думала о тебе. Будь осторожен, не старайся собирать ягоды, а лучше посиди где-нибудь и насладись всеми прелестями поля и леса — ты знаешь, как найти их вокруг тебя, — ответила миссис Баэр, всегда помнившая о его доброте к ее мальчикам.

— Я тоже иду! Я тоже! — пел Роб, приплясывая от радости и стуча крышкой по своему драгоценному ведру, словно это были литавры.

— Да, а Дейзи и Нэн должны следить за тобой. Будьте у ограды к пяти, Сайлас приедет за всеми вами.

Робби бросился к матери в порыве благодарности, обещая принести ей все ягоды и не съесть ни одной. Затем они все уселись в телегу и отбыли под грохот колес. Самым счастливым среди дюжины лиц было лицо Роба, сидевшего между его двумя временными маленькими мамами, улыбавшегося всему миру и махавшего своей лучшей шляпой, так как у его любящей мамы не хватило духу отобрать у него этот предмет, раз уж это было такое великое событие для него.

Какой это был счастливый день, несмотря на неудачи, какие обычно случаются в таких экспедициях! Конечно, Томми попал в беду, свалившись на осиное гнездо, и был ужален, но привыкший к неприятностям, мужественно выносил жжение, пока Дэн не предложил приложить сырой земли к месту укуса, что заметно облегчило боль. Дейзи увидела змею и, убежал от нее, растеряла половину своих ягод, но Деми помог ей вновь наполнить корзинку и обсуждал при этом, весьма учено, повадки рептилий. Нед упал с дерева и разорвал куртку вдоль всей спины, но не пострадал никаким иным образом. Эмиль и Джек предъявили встречные претензии на некий густо поросший черникой участок, и пока они спорили, Стаффи быстро и тихо собрал все ягоды и ускользнул под защиту Дэна, который чрезвычайно наслаждался прогулкой. Он уже мог обходиться без костыля и с радостью чувствовал, какой сильной стала нога, когда бродил по большому пастбищу, полному интересных камней и пней, с

хорошо знакомыми ему маленькими существами, скачущими в траве и танцующими в воздухе.

Но из всех приключений, имевших место в тот день, самым волнующим было выпавшее на долю Нэн и Роба, и оно долго оставалось одной из любимых историй в семье. Исследовав местность почти целиком, разорвав платье в трех местах и расцарапав лицо в кусте барбариса, Нэн наконец начала собирать ягоды, которые сияли как большие черные бусины на низких зеленых кустиках. Ее ловкие пальцы двигались быстро, но все же корзинка наполнялась не так стремительно, как ей хотелось, так что она бегала туда и сюда в поисках более ягодных мест, вместо того, чтобы собирать чернику удовлетворенно и размеренно, как это делала Дейзи. Роб следовал за Нэн, так как ее энергия больше отвечала его вкусам, чем терпение его кузины, и он тоже очень хотел набрать самых больших и спелых ягод для мамы.

— Я их все складываю и складываю, а ведро не заполняется, и я так устал, — сказал Роб, приостановившись, чтобы дать отдохнуть своим толстеньким коротким ножкам, и начиная думать, что собирание черники не совсем то, что рисовала ему фантазия, так как солнце припекало, Нэн прыгала туда и сюда, словно кузнечик, а ягоды выпадали из его ведерка почти так же быстро, как он складывал их туда, так как пробираясь через кусты, он часто его опрокидывал.

— Когда мы приходили сюда в прошлый раз, ягоды за той изгородью росли гораздо гуще, и такие громадные! А еще там есть пещера, где мальчики разводили огонь. Давай пойдем туда. Там быстро наберем полные корзинки, а потом спрячемся в пещере, и пусть остальные нас найдут, — предложила Нэн, любившая приключения.

Роб согласился, и они перелезли через изгородь, сбежали по склону холма и скрылись среди камней и подлеска. Ягоды росли густо, и наконец ведерки были по настоящему полны. У подножия холма было тенисто и прохладно, а маленький источник угостил томимых жаждой детей освежающим питьем из его мшистой чаши.

— Теперь мы пойдем в пещеру, отдохнем и съедим свой завтрак, — сказала Нэн, вполне удовлетворенная на этот момент своими успехами.

— Ты знаешь дорогу? — спросил Роб.

— Конечно знаю, я уже была там один раз, а я всегда запоминаю дорогу. Разве я не дошла до станции и не нашла мою коробку?

Это рассеяло опасения Роба, и он, не задумываясь, последовал за Нэн. Она вела его через пни и камни, и после долгих скитаний они оказались возле маленького углубления в скале, где черневшие камни свидетельствовали о том, что когда-то здесь разводили огонь.

— Правда, тут хорошо? — спросила Нэн, доставая кусок хлеба с маслом, изрядно пострадавший от соседства с гвоздями, рыболовными крючками, камешками и другими посторонними предметами в кармане юной леди.

— Да... А ты думаешь, они нас скоро найдут? — спросил Роб, который нашел тенистую долину довольно скучной и возжаждал большего общества.

— Нет, не думаю, так как если мы услышим их, тут же спрячемся. Вот будет весело, когда они будут нас искать!

— А вдруг они не придут?

— Подумаешь! Я могу сама добраться до дома.

— Это далеко? — спросил Роб, глядя на свои маленькие ботинки, мокрые и ободранные после долгих блужданий по бездорожью.

— Миль шесть, я думаю. — Представления о расстоянии у Нэн были довольно смутные, а вера в свои силы безгранична.

— Я думаю нам лучше пойти к остальным, — вскоре предложил Роб.

— Я не пойду, пока не переберу мои ягоды, — и Нэн начала то, что показалось Робу бесконечным занятием

— Ты обещала заботиться обо мне, — вздохнул он, когда солнце совершенно неожиданно скрылось за холмом

— Я и забочусь о тебе, как только могу. Не сердись малыш! Через минуту пойдем, — сказала Нэн, считавшая пятилетнего Робби сущим младенцем, в сравнении с собой.

И маленький Роб сидел, глядя с тревогой вокруг и терпеливо ожидая, так как вопреки некоторым дурным предчувствиям, испытывал большое доверие к Нэн.

— Я думаю, скоро уже будет вечер, — заметил он словно про себя, когда его укусил комар и лягушки в соседнем болоте начали пробовать голоса перед вечерним концертом.

— Ах, и правда! Пошли сию же минуту, а то они уедут без нас, — воскликнула Нэн, поднимая взгляд от своих ягод и неожиданно осознавая, что солнце село.

— Я слышал рожок примерно час назад; может быть они звали нас, — сказал Роб, устало ковыляя за своей проводницей, пока она взбиралась на крутой холм.

— В какой стороне это было? — спросила Нэн, резко останавливаясь,

— Там, — он указал грязным маленьким пальцем в совершенно неверном направлении.

— Пойдем им навстречу! — Нэн круто развернулась и направилась рысцой через кусты, чувствуя легкую тревогу, так как здесь было много протоптанных коровами тропинок и она не могла припомнить, по какой из них они пришли.

Все дальше шли они через пни и камни, останавливаясь иногда прислушаться, не поет ли рожок, но никакого рожка не было, так как, на самом деле, то, что слышал Роб, было всего лишь мычанием коровы на пути домой.

— Не помню, чтобы я видела прежде эту кучу камней, а ты? — спросила Нэн, когда они присели на изгородь отдохнуть и обозреть местность.

— Я ничего не помню, но я хочу домой, — и в голосе Роба была легкая дрожь, заставившая Нэн обнять его и, ласково помогая ему спуститься с изгороди, сказать самым уверенным тоном:

— Я собираюсь доставить тебя домой, как можно скорее, дорогой. Не плачь, когда мы выйдем на дорогу, я понесу тебя.

— Где дорога? — и Робби вытер глаза, чтобы поискать ее.

— За тем большим деревом. Разве ты не помнишь, это то, с которого свалился Нед?

— Да, это оно. Может быть, они ждут нас. Я хотел бы доехать домой на телеге, а ты нет? — и Робби слегка оживился, устало бредя дальше к концу большого пастбища.

— Нет, я предпочла бы пешком, — отвечала Нэн, чувствуя уверенность, что ей придется сделать это, и заранее готовясь к нелегкому испытанию.

Еще один долгий переход в быстро сгущающихся сумерках — и новое разочарование, так как, добравшись до дерева, они, к своему

ужасу, обнаружили, что это не то дерево, на которое влезал Нед, и что нигде не видно никакой дороги.

— Мы заблудились? — спросил Роб дрожащим голосом, в отчаянии сжимая ручку своего ведерка.

— Да нет, просто я не знаю, куда идти, и думаю нам лучше позвать их.

И они оба кричали, пока не охрипли, однако никто не отозвался, кроме хора лягушек.

— Там еще одно большое дерево, может быть, это то самое, — сказала Нэн, у которой упало сердце, хотя она по-прежнему говорила смело.

— Я не могу больше идти. Ботинки такие тяжелые, я их не потяну, — и, совершенно измученный, Робби присел на камень.

— Тогда нам придется заночевать здесь. Я не против, если только здесь нет змей.

— Я боюсь змей. Я не могу остаться здесь на всю ночь. Ой-ой! Мне не нравится, что я потерялся, — и Роб сморщил лицо, собираясь заплакать, когда неожиданно ему в голову пришла чудесная мысль, и он сказал тоном полной уверенности:

— Мама придет и найдет меня. Она всегда находит. Так что я не боюсь.

— Она не знает, где мы.

— Она не знала, что меня заперли в леднике, но все равно нашла меня. Я знаю, она придет! — отвечал Робби, так уверенно, что Нэн стало легче, и, присев рядом с ним, она сказала, со вздохом раскаяния:

— Мне жаль, что мы убежали.

— Это ты меня заставила, но я не очень жалею; мама все равно будет меня любить, — отвечал Роб, цепляясь за свой якорь спасения, когда все другие надежды исчезли.

— Я так хочу есть. Давай съедим наши ягоды, — предложила Нэн после паузы, во время которой Роб начал клевать носом.

— Я тоже голодный, но я не буду есть мои; я обещал маме, что сохраню все для нее.

— Тебе придется съесть их, если никто за нами не придет, — сказала Нэн, которой в этот момент владел дух противоречия. — Если мы останемся тут на много дней, мы съедим все ягоды на пастбище, а потом умрем от голода, — добавила она мрачно.

— Я буду есть сассафрас^[30]. Я знаю, это такое большое дерево, и Дэн рассказывал мне, как белки выкапывают его корни и едят их, и я тоже люблю копать, — возразил Роб, которого не пугала перспектива голода.

— Да, а еще можно ловить лягушек и варить их. Мой папа ел их однажды; он говорил, что они вкусные, — вставила Нэн, начиная находить привкус романтики даже в том, что заблудилась на пастбище.

— Как мы будем варить лягушек? У нас нет огня.

— Не знаю. В следующий раз я положу в карман спички, — сказала Нэн, отчасти подавленная тем, что возникло препятствие и провести эксперимент по приготовлению лягушек не удастся.

— А мы не могли бы развести огонь от светляков? — спросил Роб с надеждой, глядя на порхающие туда и сюда крылатые искорки.

— Давай попробуем. — И несколько минут были приятно проведены за поимкой светляков и попыткой поджечь ими зеленую веточку или две. — И зачем только их называют светляками, когда от них так мало света, — сказала Нэн, с презрением отбрасывая несчастное насекомое, хотя оно сияло изо всех своих сил и любезно походило по веточкам, чтобы доставить удовольствие невинным маленьким экспериментаторам.

— Мама скоро придет, — сказал Роб после новой паузы, во время которой они глядели на звезды над головой, вдыхали сладкий запах растоптанных их ногами папоротников и слушали серенаду сверчков.

— Не понимаю, зачем Бог вообще сделал ночь, день гораздо приятнее, — сказала Нэн задумчиво.

— Она для того, чтобы спать, — ответил Роб, зевая.

— Тогда спи, — сказала Нэн раздраженно.

— Я хочу в мою кроватку. Как бы я хотел увидеть Тедди! — воскликнул Роб, которому болезненно напомнило о доме нежный щебет птиц, задремывающих в своих маленьких гнездышках.

— Я не верю, что твоя мама когда-нибудь нас найдет, — сказала Нэн, начиная отчаиваться, так как терпеть не могла любое терпеливое ожидание. — Так темно, что она нас не увидит.

— В леднике тоже было совсем темно, а я был так испуган, что не звал ее, но она увидела меня, и она увидит меня теперь, хоть и темно, — уверенно отвечал Роб, вставая, чтобы взглядеться в темноту,

откуда должна была прийти помощь, которая еще никогда не подводила его.

— Я ее вижу, вижу! — закричал он и побежал так быстро, как только могли нести его усталые ноги к медленно приближающейся темной фигуре. Вдруг он остановился, затем повернул назад и возвратился в панике, спотыкаясь и визжа: — Нет, это медведь, большой черный медведь! — и он спрятал лицо в юбках Нэн.

На мгновение Нэн задрожала, даже ее храбрость испарилась при мысли о настоящем медведе, и она уже была готова повернуться и бежать, не разбирая дороги, когда услышала негромкое "М-му", от которого ее страх тут же превратился в веселье, и она сказала смеясь:

— Это корова, Робби, добрая черная корова, мы уже видели ее сегодня вечером.

Корова, казалось, чувствовала, что это не совсем обычное дело — встретить двух маленьких людей на пастбище после наступления темноты, и любезное животное приостановилось, чтобы обдумать происходящее. Она позволила им погладить себя и стояла, глядя на них своими кроткими глазами, так нежно, что Нэн, которая не боялась никакого животного, кроме медведя, загорелась желанием подоить ее.

— Сайлас учил меня доить, и ягоды с молоком — это так вкусно, — сказала она, высыпая содержимое своего ведерка в собственную шляпу и храбро начиная новую работу, пока Роб стоял рядом, повторяя по ее команде всем известный стишок:

— Коровка, коровка,
Крутые бочка,
Коровка, коровка,
Дай мне молочка!
А я тебе — пойло
И теплое стойло,
Звонкий бубенчик,
Сахарный леденчик,
Попонку из шелка,
И спрячу от волка.

Но бессмертное произведение не произвело требуемого действия, так как доброжелательную корову уже подоили, и она могла дать голодным детям не больше пары глотков.

— Убирайся! Старая жадина! — крикнула Нэн неблагодарно, когда в отчаянии оставила свои попытки, и бедная корова зашагала дальше с мягким мычанием, полным удивления и упрека.

— Сделаем по глоточку, а потом надо походить. Мы заснем, если не будем двигаться, а когда люди потеряются, они не должны спать. Помнишь, как девочка в той красивой истории, которую мы читали, уснула под снегом и умерла?

— Но сейчас нет никакого снега, и так хорошо и тепло, — сказал Роб, который не был одарен такой же живой фантазией, как Нэн.

— Все равно, мы лучше побродим вокруг и покричим еще немного, а уж если и тогда никто не придет, мы спрячемся под кустами, как мальчик-с-пальчик и его братья.

Прогулка, однако, оказалась очень короткой, так как сонный Роб спотыкался и падал так часто, что Нэн совершенно потеряла терпение, почти обезумев от ответственности, которую взяла на себя.

— Если ты снова свалишься, я тебя встряхну, — сказала она, поднимая маленького мужчину очень ласково, так как Нэн больше бранилась, чем на самом деле сердилась.

— Пожалуйста, не надо. Это мои ботинки все время поскользываются, — и Роб мужественно подавил всхлипывание, которое было готово вырваться, и добавил жалобным, но терпеливым тоном, тронувшим сердце Нэн: — Если бы мошки меня так не кусали, я мог бы уснуть, пока мама не придет.

— Положи голову мне на колени, а я накрою тебя моим передником. Я не боюсь ночи, — сказала Нэн, садясь и стараясь убедить себя, что ее не пугают тени и таинственный шелест вокруг нее.

— Разбуди меня, когда мама придет, — сказал Роб, и через пять минут уже крепко спал, положив голову на колени Нэн под ее передник.

Девочка сидела минут пятнадцать, глядя прямо перед собой полными тревоги глазами и чувствуя себя так, словно каждая секунда тянулась целый час. Затем бледное свечение появилось над вершиной холма, и она сказала себе:

— Ночь кончается, наступает утро. Интересно увидеть рассвет. Я буду наблюдать, как солнце восходит, а когда будет светло, мы сумеем найти дорогу домой.

Но еще прежде чем круглое лицо луны выглянуло из-за холма, чтобы разрушить ее надежды, Нэн, откинувшись назад в маленькой беседке из высоких папоротников, погрузилась в глубокий сон, в котором были светляки и голубые передники, горы черники и Робби, вытирающий слезы черной корове, которая всхлипывала: "Я хочу домой! Я хочу домой!"

Пока дети спали, мирно укачиваемые сонным жужжанием множества комаров, семья дома была в огромном волнении. Телега прибыла в пять, и все кроме Джека, Эмиля, Нэн и Роба стояли у ограды, ожидая ее. Правил Франц вместо Сайласа, и когда мальчики сказали ему, что другие ушли домой через лес, он сказал с недовольным видом:

— Им следовало оставить Роба здесь; он устанет от долгой прогулки пешком.

— Они пошли коротким путем и понесут его, если он устанет, — сказал Стаффи, который хотел поскорее добраться домой и поужинать.

— Вы уверены, что Нэн и Роб пошли с ними?

— Конечно, я видел, как они перелезали через изгородь, и крикнул, что уже почти пять, а Джек крикнул в ответ, что они идут другим путем, — объяснил Томми.

— Ну, хорошо, тогда садитесь, — и телега с усталыми детьми и полными ведрами загромычала вниз с холма.

Лицо миссис Джо стало озабоченным, когда она услышала о том, что компания разделилась, и послала Франца с Тоби встретить и привезти младших домой. Ужин кончился, и семья собралась, как обычно, в прохладном холле, когда Франц вбежал, разгоряченный, запыленный и растерянный.

— Они вернулись? — выкрикнул он, еще только подбегая к дому.

— Нет! — и миссис Джо сорвалась со своего стула с таким испуганным видом, что все вскочили и столпились вокруг Франца.

— Я нигде не смог их найти, — начал он, но слова едва прозвучали, когда громкое "А вот и мы!" заставило всех вздрогнуть, и в следующую минуту из-за угла дома появились Джек и Эмиль.

— Где Нэн и Роб? — закричала миссис Джо, стиснув Эмиля так, что тот испугался, не потеряла ли вдруг его тетушка рассудок.

— Не знаю. Разве они не вернулись домой с остальными? — отвечал, он торопливо.

— Нет! Джордж и Томми сказали, что они пошли с вами.

— Нет, не пошли. Я их не видел. Мы искупались в пруду и вернулись через лес, — сказал Джек, выходя встревоженным, что неудивительно.

— Позовите мистера Баэра, возьмите фонари и скажите Сайласу, что он мне нужен.

Вот все, что сказала миссис Джо, но они знали, что она имеет в виду, и бросились исполнять ее приказания. Через десять минут мистер Баэр и Сайлас отправились в лес, а Франц мчался по дороге на старом Энди обыскивать большое пастбище. Миссис Джо схватила кое-какую еду со стола, маленькую бутылочку вина из аптечки, взяла фонарь и, приказав Джеку и Эмилю идти с ней, а остальным не трогаться с места, уехала на Тоби, не задержавшись, чтобы взять шляпу или шаль. Она слышала какой-то бег позади, но не сказала ни слова, пока, остановившись, чтобы окликнуть и прислушаться, не увидела неожиданно в свете своего фонаря лицо Дэна.

— Ты здесь! Я велела Джеку идти со мной! — сказала она, склоняясь к тому, чтобы отослать его обратно, хоть и очень нуждалась в помощи.

— Я не позволил ему пойти. Они с Эмилем не ужинали, и к тому же я хотел пойти больше, чем они, — сказал он, взяв у нее фонарь и улыбаясь ей с решительным выражением лица, заставившим ее почувствовать, что хоть он и всего лишь мальчик, ей есть теперь на кого положиться.

Она соскочила и велела ему сесть на Тоби, несмотря на его просьбы позволить ему идти пешком, затем они двинулись дальше по пыльной пустынной дороге, то и дело останавливаясь, чтобы покричать и, затаив дыхание, прислушаться, не отзовутся ли детские голоса.

Когда они дошли до большого пастбища, другие фонари уже летали туда и сюда, как блуждающие огоньки, и было слышно, как окликают мистер Баэр: "Нэн! Роб! Роб! Нэн!", Сайлас свистел и кричал, Дэн носился туда и сюда на Тоби, который, казалось, понимал, в чем

дело и шел на самые каменистые и неровные места с необычным послушанием. Часто миссис Джо приказывала им всем замолчать, говоря с рыданием в голосе:

— Шум может напугать их, позвольте мне позвать самой, Робби узнает мой голос, — и тогда она громко повторяла любимое имя с разными ласковыми интонациями, пока его не начинало твердить каждое нежное эхо и разносить каждый услужливый ветерок; но ответа по-прежнему не было.

Небо затянулось облаками, и только порой виднелись проблески луны, изредка в темных тучах мелькали огненные молнии и слабый рокот, похожий на отдаленный гром, говорил, что надвигается летняя гроза.

— О мой Робби! Мой Робби! — стонала бедная миссис Джо, бродя туда и сюда как бледный призрак, в то время как Дэн с фонарем держался рядом с ней словно верный светляк. — Что я скажу отцу Нэн, если с ней что-нибудь случится? Почему я вообще отпустила моего дорогого мальчика так далеко? Фриц, ты слышишь что-нибудь? — И когда в ответ послышалось печальное "Нет", она заломила руки в таком отчаянии, что Дэн спрыгнул с Тоби, привязал узду к ограде и сказал решительно:

— Они могли пойти к источнику, я пойду и взгляну.

Он перебрался через изгородь и зашагал так быстро, что она едва могла поспевать за ним, но когда догнала его, он опустил фонарь поближе к земле и с радостью показал ей отпечатки маленьких ног на мягкой почве у ручья. Она упала на колени, чтобы рассмотреть следы, а затем, вскочив, сказала горячо:

— Да, это следы маленьких ботинок моего Робби! Идем, они, должно быть, пошли дальше.

Какими утомительными были поиски! Но теперь какой-то необъяснимый инстинкт, казалось, вел встревоженную мать, так как вскоре Дэн вскрикнул и схватил с земли маленький блестящий предмет, лежавший на тропинке. Это была крышка от нового жестяного ведерка, которую потеряли, когда в первый раз поняли, что заблудились. Миссис Джо взяла ее в руки и поцеловала, словно это было живое существо, а когда Дэн уже хотел радостно окликнуть всех участников поисков, чтобы и они бежали на это место, она остановила его и, поспешив дальше, сказала:

— Нет, позволь мне самой найти их; это я разрешила Робу уйти из дома, и я хочу вернуть его отцу сама.

Чуть поодаль они обнаружили шляпу Нэн и, несколько раз пройдя мимо, наконец наткнулись на крепко спящих детей. Дэн почувствовал, что никогда не забудет картину, на которую падал в ту ночь свет его фонаря. Он думал, что миссис Джо закричит от радости, но она только прошептала: "Тише!" и, осторожно приподняв передник Нэн, увидела маленькое покрасневшее личико под ним. Испачканные ягодами губы были полуоткрыты, влажные светлые волосы прилипли к горячему лбу, а обе пухлые ручки крепко держали маленькое ведерко, по-прежнему полное.

Вид детского урожая, бережно хранимого для нее, несмотря на все неприятности ночи, казалось, тронул миссис Джо до глубины души, так как она вдруг схватила в объятия своего мальчика и заплакала над ним, негромко, но с таким чувством, что он проснулся и сначала был смущен. Затем он вдруг все вспомнил и крепко обнял ее, крича с торжествующим смехом:

— Мама! Я знал, что ты придешь! Я так хотел, чтобы ты пришла!

С минуту они целовали и обнимали друг друга, забыв обо всем мире, ведь какими бы непослушными, измазанными и измученными ни были блуждающие в темноте сыновья, матери могут простить и забыть все, когда заключат их в их любящие объятия. Счастлив сын, чья вера в мать остается неизменной и который, через все свои скитания, пронесет сыновний дар, чтобы заплатить ей за ее верную и нежную любовь.

Дэн тем временем извлек из куста Нэн и с нежностью, которой никто кроме Тедди никогда не замечал в нем прежде, успокоил ее, испуганную внезапным пробуждением, и утер ее слезы, так как Нэн тоже начала плакать от радости: было так приятно увидеть доброе лицо и почувствовать, как тебя обнимает сильная рука после того, что показалось ей веками одиночества и страха.

— Не плачь, моя бедная маленькая девочка, не плачь! Вы теперь в безопасности, и никто не скажет вам ни одного строгого слова сегодня, — сказала миссис Джо, принимая Нэн в свои вместительные объятия и прижимая обоих детей, как могла бы собрать потерявшихся цыплят под свои материнские крылья какая-нибудь курица.

— Это моя вина, что мы заблудились, и мне ужасно жаль, что так вышло. Я старалась хорошо следить за ним, и я накрыла его и дала ему уснуть, и не трогала его ягоды, хотя ужасно хотела есть, и я никогда больше так не сделаю, никогда, никогда, — всхлипывала Нэн, совсем потерявшись в море раскаяния и благодарности.

— Теперь позови всех, и пойдём домой, — сказала миссис Джо.

Дэн влез на изгородь, и радостное слово "Нашлись!" зазвенело над пастбищем.

Как пританцовывали огоньки фонарей со всех сторон, собираясь вокруг них среди пахучих папоротников! Какие объятия и поцелуи, разговоры и слезы! Все это, должно быть, изумило светляков и явно обрадовало комаров, так как они неистово зудели, и маленькие мотыльки собирались большими компаниями на эту ярко освещенную вечеринку, и лягушки квакали так, словно считали, что все еще не выразили свое удовлетворение достаточно громко.

Затем они отправились домой странной процессией, так как Франц поехал вперед сообщить новости, Дэн и Тоби указывали путь, затем следовала Нэн в сильных объятиях Сайласа, который считал ее "сообразительнейшей девчушкой" и поддразнивал ее весь путь домой по поводу ее проказ. Мистер Баэр не позволил никому нести Роба и нес его сам, и малыш, освеженный сном, сидел у него на руках и весело болтал, чувствуя себя героем, а его мама шла рядом, продолжая поглаживать те части тела своего драгоценного маленького мальчика, которые подворачивались ей под руку, и не уставала слушать его счастливое "Я знал, что мама придет" и смотреть, как он наклоняется, чтобы поцеловать ее и положить ей в рот пухлую ягоду, "ведь он собрал их все для нее".

Луна вышла из-за туч в тот момент, когда они вступили на ведущую к дому аллею, и все мальчики выбежали с криками им навстречу, так что потерявшиеся были с торжеством внесены в столовую, где неромантичные крошки потребовали ужина вместо того, чтобы предпочесть всему поцелуи и ласки. Их обеспечили хлебом и молоком, а все домашние стояли вокруг, глаза на них. Нэн вскоре пришла в хорошее настроение и, теперь, когда все пережитые тревоги и опасности были позади, с удовольствием рассказывала о них. Роб, казалось, был поглощен едой, но неожиданно положил ложку и разразился горестным воплем.

— Драгоценный мой, почему же ты плачешь? — спросила мать, по-прежнему не отходившая от него.

— Я плачу, потому что я потерялся, — ревел Роб, стараясь выдавить слезинку, но безрезультатно.

— Но ты уже нашелся. Нэн говорит, что ты не плакал, когда вы были на пастбище, и я радовалась, что ты такой храбрый мальчик.

— Мне было некогда плакать — я был занят тем, что боялся. Но теперь я хочу поплакать, потому что мне не понравилось теряться, — объяснил Роб, борясь со сном, эмоциями и полным ртом хлеба и молока.

Мальчики так расхохотались, услышав об этом забавном способе наверстывать упущенное, что Роб приостановился посмотреть на них. Смех был таким заразительным, что, удивленно потаращившись на них с минуту, он сам разразился веселым "Ха! Ха! Ха!" и заколотил своей ложкой по столу, словно шутка очень ему понравилась.

— Уже десять часов. В постель, все до одного, — сказал мистер Баэр, взглянув на свои часы,

— И, слава Богу, ни одна постель не будет пуста в эту ночь! — добавила миссис Баэр, следя полными слез глазами за Робби на руках отца и за Нэн, сопровождаемой Дейзи и Деми, которые считали ее самой интересной из известных им героинь.

— Бедная тетя Джо так устала, что ее само следовало бы отнести наверх, — сказал заботливый Франц, обнимая ее за талию, когда она приостановилась у нижней ступеньки лестницы, совершенно измученная страхами и долгим походом.

— Давайте сделаем стул из рук и понесем ее, — предложил Томми.

— Нет, спасибо, мои мальчики, но кто-нибудь пусть подставит мне плечо, чтобы я могла опереться, — отвечала миссис Джо.

— Я! Я! — и полдюжины плеч толкали друг друга, каждый хотел быть выбран, так как было что-то в бледном материнском лице, что тронуло теплые сердца под простыми курточками.

Видя, что все они рассматривают возможность помочь ей как подлинную честь, миссис Джо оказала ее тому, кто больше всего заслуживал этого, и никто не протестовал, когда она положила руку на широкое плечо Дэна и сказала со взглядом, заставившим его покраснеть от гордости и удовольствия.

— Он нашел детей, так что я думаю, он должен помочь мне подняться наверх.

Дэн почувствовал, что щедро вознагражден за труды этого вечера, не только тем, что был выбран из всех, чтобы гордо пройти наверх с лампой в руках, но и тем, что, расставаясь с ним у своей двери, миссис Джо сказала сердечно: "Доброй ночи, мой мальчик! Благослови тебя Господь!"

— Я хотел бы быть вашим сыном, — сказал Дэн, который чувствовал, что пережитые вместе опасность и тревога сделали его ближе к ней, чем когда бы то ни было.

— Ты будешь моим старшим сыном, — и она скрепила свое обещание поцелуем, которым окончательно завоевала сердце Дэна.

Маленький Роб чувствовал себя прекрасно на следующий день, но у Нэн болела голова, и она лежала на диване мамы Баэр со слоем кольдкрема на исцарапанном лице. Ее раскаяние совсем прошло, и она явно думала, что потеряться — это отличное развлечение. Такое положение дел не понравилось миссис Джо, которая не желала, чтобы ее детей уводили со стези добродетели и чтобы ее воспитанники искали развлечений в одиночестве на черничных полянах. Так что она серьезно поговорила с Нэн и постаралась вложить ей в голову понятие о разнице между свободой и излишней вольностью, рассказав несколько историй, чтобы усилить впечатление от поучений. Она еще не решила, как наказать Нэн, но одна из этих историй подсказала способ, и так как миссис Джо любила необычные штрафы и наказания, она прибегла к нему.

— Все дети убегают, — оправдывалась Нэн, словно это было нечто естественное и неизбежное, вроде кори или коклюша.

— Не все, а некоторые из тех, что убегают, никогда потом не находятся, — отвечала миссис Джо.

— Разве вы сами никогда не убежали? — спросила Нэн, чьи зоркие глаза видели черты родственной души в серьезной леди, которая сидела перед ней и шила с высоко моральным видом.

Миссис Джо засмеялась и призналась, что убегала.

— Расскажите, как это было, — попросила Нэн, чувствуя, что начинает брать верх в дискуссии.

Миссис Джо заметила это и, тут же став серьезной, продолжила, с раскаянием качая головой

— Я не раз убегала и изводила мою бедную маму своими шалостями, пока она не придумала, как отучить меня от этого.

— Как? — и Нэн приподнялась на локте с выражением интереса на лице.

— Однажды мне купили новые туфли, и я хотела покрасоваться в них, так что хотя мне было приказано не покидать сад, я убежала и бродила по округе целый день. Это было в городе, и как я не погибла, не знаю. Чего я только не вытворяла! Бегала с собаками в парке, пускала кораблики на заливе с незнакомыми мальчиками, пообедала с маленькой нищенкой-ирландкой соленой рыбой и картофелем, а, когда меня наконец нашли, я крепко спала на пороге какого-то дома, обняв большущую бездомную собаку. Был поздний вечер, и я была грязная, как поросенок, и мои новые туфли совсем сносились, так далеко я убежала.

— Как весело! — воскликнула Нэн, готовая, судя по ее виду, проделать то же самое.

— Было не так весело на следующий день, — и миссис Джо постаралась не выдать взглядом, какое удовольствие приносят ей воспоминания о детских проказах.

— Мама вас побила? — спросила Нэн с любопытством.

— Она никогда не била меня — только один раз, да и тогда попросила у меня прощения, а иначе я думаю, что никогда не простила бы ее — так сильно были задеты мои чувства.

— Почему она просила у вас прощения? Мой папа никогда не просит.

— Потому, что когда она сделала это, я отвернулась и сказала: "Вот, ты сама разозлилась, так что тебя тоже надо побить, как и меня". Она смотрела на меня с минуту, затем ее гнев угас, и она сказала пристыженно: "Ты права, Джо, я разгневалась, так почему же я должна наказывать тебя за необузданность, если показываю тебе такой дурной пример? Прости меня, дорогая, и давай постараемся помочь друг другу". Я никогда не забыла ее слов, и они принесли мне больше пользы, чем десяток ударов розгой.

Нэн сидела с минуту, задумчиво вертя маленькую баночку с кольдкремом, а миссис Джо не говорила ничего, предоставляя этой новой идее до конца проникнуть в быстрый маленький ум, который

так живо воспринимал и остро чувствовал все, что происходило вокруг.

— Мне это нравится, — сказала Нэн, и ее лицо с колючими глазами, любопытным острым носом и выразительным лукавым ртом выглядело в этот момент менее проказливым. — А что сделала с вами ваша мама, когда вы убежали в тот раз?

— Она привязала меня к ножке кровати на длинной веревочке, так что я не могла выйти из комнаты, и там я оставалась весь день, а передо мной висели на гвозде маленькие сношенные туфли, чтобы напоминать мне о моей вине.

— О, я думаю, это любого отучило бы убежать, — воскликнула Нэн, любившая свободу больше всего на свете.

— Это средство излечило меня и, думаю, поможет тебе, так что, пожалуй, попробую, — сказала миссис Джо, неожиданно доставая клубок крепких ниток из ящика своего рабочего столика.

Нэн имела такой вид, словно явно проиграла в этом споре, и сидела печальная и подавленная, пока миссис Джо привязывала один конец нитки к ее талии, а другой к ручке дивана. Завязав последний узел, миссис Джо сказала:

— Мне неприятно привязывать тебя как непослушную собачонку, но если у тебя память не лучше, чем у собаки, я вынуждена обращаться с тобой как со щенком.

— Я совсем не против поиграть в собаку! — И, приняв беззаботный вид, Нэн принялась рычать и ползать по полу.

Миссис Джо не обратила на это внимания, но, оставив на столе пару книг и еще не подрубленный носовой платок, предоставила мисс Нэн самой себе. Это было неприятно, и, посидев немного, девочка попыталась развязать нитку. Но та была закреплена сзади в поясе ее передника, так что она начала развязывать узел на ручке дивана. Скоро нитка была отвязана, и, подхватив ее, Нэн уже была готова вылезти из окна, когда услышала, как миссис Джо говорит кому-то, проходя через холл:

— Нет, я думаю, что она не убежит. Она благородная девочка и знает, что я делаю это, чтобы помочь ей.

Нэн тут же скользнула обратно, привязала себя и начала яростно шить. Вскоре зашел Роб и был так восхищен новым наказанием, что

взял скакалку и привязал себя к той же диванной ручке самым любезным образом.

— Я тоже потерялся, так что меня тоже надо привязать, как Нэн, — объяснил он матери, когда она увидела нового пленника.

— Да, пожалуй, ты тоже заслуживаешь того, чтобы тебя наказали, так как ты знал, что нехорошо убегать далеко от остальных.

— Это Нэн увела меня, — начал Роб, желая насладиться новым наказанием, но не желая брать на себя вину.

— Ты не должен был уходить. У тебя есть совесть, хоть ты и маленький мальчик, и ты должен научиться прислушиваться к своей совести.

— Когда Нэн сказала: "Полезем за изгородь", моя совесть меня не уколола, — отвечал Роб, цитируя одно из выражений Деми.

— А ты остановился посмотреть, уколола или нет?

— Нет, не остановился.

— Тогда ты точно не знаешь.

— Я думаю это такая маленькая совесть, что она колет слишком слабо, так что я ее не чувствую, — добавил Роб, обдумав дело с минутой.

— Тогда мы должны заострить ее. Плохо иметь тупую совесть, так что тебе лучше остаться здесь до обеда и обсудить этот вопрос с Нэн. Я уверена, что вы оба не отвяжете себя, пока я не разрешу.

— Нет, не отвяжем, — сказали оба, чувствуя, что необыкновенно добродетельны, поскольку помогают наказывать самих себя.

С час они были очень хорошими, затем устали сидеть в четырех стенах и захотели выбраться. Никогда холл не казался таким привлекательным, даже маленькая спальня приобрела вдруг интерес, и они охотно выбежали бы туда, чтобы поиграть, превратив полог кровати в походную палатку. Открытые окна сводили их с ума, так как они не могли добраться до них и выглянуть, а мир за окнами казался таким красивым, и они удивлялись, как это у них хватало неблагодарности говорить, будто он скупен. Нэн изнывала от желания побегать по лужайке, а Роб вспомнил, что не покормил в это утро свою собачку, и с ужасом думал о том, что будет делать бедный Поллукс. Они следили за часами, и Нэн считала в уме минуты и секунды, а Роб на всю жизнь научился называть все часы от восьми до одного. Запахи обеда сводили с ума; было мучительно неприятно знать, что подадут

зеленую кукурузу со свининой и черничный пирог, а тебя не будет на месте, чтобы взять хорошую порцию всего этого. Когда в столовой начали накрывать на стол, они почти разорвались пополам, пытаясь разглядеть, какое будет мясо, а Нэн предложила Мэрианн помочь ей убрать постели, если только та позаботится о том, чтобы Нэн получила "побольше соуса к пудингу". Когда мальчики выбежали в холл после уроков, они нашли Нэн и Роба, дергающими свои уздечки как пара беспокойных жеребят, и это продолжение волнующих приключений прошлой ночи стало для них и серьезным уроком, и развлечением.

— Отвяжи меня, мама, моя совесть будет колоть как булавка в следующий раз, я знаю, что будет, — сказал Роб, когда зазвонил колокольчик к обеду, и Тедди пришел посмотреть на него с печальным удивлением.

— Посмотрим, — отвечала мать, освобождая его. Он весело пробежался по холлу, затем вернулся через столовую, и оказался возле Нэн, сияя добродетельным удовлетворением.

— Я принесу ей обед, можно? — спросил он, жалея подругу по плену.

— Конечно, мой добрый сыночек! Выдвини стол и принеси стул, — и миссис Джо поспешила прочь, чтобы утихомирить других, которые в полдень всегда испытывали волчий аппетит.

Нэн ела в одиночестве и провела долгий день, оставаясь привязанной к дивану. Миссис Баэр удлинила ее узду, так что она смогла подходить к окну, и там она стояла почти все время, глядя, как играют мальчики и наслаждаются свободой все маленькие летние существа. Дейзи устроила пикник для кукол на лужайке прямо под окном, и Нэн могла видеть игру, хоть и не могла присоединиться к ней. Томми проделал у нее на глазах свое лучшее сальто, чтобы утешить ее. Деми сидел на ступеньках, читая вслух, чем немало развлек Нэн, а Дэн оказал самый тонкий знак внимания, на какой был способен, — принес ей маленькую древесную лягушку.

Но все это ничуть не возместило ей потерю свободы, и несколько часов заключения дали Нэн понять, как эта свобода драгоценна. Немало мыслей посетило ее голову, лежавшую на подоконнике в последний тихий час, когда все остальные дети пошли к ручью посмотреть, как Эмиль будет спускать на воду своей новый корабль. Ей предстояло наречь его, и она рассчитывала разбить крошечную

бутылочку смородиной настойки о его нос, давая ему имя "Джозефина" в честь миссис Баэр. Теперь она потеряла этот шанс, а у Дейзи не получится так хорошо. Слезы поднялись к ее глазам, когда она вспомнила, что виновата в этом сама, и она сказала вслух, обращаясь к толстому шмелю, который топтался в желтой серединке розы прямо под окном.

— Если ты убежал, тебе лучше лететь прямо домой и сказать твоей маме, как тебе жаль, что ты это сделал, и потом никогда больше не убегать.

— Я рада, что ты даешь ему такой добрый совет, и, как кажется, он последовал ему, — сказала миссис Джо, улыбаясь, когда шмель расправил испачканные пылью крылышки и улетел.

Нэн смахнула одну или две капли блестящие на подоконнике и прижалась к своей старшей подруге, когда та привлекла ее к себе на колени и добавила ласково, так как видела маленькие капли и знала, что они означают:

— Ты думаешь, что лекарство от непослушания, предложенное моей мамой, было действенным?

— Да, мэм, — ответила Нэн, чувствуя себя совсем подавленной к концу этого долгого тихого дня.

— Надеюсь, мне не придется прибегать к нему опять.

— Думаю, что нет, — и Нэн подняла взгляд с таким серьезным выражением, что миссис Джо почувствовала удовлетворение и не сказала ничего больше, так как ей нравилось, чтобы ее наказания действовали сами и не стала портить эффект лишним морализаторством.

Тут появился Роб, неся с бесконечной осторожностью то, что Эйзи называла "печеным блюдечком" и что на самом деле было запеченным в блюдечке пирожком.

— В начинке есть мои ягоды, и я дам тебе половинку за ужином, — объявил он торжественно, указывая на пирожок.

— Почему ты хочешь угостить меня, когда я такая озорная? — спросила Нэн кротко.

— Потому что мы потерялись вместе. Ты ведь не будешь больше озорная, правда?

— Никогда, — сказала Нэн с огромной решимостью.

— Как хорошо! Теперь пойдём и попросим Мэрианн разрезать его для нас; скоро подадут чай, — и Роб поманил ее восхитительным маленьким пирогом.

Нэн сделала шаг, но тут же остановилась и сказала:

— Я забыла, я не могу уйти.

— Ну-ка, попробуй, — сказала миссис Баэр, которая потихоньку развязала нитку, пока дети разговаривали.

Нэн увидела, что она свободна, и, поблагодарив миссис Джо порывистым поцелуем, улетела, напевая, как птичка, и Робби бросился за ней, капая на бегу черничной начинкой своего пирожка.

Глава 12

Златовласка

После этих волнений на Пламфильд опустились мир и покой и царили, ненарушаемые, несколько недель, так как старшие мальчики чувствовали, что есть и их вина в несчастьях Нэн и Робби, и все были так по-отцовски заботливы, что стали, пожалуй, надоедать, а младшие столько раз выслушали рассказ Нэн о выпавших на ее долю испытаниях, что смотрели на возможность потеряться как на величайшее зло, угрожающее человечеству, и боялись даже высунуть нос за большие ворота имения, из опасения, что ночь опустится на них слишком внезапно и в сумраке замаячат призрачные черные коровы.

— Это слишком хорошо, чтобы так могло продолжаться, — сказала миссис Джо, так как годы "разведения" мальчиков научили ее, что за такими затишьями обязательно следуют какие-нибудь взрывы, и, когда на ее месте менее умудренные опытом женщины подумали бы, что мальчики стали сущими ангелами, она готовилась к новому неожиданному извержению домашнего вулкана.

Одной причиной этого желанного затишья был визит маленькой Бесс, чьи родители отпустили ее в Пламфильд на неделю, пока сами ездили к заболевшему дедушке Лоренсу. Мальчики явно рассматривали Златовласку как нечто среднее между девочкой, ангелом и сказочной феей, так как она была прелестным существом, и золотистые волосы, унаследованные ею от ее мамы-блондинки, покрывали ее как сияющая вуаль, из-за которой она милостиво улыбалась своим обожателям, когда была к ним расположена, или пряталась, когда чувствовала себя обиженной. Ее отцу было жаль стричь ее кудри, и они свисали ниже ее талии, такие мягкие, нежные и блестящие, что, по убеждению Деми, были настоящим шелком из размотанного кокона. Все хвалили маленькую принцессу, но это, казалось, ничуть не портило ее, а только учило тому, что ее присутствие приносит радость, ее улыбки вызывают ответные улыбки на других лицах, а ее младенческие огорчения наполняют каждое сердце нежнейшим сочувствием.

Сама того не сознавая, она приносила своим юным подданным больше пользы, чем многие настоящие владыки, так как ее правление было очень кротким, а ее силу скорее ощущали, чем видели. Природная утонченность делала ее очаровательной во всем, и оказывала благотворное влияние на беспечных мальчиков, всегда толпившихся вокруг нее. Она не позволяла никому трогать ее грубо или немытыми руками, и во время ее визитов в Пламфильде изводилось куда больше мыла, чем обычно, так как мальчики считали высшей честью иметь право носить ее высочество на руках и величайшим позором быть отвергнутым с презрительным: "Уходи, грязный мальчик!"

Громкие голоса не нравились ей, а ссоры пугали ее, так что более нежные интонации появлялись в мальчишеских голосах, когда они обращались к ней, и перебранкам в ее присутствии быстро старались положить конец зрители, если сами участники не могли сдержаться. Ей нравилось, когда за ней ухаживали, и старшие мальчики безропотно исполняли ее маленькие поручения, в то время как младшие были ее преданными рабами во всем. Они умоляли позволить им покатать ее колясочку, поносить ее корзинку для ягод или передать ей тарелку за столом. Никто не считал ниже своего достоинства оказать ей услугу, в чем бы эта услуга ни заключалась, а Томми и Нед едва не подрались, прежде чем смогли решить, кто из них должен иметь честь почистить ее маленькие ботинки.

Нэн за эту неделю, получила особенно много пользы от общества хорошо воспитанной, хоть и очень маленькой леди, так как большие голубые глаза Бесс смотрели на вопящую и скачущую девчонку с тревожным удивлением, словно это было какое-то дикое и опасное животное. Сердечную и общительную Нэн глубоко обижало то, что Принцесса сторонится ее. Сначала она сказала себе: "Подумаешь! Мне все равно!" Но ей было не все равно, и слова Бесс: "Я больше люблю Дейзи, потому что она тихая" так задела ее, что она встряхнула Дейзи изо всех сил, а затем убежала на скотный двор с ужасным плачем. Быть может, в этом общем убежище смятенных душ она получила утешение и добрый совет из одного или другого источника. Быть может, ласточки из своих лепных гнездышек прощепетали над ее головой маленькое поучение о красоте нежности. Но, как бы то ни было, она вернулась присмирившая и внимательно поискала в саду

раннее яблоко, из тех маленьких, сладких и розовых, что очень нравились Бесс. Запасясь этим мирным приношением, она приблизилась к маленькой принцессе и смиренно преподнесла свой подарок. К ее огромной радости, он был милостиво принят, и когда Дейзи поцеловала Нэн в знак прощения, Бесс сделала то же самое, словно чувствовала, что была слишком сурова и желала извиниться. После этого они мило играли вместе, и Нэн много дней наслаждалась королевскими милостями. Конечно, в первое время она чувствовала себя как дикая птица в красивой клетке и иногда ей приходилось убежать, чтобы расправить крылья в долгом полете или запеть во весь голос там, где это не могло потревожить ни маленькую пухлую голубку Дейзи, ни изящную золотую канарейку Бесс. Но это приносило ей пользу, так как, наблюдая, как все любят маленькую принцессу за ее маленькие прелести и добродетели, она начала подражать ей, так как Нэн тоже хотела, чтобы ее любили, и очень старалась завоевать расположение окружающих.

Каждый мальчик в доме чувствовал влияние красивого ребенка и становился лучше, сам не зная, как и почему это происходит, так как малютки могут творить чудеса в сердцах тех, кто их любит. Бедный Билли находил бесконечное удовлетворение в том, что глазел на нее, и хотя ей это не нравилось, она не сдвигала атласные бровки, после того как ей объяснили, что он не совсем такой как остальные и поэтому к нему нужно быть добрее. Дик и Долли завалили ее ивовыми свистками — единственное, что они умели изготавливать, и она принимала дары, хотя никогда не пользовалась ими. Роб служил ей как маленький влюбленный, а Тедди следовал за ней как комнатная собачка. Джек не нравился ей, так как у него были бородавки и грубый голос. Стаффи отталкивал ее тем, что не умел есть аккуратно, и за столом бедняга старался изо всех сил не набрасываться на еду, чтобы не вызвать отвращения у утонченной маленькой леди напротив. Нед был отлучен от королевского двора и оказался в крайней немилости, после того как его застали мучающим несчастную полевую мышь. Златовласка никак не могла забыть печального зрелища и, когда он приближался, скрывалась за своей вуалью, делая ему знак удалиться величественной маленькой рукой и восклицая тоном, в котором мешались гнев и горе:

— Нет, я не могу его любить, он отливает хвостики бедным мышкам, и они пищат!

Когда приезжала Бесс, Дейзи охотно отказывалась от трона и занимала скромный пост главной кухарки, в то время как Нэн становилась первой фрейлиной, а Эмиль канцлером казначейства ее высочества и щедро тратил общественные деньги на устройство спектаклей, многие из которых обходились в сумму не меньше девяти пенсов. Франц был премьер-министром, и управлял ее государственными делами, планировал королевские визиты в разные области королевства и регулировал отношения с иностранными державами. Деми был ее философом, и дела у него шли гораздо лучше, чем это бывает обычно с подобными джентльменами при коронованных особах. Дэн стал ее регулярной армией и храбро защищал ее территории, Томми был придворным шутком, а Нат благородным Ритцио^[31], улаживающим слух этой невинной маленькой Марии.

Дядя Фриц и тетя Джо наслаждались периодом покоя и с удовольствием смотрели эту красивую пьесу, в которой молодежь неосознанно подражала старшим, не добавляя в нее трагедии, так часто портящей те спектакли, что разыгрываются на больших сценах.

— Они учат нас не меньше, чем мы их, — сказал мистер Баэр.

— Благослови их Господь! Они и не догадываются, сколько раз сами подсказывают нам, как лучше всего руководить ими, — отвечала миссис Джо.

— Я думаю, ты была права, и присутствие девочек помогает мальчикам. Нэн расшевелила Дейзи, и та стала менее чопорной и скованной, а Бесс учит маленьких медведей изысканным манерам гораздо лучше, чем можем научить мы. Если мы и дальше будем наблюдать такой прогресс, я скоро почувствую себя Корнелией Блимбер^[32] в окружении этих образцовых молодых джентльменов, — сказал профессор со смехом, когда увидел Томми не только снявшего собственную шляпу, но и сбившему шляпу с головы Неда, когда они вошли в холл, где Принцесса скакала на коне-качалке, в сопровождении Роба и Тедди, которые оседлали маленькие стульчики и изображали храбрых рыцарей.

— Ты никогда не будешь миссис Блимбер, Фриц, ты не смог бы, если бы даже захотел, а наши мальчики никогда не смирились бы с воспитательными методами той печально знаменитой школы. Нет никакой опасности, что они сделаются чересчур элегантными:

американские мальчики слишком любят свободу. Но они непременно станут приятными в общении, если мы воспитаем в них доброту, которая ярко проявляется в самых простых манерах, делая их любезными и сердечными, как твои, мой дорогой мальчик.

— Ах! Нет-нет, мы не будем говорить любезности, а то если я начну, ты убежишь, а я хочу насладиться этим счастливым получасом до конца, — однако искренняя похвала явно доставила удовольствие мистеру Баэру, поскольку в ней была правда, а миссис Джо чувствовала, что получила лучший комплимент, какой мог сделать ей муж, ведь он сказал, что находит подлинное отдохновение и счастье в ее обществе.

— Кстати, возвращаясь к детям, я только что получила еще одно доказательство положительного влияния Златовласки, — сказала миссис Джо, придвигая свой стул поближе к дивану, где профессор отдыхал после долгого трудового дня на своих столь разнообразных огородах. — Нэн терпеть не может шитье, но из любви к Бесс трудилась полдня над замечательным мешочком, в котором преподнесет десяток наших лучших яблок своему маленькому идеалу, когда та будет уезжать. Я похвалила ее за это, а она сказала, как всегда искренне: "Я люблю шить для других, но глупо шить для себя". Я поняла намек и поручила ей сшить несколько рубашечек и передничков для детей миссис Карни. Она такая щедрая душа! Без устали будет шить для них, и мне даже не придется ее заставлять.

— Но шитье немодное занятие в наши дни, моя дорогая.

— Приходится только сожалеть об этом. Я научу моих девочек всем премудростям шитья, какие только знаю; это пригодится им в жизни гораздо больше, чем латынь, алгебра и полдюжины разных "ологий", которыми считается необходимым забивать девочкам голову. Эми намерена развить в Бесс всевозможные светские таланты, но даже пальчики дорогой крошки уже знакомы с иглой и наперстком, а ее мама хранит несколько образчиков ее шитья и ценит их больше, чем глиняную птичку без клюва, которая наполнила Лори такой гордостью, когда Бесс вылепила ее.

— Я также могу привести доказательство могущества Принцессы, — сказал мистер Баэр, пронаблюдав, как миссис Джо пришивает пуговицу с видом величайшего презрения ко всем новомодным системам образования. — Джек не желает, чтобы его

причисляли вслед за Недом и Стаффи к числу тех, кто неприятен Бесс, так что он пришел ко мне на днях и попросил свести все его бородавки каустиком^[33]. Я давно предлагал ему сделать это, но он никогда не соглашался, зато теперь вынес жжение мужественно и, хотя ему до сих пор больно, утешается надеждами на будущие милости, когда он сможет показать ее привередливому высочеству свою гладкую руку.

Миссис Баэр еще не отсмеялась, когда вошел Стаффи, чтобы спросить, нельзя ли ему дать Златовласке несколько конфет, которые прислала ему мама.

— Ей не разрешают есть сласти, но если ты захочешь подарить ей твою пунцовую засахаренную розу в красивой коробочке, она будет рада, — сказала миссис Джо, не желая оставить без поощрения это необычное проявление самоотверженности, так как Стаффи редко предлагал поделиться с кем-нибудь своими сладостями.

— Разве она не съест ее? Но, конечно, я не хотел бы, чтобы ее затошнило, — сказал Стаффи, любовно взирая на изысканную сладость, но решительно укладывая ее в коробочку.

— О нет, она не станет есть, если я скажу ей, что роза только для того, чтобы на нее смотреть. Она будет хранить ее много недель и даже не подумает ее попробовать. А ты способен на такое?

— Разумеется! Я гораздо старше, чем она, — с негодованием заявил Стаффи.

— Что ж, проверим. Вот, положи свои конфеты в этот мешочек, и посмотрим, как долго ты сможешь хранить их. Позволь мне отсчитать два сердечка, четыре красных рыбки, три лошадки из ячменного сахара, десять засахаренных орехов, и дюжину шоколадных драже. Согласен? — спросила хитрая миссис Джо, укладывая конфеты в свой маленький мешочек из-под швейных ниток.

— Да, — сказал Стаффи со вздохом и, сунув в карман запретный плод, ушел отдать Бесс свой подарок и получить от нее улыбку и позволение сопровождать ее во время прогулки по саду.

— Сердце бедного Стаффи одолело наконец его желудок, а благосклонность Бесс вознаграждает его за все усилия, — сказала миссис Джо.

— Счастлив человек, который может сунуть свои искушения в карман и учиться самоотречению у такого милого маленького учителя! — добавил мистер Баэр, когда дети прошли мимо окна.

Пухлое лицо Стаффи было полно безмятежного удовлетворения, а Златовласка изучала свою сахарную розу с вежливым интересом, хотя предпочла бы настоящий цветок с "настоящим ароматом".

Когда приехал отец, чтобы забрать ее домой, поднялся всеобщий рев, и прощальные подарки, которыми ее завалили, увеличили ее багаж до такой степени, что мистер Лори предложил нанять большой фургон, чтобы увезти их в город. Каждый подарил ей что-нибудь, и оказалось трудным упаковать вместе белых мышей, пирог, ракушки, яблоки, кролика, отчаянно брыкающегося в мешке, большой кочан капусты, которой ему предстояло подкрепляться в пути, бутылку с маленькими рыбками и громадный букет. Прощальная сцена была трогательной. Принцесса сидела за столом в холле, в окружении своих подданных. Она поцеловала своих кузенов и подала руку другим мальчикам, которые пожалы ее осторожно с разнообразными нежными речами, так как их всех научили не стыдиться показывать свои чувства.

— Приезжай поскорее снова, дорогая, — шепнул Дэн, прикалывая своего лучшего золотисто-зеленого жука на ее шляпку.

— Не забывай меня, Принцесса, — сказал очарованный Томми, в последний раз погладив ее красивые волосы.

— Я приеду к вам на следующей неделе и тогда увижу тебя, Бесс, — добавил Нат, словно находя утешение в этой мысли.

— А теперь пожмем друг другу руки, — воскликнул Джек, протягивая гладкую лапу.

— Вот два хорошеньких, новеньких — на память о нас, — сказали Дик и Долли, вручая свежие свистки и совершенно не подозревая, что остальные семь, уже подаренных ими за прошедшую неделю, были тайно сожжены в кухонной печи.

— Моя маленькая драгоценность! Я прямо сейчас начну вышивать для тебя закладку, только ты должна будешь ее всегда хранить, — сказала Нэн, раскрывая Бесс свои горячие объятия.

Но самым трогательным оказалось прощание с бедным Билли, так как мысль о том, что она действительно уезжает, была для него почти невыносима, и, бросившись перед ней на пол и обнимая ее маленькие голубые ботинки, он отчаянно забормотал: "Не уезжай, не уезжай!" Златовласка была так тронута этим взрывом чувств, что наклонилась и,

подняв голову бедного мальчика, сказала нежным, негромким голоском.

— Не плачь бедный Билли! Я поцелую тебя и скоро приеду снова.

Это обещание утешило Билли, и он поднялся, сияя гордостью и радуясь оказанной ему необычной почести.

— И меня поцелуй! И меня! — потребовали Дик и Долли, чувствуя, что их преданность заслуживает награды. Другие, казалось, тоже были готовы подхватить этот призыв, и что-то в этих добрых, веселых лицах, окружавших ее, побудило Принцессу протянуть им руки и сказать с беспечной снисходительностью:

— Я поцелую всех!

Как рой пчел окружает цветок, источающий сладкий аромат, так любящие мальчики окружили свою красивую маленькую подружку и целовали ее, пока она не покраснелась ярче розы, — целовали не грубо, но с таким энтузиазмом, что несколько минут не было видно ничего, кроме тульи ее шляпки. Затем папа спас ее из их объятий, и она уехала, по-прежнему улыбаясь и взмахивая на прощание рукой, а мальчики сидели на заборе, визжа как стадо морских свинок: "Возвращайся! Возвращайся!" — пока она не исчезла из вида.

Им всем не хватало ее, и каждый смутно чувствовал, что стал лучше от знакомства с таким прелестным, деликатным и милым существом. Маленькая Бесс пробуждала в них рыцарское чувство, она была для них тем, что следует любить, чем восхищаться, что защищать с нежным почтением. Много мужчин помнят какую-нибудь красивую малышку, которая заняла место в их сердце, и хранят память о ней из-за простого очарования ее невинности, и маленькие мужчины Пламфильда тоже учились чувствовать эту силу очарования и любить ее за нее нежную власть, не стыдясь ни того, что позволяют маленькой ручке вести их, ни того, что приносят присягу на верность всей женской половине человечества, включая даже ее совсем юных представительниц.

Глава 13

Дамон и Питиас

Миссис Баэр была права: покой оказался лишь временным затишьем, надвигалась буря, и через два дня после отъезда Бесс, моральное землетрясение потрясло Пламфильд до основания.

В основе неприятностей были куры Томми, так как если бы они не несли так упорно такое великое множество яиц, он не мог бы продавать их и получать большую выручку. Деньги — корень всех зол, однако так полезны, что мы можем обойтись без них не больше, чем без картофеля. Это, безусловно, относилось к Томми, так как он тратил свой доход столь безрассудно, что мистер Баэр был вынужден настоять на использовании копилки и предоставил ему частный банк во внушительном жестяном здании с именем на двери и высокой дымовой трубой, в которую вкладывали монетки, чтобы они искушающе гремели там, пока не получат выход через люк в полу.

Домик утяжелялся так стремительно, что Томми вскоре удовлетворился сделанными капиталовложениями и планировал потратить свой капитал на приобретение неслыханных сокровищ. Он вел счет отложенных сумм, и ему было обещано, что он сможет изъять вклад из банка, как только накопит пять долларов, при условии, что обещает потратить деньги разумно. Недоставало всего лишь одного доллара, и в день, когда миссис Джо заплатила ему за четыре дюжины яиц, он был так счастлив, что помчался прямо в амбар продемонстрировать новенькие четвертаки Натю, также откладывавшему деньги на покупку скрипки, о которой давно мечтал.

— Если бы я тоже мог добавить еще один доллар к моим трем долларам, у меня скоро хватило бы на скрипку, — сказал он, печально глядя на деньги.

— Может быть, я тебе немного одолжу. Я еще не решил, что делать с моими долларами, — сказал Томми, подкидывая и ловя свои четвертаки.

— Эй, ребята! Пошли к ручью, посмотрим, какую здоровенную змею поймал Дэн! — позвал голос из-за амбара.

— Пошли, — сказал Томми и, сунув свои деньги в старую веялку, убежал, Нат последовал за ним.

Змея оказалась очень интересной, а затем долгая погоня за хромой вороной и ее пленение так увлекли Томми, что он не вспомнил о своих деньгах, пока не очутился в постели в ту ночь.

— Ничего, никто кроме Ната не знает, где они, — сказал беспечный богач и уснул, не тревожась о своей собственности.

На следующее утро, когда мальчики собрались на занятия, запыхавшийся Томми влетел в класс и грозно спросил:

— Эй, кто взял мой доллар?

— О чем ты говоришь? — спросил Франц.

Томми объяснил, и Нат подтвердил его заявление.

Все объявили, что ничего об этом не знают, и начали поглядывать с подозрением на Ната, который становился все более встревоженным и смущенным, слыша, как каждый решительно отрицает свою вину.

— Кто-то, должно быть, взял эти деньги, — сказал Франц, когда Томми потряс кулаком, окинув взглядом всю компанию и гневно заявил:

— Тыща черепах! Если я поймаю вора, я задам ему такую трепку, что он ее не скоро забудет.

— Успокойся, Том, мы найдем его, воры всегда получают по заслугам, — сказал Дэн, как человек, знающий, о чем говорит.

— Может быть, какой-нибудь бродяга ночевал в амбаре и взял их, — предположил Нат.

— Нет, Сайлас никого не пускает, к тому же бродяга не стал бы искать деньги в старой веялке, — отозвался Эмиль с презрением в голосе.

— Может, это сам Сайлас? — сказал Джек.

— Ну хорош же ты! Старый Саймс честен как стеклышко. Он никогда не тронул ни цента из наших денег, — сказал Томми, благородно защищая своего главного обожателя от подозрений.

— Кто бы это ни был, ему лучше признаться, а не ждать, когда его найдут, — сказал Деми, имевший такой вид, словно семью постигло ужасное несчастье.

— Я знаю, вы думаете, что это я взял деньги! — воскликнул Нат, красный и возбужденный.

— Только ты знал, где они лежат, — сказал Франц.

— Но я не брал их! Говорю вам, не брал! Не брал! — воскликнул Нат в отчаянии.

— Спокойно, спокойно, сын мой! Из-за чего весь этот шум? — и к ним вошел мистер Баэр.

Томми повторил рассказ о своей потере, и, пока мистер Баэр слушал, его лицо становилось все серьезнее, так как при всех их недостатках и безумствах, мальчики до сих пор всегда были честны.

— Займите места, — сказал он и, когда все расселись, добавил, медленно переводя с лица на лицо горестный взгляд, который было труднее вынести, чем бурю слов:

— Так вот, мальчики, я задам каждому из вас один вопрос и хочу получить честный ответ. Я не собираюсь запугивать вас, подкупать или вынуждать у вас признание, застав врасплох. У каждого из вас есть совесть, и каждый знает, для чего она дана ему. Теперь самое время исправить зло, причиненное Томми, и оправдать себя прямо перед нами всеми. Мне гораздо легче понять и простить того, кто уступил внезапному искушению, чем того, кто пошел на сознательный обман. Не добавляйте ложь к краже, но признайтесь честно, и мы все постараемся помочь оступившемуся заставить нас забыть и простить.

Он сделал паузу, и в комнате стало так тихо, что было слышно, как муха пролетит, затем медленно и внушительно он задал каждому вопрос, получая один и тот же ответ, хоть и произносимый разным тоном. Все лица были красными и взволнованными, так что мистер Баэр не мог считать румянец свидетельством вины, а некоторые из младших мальчиков были так испуганы, что произносили короткое слово "нет" с заиканием, словно виноватые, хотя было очевидно, что они не могли быть причастны к случившемуся. Когда он подошел к Нату, его голос смягчился, так как бедняга выглядел таким несчастным, что мистер Баэр посочувствовал ему. Он считал, что именно Нат взял деньги, и надеялся спасти мальчика от новой лжи, убедив его сказать правду без страха.

— Ну, сын мой, дай мне честный ответ. Ты взял деньги?

— Нет, сэр! — Нат смотрел на него умоляюще.

Когда слова сорвались с его дрожащих губ, кто-то засвистел.

— Прекратите! — воскликнул мистер Баэр, стукнув по столу и сурово глядя в угол, откуда раздался звук.

Там сидели Нед, Джек и Эмиль, и первые два выглядели пристыженными, но Эмиль воскликнул:

— Это не я свистел, дядя! Мне было бы стыдно бить лежачего.

— Молодец! — крикнул Томми, ужасно огорченный неприятностями, которые вызвал его злополучный доллар.

— Молчать! — скомандовал мистер Баэр, и когда молчание восстановилось, сказал серьезно:

— Мне очень жаль, Нат, но все свидетельствует против тебя, и твоя прежняя вина заставляет нас сомневаться в тебе больше, чем если бы мы знали, что ты никогда не лгал. Но учти, мальчик мой, я не обвиняю тебя в краже; я не накажу тебя за нее, пока не буду совершенно уверен в твоей вине, и ничего больше не спрошу об этом. Я предоставляю тебе решать этот вопрос наедине с твоей собственной совестью. Если ты виновен, приходи ко мне в любой час дня или ночи и признайся, и я прощу и помогу тебе загладить проступок. Если ты невиновен, истина выяснится рано или поздно, и в тот же момент когда это произойдет, я буду первым, кто попросит у тебя прощения, за то что сомневался в тебе, и с радостью сделаю все, что могу, чтобы обелить тебя перед всеми.

— Я не брал их! Не брал! — всхлипывал Нат, уронив голову на руки, так как не мог вынести недоверия и отвращения, которые читал во множестве глаз, устремленных на него.

— Надеюсь, что это правда. — Мистер Баэр сделал паузу, словно для того, чтобы дать преступнику, кто бы он ни был, еще один шанс признаться. Но никто не заговорил, и только сочувственное сопение некоторых из младших нарушало тишину. Мистер Баэр покачал головой и добавил с сожалением:

— Больше ничего сделать нельзя, и я одно могу сказать: я больше не заговорю об этом и хочу, чтобы вы следовали моему примеру. Я не могу ожидать, что вы будете продолжать по-доброму относиться к тому, кого подозреваете, но я ожидаю от вас, что вы не станете мучить его, так как ему придется тяжело и без этого. Теперь займемся уроками.

— Нат слишком легко отделался у папы Баэра, — пробормотал Нед, обращаясь к Эмилю, когда они взяли за свои книги.

— Придержи язык, — проворчал Эмиль, который чувствовал, что это событие — пятно на чести семьи.

Многие мальчики были согласны с Недом, но, тем не менее, мистер Баэр был прав: Нат поступил бы умнее, если бы признался сразу и покончил с неприятностями, так как даже самую жестокую порку, какой когда-либо подвергал его отец, было гораздо легче вынести, чем холодные взгляды, отчуждение и подозрение, которые он встречал со всех сторон. Вряд ли какому-либо мальчику приходилось хуже, чем бедному, презираемому всеми Нату, и он страдал целую неделю от медленной пытки, хотя никто не поднял на него руку и едва ли сказал слово. И это было хуже всего. Если бы они только высказали все, что думают, или даже отлупили его, он вынес бы это лучше, чем молчаливое недоверие, от которого было так ужасно встречать каждый взгляд, каждое лицо. Даже миссис Баэр проявляла признаки отчуждения, хотя продолжала заботиться о нем, как всегда, а горестная тревога в глазах папы Баэра пронзала самое сердце Ната, так как он горячо любил своего учителя и знал, что, по всеобщему мнению, обманул его надежды своим двойным грехом.

И только один друг в доме полностью верил в его невиновность и стоял за него непоколебимо против всех остальных. Этим другом была Дейзи. Она не могла объяснить, почему она верит ему, вопреки всему, что казалось очевидным, она знала лишь, что не может усомниться в нем, и горячее сочувствие к нему заставляло ее выступать в его защиту. Она не желала слышать ни одного осуждающего слова в его адрес ни от кого, и даже дала пощечину своему любимому Деми, когда тот попытался убедить ее, что вором не мог быть никто, кроме Ната, так как никто другой не знал, где лежали деньги.

— Может быть, куры их съели! Эти обжоры клюют все подряд! — сказала она, а когда Деми засмеялся, потеряла терпение, ударила изумленного брата и, разразившись слезами, убежала, по-прежнему повторяя: — Он не брал! Не брал! Не брал!

Ни тетя, ни дядя не пытались поколебать веру девочки в ее друга, но могли только надеяться, что природное чутье не обманывает ее, и любили ее еще больше за ее невинную преданность. Когда все испытания остались позади, Нат часто говорил, что не вынес бы душевных мучений, если бы не Дейзи. Когда другие избегали его, она была ближе к нему, чем прежде, и отворачивалась от остальных. Теперь она не сидела на ступеньках, когда он утешался старой скрипкой, но входила и сидела рядом с ним, слушая с лицом, полным

такого доверия и любви, что Нат на время забывал свой позор и был счастлив. Она просила его помочь ей в учебе, она готовила в своей кухоньке для него разные невероятные блюда, которые он ел мужественно, какими бы они ни оказывались, так как благодарность придавала чудесный вкус самым неаппетитным. Она предлагала неосуществимые игры в крикет и мяч, когда нашла, что он не может присоединиться к другим мальчикам. Она клала маленькие букетики со своего огородика на его парту и старалась всеми способами показать, что она не из тех, кого называют "другом до первой беды", но верна и в горе, и в радости. Нэн скоро последовала ее примеру, по меньшей мере, в том, что касалось доброты, укротив свой острый язычок и удерживая свой задорный носик от каких-либо выражений презрения или неодобрения, что было очень благородно со стороны миссис Прыг-Скок, так как она твердо верила, что деньги взял именно Нат.

Большинство мальчиков сурово оставляли его в одиночестве, но Дэн, хотя и сказал, что презирает его за трусость, оказывал ему нечто вроде сурового покровительства и быстро усмирал любого, кто осмеливался приставать к его другу или запугивать его. Его представления о дружбе были такими же благородными, как у Дейзи, и он следовал им, пусть грубовато, но верно.

Сидя однажды вечером у ручья и поглощенный изучением домашних привычек водяных пауков, он подслушал обрывок разговора, происходившего по другую сторону стены. Нед, который был очень любознателен, горел желанием узнать точно, кто преступник, так как в последнее время один или два мальчика начали думать, что, возможно, они все-таки ошибаются, поскольку Нат так упорно отрицал свою вину и так кротко выносил их пренебрежение. Сомнение, терзавшее Неда, стало невыносимым, и он несколько раз, оставшись наедине с Натом, осаждал его вопросами, несмотря запрет мистера Баэра. Найдя Ната в тот день читающим в одиночестве в тени ограды, Нед не мог не остановиться и не затронуть запретную тему. Он мучил Ната уже минут десять, прежде чем Дэн появился у ручья, и первые слова которые услышал исследователь пауков были произнесены жалобным, умоляющим голосом Ната:

— Перестань, Нед! Оставь меня в покое! Я не могу сказать просто потому, что не знаю, и это подло с твоей стороны продолжать

приставать ко мне потихоньку, когда папа Баэр велел вам не трогать меня. Ты бы не посмел так вести себя, если бы тут был Дэн.

— Не боюсь я твоего Дэна, он просто задира. Я думаю, что это он взял деньги Тома, а ты это знаешь и не говоришь. Ну, скажи!

— Он не брал, но если бы даже все говорило против него, я бы стоял за него, потому что он всегда был добрым ко мне! — сказал Нат так горячо, что Дэн забыл своих пауков и быстро поднялся, чтобы поблагодарить его, но следующие слова Неда остановили его.

— А я знаю, что это сделал Дэн, и дал деньги тебе. Меня бы ничуть не удивило, если бы оказалось, что он промышлял себе на жизнь в городе, шаря по карманам прохожих, прежде чем приехал сюда, так как никто, кроме тебя, не знает о нем, — сказал Нед, сам не веря в свои слова, но надеясь выведать правду у Ната, разозлив его.

Он преуспел отчасти в своем неблагородном желании, так как Нат выкрикнул свирепо:

— Если ты повторишь это, я пойду и все расскажу мистеру Баэру. Я не хочу ябедничать, но, честное слово, пойду и скажу, если ты не оставишь Дэна в покое.

— Тогда ты не только лгун и вор, но еще и доносчик, — начал Нед с насмешкой, так как Нат выносил оскорбления в свой адрес очень кротко, и трудно было поверить, что он осмелится предстать перед учителем, чтобы просто заступиться за Дэна.

Что мог бы добавить Нед к своему заявлению, я не могу сказать, так как не успели эти слова сорваться с его уст, как длинная рука схватила его сзади за воротник, подняла над оградой и опустила с плеском в ручьей.

— Повтори, что сказал, и я окуну тебя до глаз! — крикнул Дэн, стоя с видом современного колосса родосского^[35], расстави ноги по обе стороны узкого потока и гневно глядя на обескураженного юнца, извивающегося в воде.

— Да я только пошутил! — вскрикнул Нед.

— Подлец ты, что пристаешь к Нату, когда никто не видит. Если поймаю тебя за этим занятием еще раз, окуну с головой! Вылезай и проваливай, — загремел Дэн в ярости.

Нед убежал, такой мокрый, что с него текло ручьями, и эта неожиданная сидячая ванна явно принесла ему пользу, так как с тех пор он очень уважительно обращался с обоими мальчиками и,

казалось, оставил все свое любопытство в холодном ручье. Когда он исчез, Дэн перескочил через стену и обнаружил там Ната. Тот лежал ничком, совершенно измученный и убитый своими горестями.

— Я думаю, он больше не будет приставать к тебе. А если будет, только скажи мне — я с ним разберусь, — сказал Дэн, стараясь успокоиться.

— Меня не очень волнует, что он так часто говорит обо мне, я к этому привык, — отвечал Нат печально, — но я не выношу, когда он набрасывается на тебя.

— Откуда ты знаешь, что в его словах нет правды? — спросил Дэн, отвернувшись в сторону.

— Что? Насчет денег? — воскликнул Нат, вздрогнув и подняв глаза.

— Да.

— Но я не верю этому! Ты равнодушен к деньгам, все, что тебе нужно, — это твои жуки и все такое, — и Нат недоверчиво засмеялся.

— Я хочу иметь сачок так же сильно, как ты скрипку, так почему бы я не мог украсть деньги, чтобы купить его, так же, как ты? — сказал Дэн, по-прежнему глядя в сторону и усердно делая ямки в дерне своей палкой.

— Я думаю, ты так не поступил бы. Ты любишь иногда подраться, но ты не лжешь, и я не верю, что ты мог бы украсть, — и Нат решительно покачал головой.

— Я делал и то, и другое. Я раньше врал напрапалу; хотя теперь это мне ни к чему. И я крал из садов и с огородов, когда убежал от Пейдока и искал, чего бы поесть. Так что, видишь, не такой уж я хороший прень, — сказал Дэн, грубоватым и беспечным тоном, от которого уже почти отвык в последнее время.

— О Дэн, не говори, что это ты взял деньги! Я могу предположить, что это кто угодно, только не ты, — вскричал Нат таким огорченным тоном, что Дэн обернулся к нему со странным, как будто довольным, выражением лица, но ответил только:

— Я больше ни слова не скажу об этом. Но ты не волнуйся, и мы выкарабкаемся как-нибудь из этой истории, вот увидишь.

Что-то необычное в его лице и манерах зародило в уме Ната неожиданную мысль, и он сказал с жаром, сжав руки в мольбе:

— Мне кажется, Дэн, ты знаешь, кто это сделал. Если знаешь, уговори его признаться. Мне так тяжело, что все они ненавидят меня, когда я ни в чем не виноват. Иногда мне кажется, что я больше не вынесу. Если бы мне было куда бежать, я убежал бы, хотя очень люблю Пламфильд, но у меня нет твоей смелости и силы, так что приходится оставаться и ждать, пока кто-нибудь не докажет им, что я не лгал.

Нат выглядел таким сломленным и отчаявшимся, что Дэну было тяжело смотреть на друга. Он пробормотал хрипло:

— Тебе не придется долго ждать, — и ушел.

Несколько часов его нигде не было видно.

— В чем дело с Дэном? — спрашивали мальчики друг у друга несколько раз за долгое воскресенье, последовавшее за неделей, которая, казалось, никогда не кончится. У Дэна часто бывали приступы угрюмости, но в тот день он был так серьезен и молчалив, что никто не мог добиться от него ни слова. Когда они, как обычно, отправились на прогулку, он отстал от остальных и пришел домой поздно. Он не принимал участия в вечерней беседе, но сидел в тени, так занятый своими мыслями, что едва ли слышал, что происходит вокруг. Когда миссис Джо показала ему необычно хороший отзыв в Книге Совесть, он прочел его без улыбки и сказал печально:

— Вы думаете, я становлюсь лучше, да?

— Конечно, Дэн, и я очень довольна. Я всегда считала, что тебе надо только немного помочь, чтобы ты стал мальчиком, которым можно гордиться.

Его черные глаза взглянули на нее со странным выражением смешанной гордости, любви и огорчения — выражением, которое она не смогла понять тогда, но поняла позднее.

— Боюсь, вы будете разочарованы, но я стараюсь, — сказал он, закрывая без всякого признака удовольствия книгу, свою страницу в которой прежде очень любил перечитывать и обсуждать.

— Ты болен, дорогой? — спросила миссис Джо, положив руку ему на плечо.

— У меня немного болит нога. Я, пожалуй, пойду в постель. Доброй ночи, мама, — добавил он и посидел еще немного, подперев щеку рукой, а затем ушел с таким видом, словно сказал "прощай" чему-то дорогому.

— Бедный Дэн! Он так глубоко переживает позор Ната. Он странный мальчик, и я спрашиваю себя, начну ли я когда-нибудь понимать его до конца? — сказала себе миссис Джо, так как думала об исправлении Дэна в последнее время с настоящим удовлетворением, и вместе с тем чувствовала, что мальчик — более глубокая натура, чем показалось ей сначала.

Самым тяжелым ударом для Ната стал поступок Томми. После своей потери мистер Бэнгз сказал ему дружелюбно, но твердо:

— Я не хочу обижать тебя, Нат, но, сам понимаешь, я не могу позволить себе терять деньги, так что мы больше не будем партнерами, — и с этими словами Томми стер надпись "Т. Бэнгз и Компания".

Нат был очень горд этим "и Компания", старательно искал яйца, честно вел свой счет и добавил к своим доходам существенную сумму, вырученную от продажи своей доли яиц.

— О Том! Неужели ты не можешь иначе? — воскликнул он, чувствуя, что его доброе имя в мире бизнеса утрачено навсегда.

— Не могу, — ответил Томми твердо. — Эмиль говорит, что когда кто-нибудь из компаньонов фирмы "присваивает фонды" (я думаю, это значит взять деньги и убежать с ними), партнеры преследуют его по суду или еще как-нибудь и не хотят больше иметь с ним дела. Ты присвоил мои фонды. Я не буду преследовать тебя по суду, но мне придется разорвать партнерские отношения, так как я не могу больше доверять тебе и не хочу, чтобы моя фирма прогорела.

— Я не могу заставить тебя поверить мне, что я не брал твой доллар. И ты не возьмешь мои деньги, хотя я с радостью отдал бы тебе все мои доллары, если бы ты только сказал, что не думаешь, будто это я взял твои деньги. Но позволь мне искать яйца для тебя, я буду делать это бесплатно. Я знаю все места, и мне это нравится, — просил Нат.

Но Томми покачал головой, и на его веселом круглом лице появилось жестокое и недоверчивое выражение, когда он сказал коротко:

— Не могу и жалею, что ты знаешь места. Смотри, не смей искать без меня и не кради мои яйца.

Бедный Нат не мог оправиться от обиды. Он чувствовал, что не только потерял своего партнера и патрона, но что он моральный банкрот и отверженный в мире бизнеса. Никто не верил его слову,

письменному или устному, несмотря на его усилия поправить свою репутацию, запятнанную прежней ложью. Вывеска была снята, фирма распалась, а он погибший человек. Амбар — Уолл-стрит мальчиков — больше не желал знать его. Гребешок и ее сестры напрасно звали его своим квохтаньем. Они, казалось, приняли его несчастье близко к сердцу, так как яиц стало меньше, а некоторые несущки в негодовании перебрались на новые гнезда, которых Томми не мог найти.

— Они верят мне, — сказал Нат, когда услышал об этом, и хотя мальчиков только рассмешила эта мысль, Нат нашел в ней утешение, так как когда человек теряет свое положение в обществе, любое проявление доверия, даже со стороны какой-нибудь пестрой курицы, очень помогает подняться в собственных глазах.

Томми не заключил ни с кем нового партнерского соглашения, так как подозрительность вошла в его некогда доверчивую душу и отравила ее покой. Нед предлагал войти с ним в долю, но он отклонил предложение и побуждаемый чувством справедливости, которое делало ему честь, сказал:

— Может оказаться, что Нат не брал моих денег, и тогда мы с ним могли бы опять стать партнерами. Я не думаю, что так будет, но дам ему шанс и оставлю его место незанятым еще на какое-то время.

Мистер Бэнгз чувствовал, что единственный, кому он может довериться, — это Билли, и учил его искать яйца и приносить их, не разбив. Билли старался и вполне довольствовался яблоком или засахаренной сливой в виде платы.

Наутро после мрачного воскресенья Дэна, Билли сказал своему нанимателю, демонстрируя результаты продолжительных поисков:

— Только два.

— Они несутся все хуже и хуже, никогда не видел таких вредных старых кур, — проворчал Томми, вспоминая дни, когда часто мог радоваться шести яичкам за день. — Ну, ладно, положи их в мою шляпу и достань мне новый мелок; все равно ведь надо их записать.

Билли влез на подножку веялки и заглянул внутрь машины, где Томми держал свои письменные принадлежности.

— Тут куча денег, — сказал Билли.

— Да нет там ничего. Чтоб я стал теперь оставлять мои деньги где попало! — отозвался Томми,

— Я вижу один, четыре, восемь, два доллара, — настаивал Билли, который еще не вполне овладел счетом.

— Ну что ты выдумываешь! — и Томми подпрыгнул, чтобы самому взять мел, но почти свалился вниз, так как в веялке действительно лежали в ряд четыре новеньких двадцатипятицентовика вместе с запиской, на которой было написано "Тому Бэнгзу", чтобы не было ошибки.

— Тыща черепах! — ахнул Томми и, схватив монетки, бросился в дом, завопив: — Все в порядке! Деньги у меня! Где Нат?

Скоро его нашли, и его удивление и удовольствие были столь неподдельными, что почти никто не усомнился в его словах, когда он стал отрицать, что ему известно что-либо о происхождении этих денег.

— Как мог я положить их обратно, когда я их не брал? Поверьте мне на этот раз и относитесь ко мне снова по-доброму, — сказал он так умоляюще, что Эмиль хлопнул его по спине и объявил, что на этот раз верит.

— И я тоже! Я ужасно рад, что это не ты. Но кто же, тыща черепах? — сказал Томми, сердечно пожав руку Нату.

— Неважно, раз они нашлись, — сказал Дэн, остановив взгляд на счастливом лице Ната.

— Неважно? Скажешь тоже! Я не желаю, чтобы мои вещи пропадали, а потом появлялись как из шляпы фокусника, — воскликнул Томми, глядя на деньги так, словно подозревал, что тут не обошлось без колдовства.

— Мы найдем его когда-нибудь, хотя он был хитер и написал "Томми Бэнгзу" печатными буквами, чтобы никто не узнал его по почерку, — сказал Франц, изучая записку.

— Деми придет печатными буквами очень хорошо, — вставил Роб, который не вполне понимал из-за чего вся эта суматоха.

— Ну нет, я не поверю, что это он, сколько не уверяй! — заявил Томми, и остальные рассмеялись, так как "маленький дьякон", как они называли его, был вне подозрений.

Нат чувствовал, с каким уважением они относятся к Деми, и с готовностью отдал бы все, что имел или надеялся когда-либо иметь, за то, чтобы так уважали его, так как успел узнать, как легко потерять доверие других и как невероятно трудно завоевать его вновь. Правда

стала для него драгоценностью, с тех пор как он так пострадал от того, что некогда пренебрегал ею.

Мистер Баэр был очень рад, что один шаг в правильном направлении уже сделан, и с надеждой ждал дальнейших объяснений. Они явились раньше, чем он ожидал, и таким образом, что чрезвычайно удивили и огорчили его. Когда они сидели в тот вечер за ужином, миссис Баэр вручили прямоугольный сверток — посылку от соседки, миссис Бейтс. Посылку сопровождала записка, и пока мистер Баэр читал ее, Деми развернул посылку и, увидев ее содержимое, воскликнул:

— Да это же та самая книга, которую дядя Тедди подарил Дэну!

— Черт! — вырвалось у Дэн, так как он еще не совсем избавился от привычки ругаться, хотя и очень старался. Мистер Баэр быстро поднял взгляд, услышав это слово. Дэн попытался встретить его взгляд, но не смог и опустил глаза, и сидел кусая губы и краснея все больше, пока не стал выглядеть как воплощение стыда.

— Что такое? — спросила миссис Баэр встревоженно.

— Я предпочел бы поговорить об этом наедине, но Деми испортил мой план, так что я, пожалуй, не стану откладывать разговор, — сказал мистер Баэр; вид у него при этом был довольно суровый, что бывало всегда, когда раскрывалась какая-нибудь подлость или обман и требовалось разбирательство.

— Записка от миссис Бейтс. Она пишет, что ее сын Джимми показал ей вот эту книгу, которую купил у Дэна за доллар в прошлую субботу. Она увидела, что книга стоит гораздо больше доллара, и подумала, что произошла какая-то ошибка, и прислала нам книгу обратно. Ты продал ее, Дэн?

— Да, сэр, — последовал медленный ответ.

— Зачем?

— Нужны были деньги.

— Для чего?

— Заплатить.

— Кому ты был должен?

— Томми.

— Да он в жизни у меня ни цента не занял, — воскликнул Томми с испуганным видом, так как догадывался, что последует за этим, и

чувствовал, что, пожалуй, предпочел бы, чтобы произошедшее объяснялось колдовством, так как невероятно восхищался Дэном.

— Ага, это он взял деньги, а потом их подкинул! — крикнул Нед, державший злобу на Дэна за то, что тот окунул его в ручей, и, будучи обыкновенным смертным мальчиком, обрадовался возможности расквитаться за обиду.

— О Дэн! — воскликнул Нат, пытаясь стиснуть руки, хоть и держал в них в этот момент хлеб с маслом.

— Это неприятно, но я должен разобраться в этом деле, так как не могу допустить, чтобы вы следили друг за другом как сыщики, и вся школа была в смятении. Ты положил доллар в веялку сегодня утром? — спросил мистер Баэр.

Дэн посмотрел ему прямо в лицо и отвечал решительно:

— Да, это я.

Шепот пробежал вокруг стола, Томми с грохотом уронил свою кружку, Дейзи выкрикнула: "Я знала, что это не Нат!", Нэн заплакала, а миссис Джо вышла из комнаты с таким разочарованным, огорченным и пристыженным видом, что Дэн не мог этого вынести. Он на мгновение закрыл лицо руками, затем вскинул голову, расправил плечи, словно взваливая на них какую-то ношу, и сказал, с упрямым видом и тем вызывающим тоном, которым говорил, когда впервые появился в Пламфильде.

— Да, я сделал это, и теперь можете делать со мной, что хотите, но я не скажу больше ни слова.

— Даже не скажешь, что сожалеешь об этом? — спросил мистер Баэр, обеспокоенный переменой в мальчике.

— Я не сожалею.

— Я прощу его, ни о чем не спрашивая, — сказал Томми, чувствуя, что почему-то ему тяжелее видеть позор храброго Дэна, чем робкого Ната.

— Не хочу, чтобы меня прощали, — отозвался Дэн грубовато.

— Возможно, ты все же захочешь этого, когда посидишь и спокойно подумаешь в одиночестве о своем поступке. Я не стану говорить тебе сейчас, как я удивлен и разочарован, но потом я приду к тебе и поговорю с тобой в твоей комнате.

— Это ничего не изменит, — сказал Дэн. Он хотел произнести свои слова с вызовом, но не смог — перед ним было такое печальное,

огорченное лицо мистера Баэра, — и, приняв его слова за распоряжение, Дэн покинул комнату, словно чувствовал, что не может дольше оставаться.

Но ему было бы полезно остаться, так как мальчики говорили о случившемся с таким искренним огорчением и удивлением, что это могло бы тронуть его и заставить просить прощения. Никто, даже Нат, не обрадовался, узнав, кто виноват, так как, несмотря на все его недостатки, а их было множество, всем в Пламфильде теперь нравился Дэн, так как под его грубой внешностью скрывались мужские добродетели, которыми мы восхищаемся и которые любим. Миссис Джо считала себя главной опорой, так же как и воспитательницей Дэна, и она приняла близко к сердцу то, что ее последний и самый интересный мальчик оказался таким нечестным. Кража — это было уже плохо само по себе, но лгать об этом и заставить другого страдать от несправедливых подозрений — это было еще хуже, и уж совсем обескураживала его попытка вернуть деньги потихоньку, так как свидетельствовала не только о недостатке смелости, но и о способности обманывать, предрекавшей плохое будущее. Еще больше огорчал ее решительный отказ Дэна обсуждать случившееся, просить прощения или выразить раскаяние. Дни проходили, он занимался своими уроками и работой, молчаливый, угрюмый, нераскаявшийся. Словно наученный печальным опытом Ната, он не просил ни у кого сочувствия, отвергал попытки примирения со стороны мальчиков и проводил свободные часы, бродя по полям и лесам, стараясь найти товарищей в птицах и животных, что удавалось ему лучше, чем большинству мальчиков, так как он знал и любил природу.

— Если так пойдет и дальше, я боюсь, он опять убежит. Он слишком молод, чтобы выносить все это, — сказал мистер Баэр, расстроенный тем, что все его усилия помочь Дэну оказались безрезультатны.

— Совсем недавно я была уверена, что ничто не заставит его уйти от нас, но теперь готова ко всему. Он так изменился, — отозвалась бедная миссис Джо, которая оплакивала своего мальчика и была безутешна, так как он сторонился ее больше чем кого-либо, и только смотрел на нее умоляющими и одновременно свирепыми глазами дикого животного, попавшего в капкан, когда она пыталась поговорить с ним наедине.

Нат следовал за ним как тень, и Дэн не прогонял его так резко, как других, но говорил, как всегда с грубоватой откровенностью:

— У тебя теперь все в порядке, а обо мне не беспокойся. Я могу вынести это лучше, чем ты.

— Но я не хочу, чтобы ты оставался совсем один, — обычно отвечал Нат, очень печально.

— Мне так нравится, — и Дэн уходил, подавляя порой вздох, так как ему все же было одиноко.

Проходя однажды через березовую рощу, он набрел на компанию мальчиков, которые развлекались тем, что влезали на высокие молодые деревья и раскачивали их так, чтобы можно было соскользнуть на землю, когда гибкие ветви склонятся почти до земли. Дэн приостановился, чтобы посмотреть на забаву, не выражая желаний присоединиться к ней, и стоял так, пока не подошла очередь Джека. Тот, к несчастью, выбрал слишком большое дерево, и, когда раскачался, оно только немного нагнулось, оставив его висеть на опасной высоте.

— Слезай по стволу, тебе не спрыгнуть! — крикнул ему снизу Нед.

Джек попытался двинуться по суку в обратном направлении, но его руки скользили. Он дрыгал ногами, извивался, хватался за ветки, но все было напрасно, и, оставив все усилия, он повис, обессиленный и запыхавшийся, беспомощно вскрикивая:

— Держите меня! Помогите! Ой, сейчас свалюсь!

— Да ты убьешься насмерть! — взвизгнул Нед, обезумев от страха.

— Держись! — крикнул Дэн и, ломая ветки, полез по стволу, а затем по длинному суку, пока почти не добрался до Джека, смотревшего на него со страхом и надеждой.

— Теперь слезайте оба, — сказал Нед, приплясывая от возбуждения под деревом, в то время как Нат стоял рядом, протянув руки к Джеку, в безумной надежде предотвратить его падение.

— Этого я и хочу; отойдите в сторонку, — отвечал Дэн холодно и с этими словами всем своим весом пригнул дерево ближе к земле.

Джек благополучно соскользнул с ветки, но, избавившись от половины своего груза, береза тут же взлетела вверх, да так внезапно,

что Дэн, раскачавшийся, чтобы спрыгнуть, не удержался и тяжело упал на землю.

— Ничего не сломал, сейчас все будет в порядке, — сказал он, садясь, немного бледный и оглушенный ударом, когда мальчики столпились вокруг него, полные восхищения и тревоги.

— Ты молодчина, Дэн. Ты меня спас, — воскликнул Джек с благодарностью.

— Ерунда, — пробормотал Дэн, медленно поднимаясь.

— Не ерунда, и я пожму тебе руку, хоть ты и... — Нед подавил готовое вырваться обидное слово и протянул руку, чувствуя, что это красивый жест с его стороны.

— Я руку подлецам не пожимаю, — и Дэн отвернулся с презрительным видом, заставившим Неда вспомнить о сцене у ручья и удалиться с не слишком достойной поспешностью.

— Пойдем домой, Дэн, я тебе помогу, — и Нат ушел с Дэном, оставив остальных обсуждать подвиг, размышлять, когда Дэн "оправится", и в один голос заявлять: "Пропади они пропадом, эти деньги Томми — столько от них неприятностей!"

Когда мистер Баэр вошел в класс на следующее утро, у него был такой счастливый вид, что мальчики удивились, и у них, право же, возникла мысль, что он сошел с ума, когда он подошел прямо к Дэну и, взяв его обе руки в свои и сердечно пожимая их, заговорил, не переводя дыхания:

— Я все знаю, и прошу у тебя прощения. Это так на тебя похоже, и я так люблю тебя за это, хотя никогда не следует прибегать ко лжи, пусть даже и ради друга.

— Что такое? — воскликнул Нат, так как Дэн не сказал ни слова, только выпрямился и поднял голову, словно какая-то тяжесть упала с его плеч.

— Дэн не брал деньги Томми! — почти выкрикнул мистер Баэр, так он был рад.

— А кто же их взял? — спросили мальчики хором.

Мистер Баэр указал на одно пустующее место в классе. Все смотрели на незанятый стул широко раскрытыми глазами, но с минуту никто не говорил — все были так удивлены.

— Джек убежал домой сегодня рано утром, но оставил вот это, — и в наступившей тишине мистер Баэр прочитал записку, которую

нашел привязанной к ручке двери своей спальни, когда проснулся.

— "Это я украл доллар Томми. Я подглядывал в щелку и видел, как он положил деньги в веялку. Я хотел признаться и раньше, но боялся. Мне было не очень жалко Ната, но Дэн — молодец, и я больше не могу молчать. Я не потратил эти деньги. Они под ковром у меня в комнате, прямо под умывальником. Мне ужасно жаль, что я их взял. Я уйду домой и никогда не вернусь. Так что Дэн может взять все мои вещи.

Джек"

Это было не слишком изящное послание, плохо написанное, с множеством клякс и очень краткое, но для Дэна это была драгоценная бумага, и, когда мистер Баэр сделал паузу, мальчик подошел к нему и сказал чуть сдавленным голосом, но с ясным, открытым взглядом, в искренней, уважительной манере, которой они старались научить его:

— Теперь я могу сказать, что мне очень жаль, и я прошу вас простить меня, сэр.

— Это была ложь во спасение, Дэн, и я не могу не простить тебя, но, ты видишь, ложь никогда не приносит пользы, — сказал мистер Баэр, положив руки ему на плечи и глядя на него с выражением любви и облегчения.

— Она помогла удержать мальчиков от желания мучить Ната. Вот для чего я это сделал. Он был совсем несчастен. Мне было не так тяжело, — объяснил Дэн, словно радуясь возможности высказаться после упорного молчания.

— Как мог ты решиться на такое?.. Но ты всегда был так добр ко мне, — запинаясь, вымолвил Нат, чувствуя огромное желание обнять друга и заплакать — и то, и другое возмутило бы Дэна до последней степени, так как, по его мнению, обниматься и плакать подобало только девчонкам.

— Теперь все в порядке, дружище, не глупи, — сказал он, проглотив комок в горле и смеясь так, как уже много недель не смеялся. — Миссис Баэр знает? — спросил он горячо.

— Да, и так счастлива, что даже не знаю, что она с тобой сделает, — начал мистер Баэр, но не успел сказать ничего больше, так

как все мальчики столпились вокруг Дэна, толкаясь и наперебой выражая свое удовольствие и любопытство, но прежде чем он ответил на десяток вопросов, послышался громкий голос:

— Троекратное ура в честь Дэна! — Это была миссис Джо. Она стояла в дверях, размахивая кухонным полотенцем, и вид у нее был такой, словно она готова заплясать от радости, как делала, когда была девочкой.

— Да-да! — подхватил мистер Баэр. Мальчики присоединились к нему, и их громкое "ура" ошеломило Эйзи в кухне и заставило старого мистера Робертса, проезжавшего мимо по дороге, покачать головой и сказать:

— Школы теперь совсем не то, что были в мое время!

Сначала Дэн только смущенно улыбался, но вид совершенно счастливой миссис Джо так взволновал его, что слезы навернулись у него на глаза и он вдруг метнулся через холл в гостиную, куда она тут же последовала за ним, и их не видели с полчаса.

Мистеру Баэру оказалось нелегко успокоить его возбужденный выводок, и видя, что приступить к уроку пока не представляется возможным, он завладел их вниманием, рассказав им прекрасную старую историю о двух друзьях, чья верность друг другу обессмертила их имена. Мальчики выслушали и запомнили ее на всю жизнь, так как именно в этот момент их сердца были полны восхищения верностью более скромной пары друзей. Ложь была грехом, но любовь, подтолкнувшая ко лжи, и мужество, вынесшее в молчании незаслуженный позор, сделали Дэна героем в их глазах. Слова честность и честь обрели для них новый смысл, вера друг в друга явилась им как единственное, что может сделать жизнь спокойной и счастливой, а доброе имя стало в их глазах более драгоценным, чем золото, так как, если оно потеряно, его не купишь снова ни за какие деньги.

Томми с гордостью восстановил прежнее название фирмы, Нат был неизменно предан Дэну, все мальчики старались загладить обиды, нанесенные двум друзьям необоснованными подозрениями и пренебрежением. Миссис Джо радовалась дружной жизни своего шумного выводка, а мистер Баэр не уставал вновь и вновь рассказывать историю его юных Дамона и Питиаса.

Глава 14

На иве

Старое дерево видело и слышало немало маленьких сценок и признаний в то лето, так как оно стало излюбленным пристанищем всех детей, и можно было подумать, что ива этому рада — она всегда оказывала им хороший прием, и тихие часы, проведенные в ее ветвях, доставляли им немало удовольствия. В один воскресный день на иве побывало немало гостей, и одна маленькая птичка подробно сообщила нам, что происходило там.

Сначала к иве пришли Нэн и Дейзи со своими маленькими тазиками и кусочками мыла, так как время от времени эти дамы испытывали внезапные приступы любви к чистоте и стирали одежду своих кукол. Эйзи не желала, чтобы они "дрызгались" в ее кухне, а пользоваться ванной без присмотра старших было запрещено с тех пор, как Нэн однажды забыла закрыть воду, и та, перелившись через край ванны, просочилась через пол и испортила потолок на первом этаже, — в силу этих причин стирать приходилось в ручье. Дейзи принялась за дело методично: сначала выстирала белое, а затем цветное, все тщательно выполоскала, развесила сушиться на веревочке, протянутой от одного куста барбариса к другому, и закрепила, чтобы ветер не унес, крошечными прищепками, которые Нед выточил для нее. Но Нэн замочила свои вещички все вместе и забыла о них на то время, пока собирала пушинки чертополоха, чтобы набить подушку для одной из кукол, носившей имя Семирамида, царица Вавилонская^[36]. Собрание пушинок заняло немало времени, и когда миссис Прыг-Скок пришла, чтобы вынуть из тазика одежды своих кукол, то увидела на всем — на розовых и голубых платяцах, на маленьких белых рубашечках и даже на лучшей сборчатой нижней юбочке — темно-зеленые пятна, так как она забыла о зеленой шелковой подкладке одной перелины и замочила ее вместе со всем остальным.

— Ох! Вот беда! — вздохнула Нэн.

— Разложи их на траве, чтобы выгорели и отбелились, — сказала Дейзи с видом многоопытной хозяйки.

— Так я и сделаю, а мы пока можем посидеть наверху, в "гнездышке", и последить, чтобы они не улетели.

Предметы гардероба вавилонской царицы были разложены на берегу ручья, и перевернув свои тазики вверх дном, чтобы сохли, маленькие прачки взобрались на иву и погрузились в беседу, как это всегда бывает у дам в промежутках между домашними трудами.

— Я собираюсь сделать еще и перину из куриных перышек, — сказала миссис Прыг-Скок, когда переложила пушинки чертополоха из кармана в носовой платок, потеряв при этом половину.

— Я не стала бы. Тетя Джо говорит, что перины — это нездорово. Я никогда не разрешаю моим детям спать ни на чем, кроме матраса, — решительно заявила миссис Шекспир Смит.

— Я не боюсь за моих детей; у них такое крепкое здоровье, что они часто спят просто на полу и ничего им не делается (что было сущей правдой). — Я не могу найти девять матрасов, но люблю делать кровати сама.

— А Томми берет плату за пух и перья?

— Может быть, он и взял бы, но я не собираюсь платить ему, а сам просить плату он не будет, — отвечала миссис Прыг-Скок, жестоко злоупотребляя хорошо известным добродушием мистера Бэнгза.

— Я думаю, что розовая краска сойдет с того платья раньше, чем зеленое пятно, — заметила миссис Смит, взглянув вниз со своей жердочки и меняя тему разговора, так как она и ее собеседница расходились во взглядах по многим вопросам, а миссис Смит была очень вежливой дамой.

— Ну и пусть! Мне надоели куклы. Я, наверное, затолкаю их всех куда-нибудь подальше и буду заниматься только моим огородиком; мне это больше нравится, чем играть в дочки-матери, — сказала миссис Прыг-Скок, неосознанно выражая желание многих дам более старшего возраста, которые, впрочем, не могут с такой же легкостью избавиться от своих семейств.

— Но ты не должна бросать их; они умрут без мамы! — вскричала нежная миссис Смит.

— Пусть умирают, мне надоело возиться с младенцами. Я собираюсь играть с мальчиками. Им я тоже нужна. — должен же кто-то и за ними приглядеть, — отвечала решительная леди.

Дейзи понятия не имела о существовании каких-то женских прав, но спокойно делала все, что хотела, и никто не отвергал ее претензий, поскольку она никогда не принималась за то, что могло оказаться ей не по силам, и неосознанно пользовалась могучей силой собственного обаяния, чтобы добиться от других тех привилегий, которыми, как она уже доказала, способна пользоваться. Нэн же перепробовала немало самых разных занятий и, не обескураженная самыми роковыми неудачами, пылко требовала, чтобы ей было позволено делать все, что делают мальчики. Они смеялись над ней, прогоняли ее, чтобы "не путалась под ногами", и протестовали против ее вмешательства в их дела. Но ее было невозможно утихомирить, и ее голос был всегда слышен, так как она обладала сильной волей и духом страстного реформатора. Миссис Баэр сочувствовала ей, но старалась обуздать ее неистовое желание абсолютной свободы, показывая ей, что она должна немного подождать, подрасти, научиться самоконтролю и подготовиться к тому, чтобы пользоваться свободой, прежде чем безоглядно требовать ее. У Нэн бывали моменты кротости, когда она соглашалась с этими аргументами, и воспитание постепенно приносило плоды. Она больше не объявляла, что станет кочегаром на железной дороге или кузнецом, но обратила свои честолюбивые устремления на сельское хозяйство и нашла в нем выход для переполнявшей ее энергии. Впрочем, даже это занятие не совсем удовлетворяло ее, так как ее шалфей и майоран были бесчувственными и не благодарили ее за заботу. Ей хотелось человеческого общения, чего-то, что можно любить, для чего работать и что защищать, и она никогда не чувствовала себя счастливее, чем в те минуты, когда маленькие мальчики прибежали к ней с порезанными пальцами, шишками на лбу и ссадинами на коленках, чтобы она "помогла". Видя это, миссис Джо предложила ей научиться "помогать" правильно, и Нянюшка получила способную ученицу, упешно постигавшую секреты перевязок, пластырей и припарок. Мальчики начали называть ее Доктор Прыг-Скок, — и ей это так нравилось, что миссис Джо сказала однажды профессору.

— Фриц, мне кажется, я понимаю, что мы можем и должны сделать для этого ребенка. Она уже сейчас хочет найти что-то, ради чего стоит жить, и может превратиться в одну из многочисленных умных, сильных, но неудовлетворенных женщин, если только не

получит то, что ищет. Мы не должны относиться со снисходительным пренебрежением к ее беспокойной маленькой натуре; наша задача — сделать все, что в наших силах, чтобы дать ей работу по душе, а со временем убедить ее отца позволить ей изучать медицину. Из нее выйдет отличный врач, так как она обладает смелостью, крепкими нервами и горячим сердцем, в котором живут глубокая любовь и жалость к слабым и страдающим.

Мистер Баэр сначала только улыбнулся, но согласился попробовать. Он отвел Нэн участок для выращивания лекарственных растений и начал рассказывать ей об их целебных свойствах, позволяя ей испытывать их действие на детях в случае каких-нибудь легких недомоганий. Она училась быстро, запоминала хорошо и проявляла здравый смысл и интерес, весьма ободрявшие ее учителя, который никогда не закрывал дверь в мир знаний перед носом этой любознательной маленькой женщины.

Она думала обо всем этом, сидя на иве в тот день. И, когда Дейзи сказала, как всегда мягко:

— Мне нравится играть в дочки-матери, и я хочу вести хозяйство для Деми, когда мы вырастем и будем жить вместе, -

Нэн отвечала решительно:

— Ну, у меня братьев нет, и я не хочу обременять себя никаким хозяйством. У меня будет кабинет с кучей бутычек, ящичков и всяких там разных пестиков, и я буду разъезжать везде на лошади или в экипаже и лечить больных людей. Вот будет весело!

— Фу! Как ты можешь выносить все эти ужасные запахи и противные порошки, и касторку, и сенну, и сироп от кашля? — воскликнула Дейзи с содроганием.

— Да ведь мне самой не придется их принимать, так что мне все равно. К тому же, эти лекарства делают людей здоровыми, а мне нравится лечить людей. Разве мой чай из шалфея не вылечил маму Баэр от головной боли, а мой настой из шишечек хмеля не помог Неду от зубной боли всего за пять часов? Так-то вот!

— И ты будешь сажать пиявки на людей и отрезать ноги, и вырывать зубы? — спросила Дейзи, содрогаясь при одной этой мысли.

— Да, я буду делать все; пусть даже человек разбился в дребезги, я все равно его вылечу. Мой дедушка был доктором, и я видела однажды, как он зашил одному человеку громадный порез на щеке. А я

стояла и держала губку с хлороформом, и мне совсем не было страшно, и дедушка сказал, что я храбрая девочка.

— Как ты смогла? Мне жаль больных, и я хотела бы ухаживать за ними, но у меня ноги дрожат при виде любой раны и приходится убегать. Нет, я не храбрая девочка, — вздохнула Дейзи.

— Ничего, ты сможешь быть сиделкой или будешь держать моих пациентов, когда я буду давать им слабительное или отрезать ноги, — сказала Нэн, чьей врачебной практике, очевидно, предстояло быть героического рода.

— Эй, на судне! Где ты, Нэн? — окликнул голос снизу.

— Мы здесь. Влезай сюда.

— Есть! — сказал голос, и появился Эмиль, держащийся одной рукой за другую, с лицом сморщенным, словно от боли.

— О, что случилось? — с тревогой воскликнула Дейзи.

— Проклятая заноза у меня в большом пальце. Не могу вытащить. Попробуй ты, Нэн.

— Она очень глубоко, а у меня нет иголки, — сказала Нэн, с интересом изучая измазанный смолой палец.

— Бери булавку, — заторопил ее Эмиль.

— Нет, она слишком большая, и конец у нее не очень острый.

Тут Дейзи, сунувшая руку в карман, протянула аккуратный игольничек с четырьмя иглами в нем.

— Цветочек ты наш! Всегда у тебя есть то, что нам нужно, — сказал Эмиль, и Нэн решила впредь тоже носить игольничек в своем кармане, так как случаи, подобные этому, часто имели место в ее практике.

Дейзи закрыла глаза, но Нэн тыкала и ковыряла уверенной рукой, в то время как Эмиль давал ей указания в терминах, неизвестных ни в одной области медицины:

— Право руля! Так держать! Попробуй другим галсом! Раз-два взяли! Пошла!

— Пососи палец, — распорядилась Доктор Прыг-Скок, опытным взглядом обозревая занозу.

— Слишком уж он грязный — возразил пациент, встряхивая окровавленным пальцем.

— Подожди, я сделаю перевязку, если у тебя есть носовой платок.

— Нет, возьми одну из тех тряпиц на траве.

— Скажешь тоже! Это же кукольная одежда! — негодуяще воскликнула Дейзи.

— Ничего, возьми из моих. Я хочу перевязать твой палец, — сказала Нэн, и, прыгнув, Эмиль схватил первую попавшуюся "тряпицу". Ею оказалась царская нижняя юбочка в оборках, но Нэн разорвала ее без ропота или сомнения и, превратив в аккуратную маленькую повязку, отпустила пациента, распорядившись:

— Держи повязку влажной и не тереби, тогда ранка не будет болеть и быстро заживет.

— Сколько с меня? — спросил Коммодор со смехом.

— Нисколько; у меня диспансер, то есть место, где бедные люди лечатся бесплатно, — объяснила Нэн с высокомерным видом.

— Спасибо, Доктор Прыг-Скок. Я всегда буду приходить к тебе, если поранюсь, — и Эмиль удалился, но все же оглянулся, чтобы — так сказать, услуга за услугу — предупредить: — Твои тряпички улетают, Доктор.

Забыв о непочтительном "тряпички", дамы поспешно спустились и, собрав свою стирку, удалились в дом, чтобы развести огонь в маленькой печечке, согреть утюжки и взяться за глажение.

Мимолетное дыхание ветра сотрясло старое дерево, словно оно посмеивалось негромко над детской беседой, завершившейся в "гнездышке", и едва успело успокоиться, как на нем уселась другая пара птичек, чтобы доверительно пощебетать.

— Знаешь, я скажу тебе секрет, — начал Томми, явно раздуваясь от важности.

— Скажи, — ответил Нат, жалея, что не принес с собой скрипку, на иве было так хорошо — тенисто и тихо.

— Так вот, мы с ребятами говорили о последнем интересном случае наличия косвенных улик, — сказал Томми, цитируя наугад из речи, которую Франц произнес на последнем заседании Клуба, — и я предложил сделать Дэну подарок, чтобы загладить, так сказать, и извиниться, что мы его подозревали, и показать наше уважение и так далее — ну, ты понимаешь... подарить что-нибудь красивое и полезное, что он мог бы оставить на память и гордиться. И что, ты думаешь, мы выбрали?

— Сачок, он так хотел его, — сказал Нат, с несколько разочарованным видом, так как рассчитывал сам сделать Дэну такой

подарок.

— Нет, сэр! Это будет микроскоп, шикарный микроскоп, такой, через который можно видеть этих, как там они называются, в воде, и звезды, и муравьиные яйца и все такое прочее. Разве не отличный подарок? — спросил Томми, смешав микроскопы и телескопы в своих пояснениях.

— Великолепный! Я так рад! Но не будет ли это ужасно дорого? — воскликнул Нат, чувствуя, что его друга начинают ценить по заслугам.

— Конечно будет, но каждый из нас собирается внести пожертвование. Я возглавил список с моими пятью долларами — если уж делать, надо делать красиво!

— Что? Все твои деньги? Никогда не видел такого щедрого парня, как ты, — и Нат широко улыбнулся с искренним восхищением.

— Ну, понимаешь, мне надоело все время тревожиться о моей собственности, и я не хочу больше копить. Буду делать подарки на все деньги, какие у меня появятся, и тогда никто никогда не будет мне завидовать, и никому не захочется меня обокрасть, и я не буду никого подозревать и волноваться о моих дурацких деньгах, — отвечал Томми, утомленный обременительными заботами и тревогами миллионера.

— А мистер Баэр позволит тебе?

— Он решил, что это отличный план, и сказал, что лучшие люди, каких он знал, предпочитали тратить свои деньги на добрые дела, вместо того, чтобы сколачивать состояние, из-за которого будут ссориться после их смерти наследники.

— Твой папа богатый, он тоже тратит все свои деньги на добрые дела?

— Я не уверен; знаю только, что он дает мне все, что я захочу. Я собираюсь поговорить с ним об этом, когда поеду домой. Во всяком случае, я подам ему хороший пример, — и Томми был так серьезен, что Нат не посмел улыбнуться, но сказал почтительно:

— Ты ведь очень много сможешь сделать на свои деньги, правда?

— Это и мистер Баэр сказал и обещал давать мне советы, как с пользой их потратить. Я собираюсь начать с Дэна, а в следующий раз, когда накоплю около доллара, сделаю что-нибудь для Дика, он отличный парень, а у него только цент в неделю на карманные

расходы. Он не может много заработать, понимаешь, так что я собираюсь о нем позаботиться. — Добросердечный Томми горячо жаждал начать осуществлять свои планы.

— Я думаю, это хорошая идея, и я тоже больше не буду копить на скрипку. Я собираюсь подарить Дэну сачок, а если деньги останутся, сделаю что-нибудь приятное для бедного Билли. Он любит меня, и хотя он не бедный, ему будет приятно получить от меня маленький подарок, так как я лучше других могу выяснить, чего ему хочется. — И Нат задумался о том, сколько счастья могут принести его драгоценные три доллара.

— Пойдем и спросим мистера Баэра, нельзя ли тебе поехать в город со мной в понедельник после обеда, чтобы ты мог купить сачок, пока я буду покупать микроскоп. Франц и Эмиль тоже поедут. Мы все вместе побегаем по магазинам и отлично проведем время.

Мальчики ушли рука об руку, обсуждая новые планы с забавной важностью, однако уже начиная чувствовать приятное удовлетворение, которое приходит к тем, кто пытается, пусть и в скромной мере, быть земным провидением для бедных и беспомощных и золотить свою лепту золотом благотворительности, вместо того, чтобы прятать туда, куда могут вломиться воры.

— Давай взлезем на иву и отдохнем, пока перебираем листья, здесь так прохладно и приятно, — сказал Деми, возвращаясь вместе с Дэном домой после долгой прогулки в лесах.

— Хорошо, — кивнул Дэн, который был немногословен, и они влезли.

— Почему осиновые листья дрожат больше, чем у других деревьев? — спросил любознательный Деми, уверенный, что получит от Дэна, как всегда, исчерпывающий ответ.

— Они висят иначе. Видишь, черешок листа, там, где он подходит к самому листу, наклонен в одну сторону, а где к ветке — в другую. Поэтому малейший порыв ветра заставляет лист трепетать, а вот у вяза листья висят прямо и держатся почти неподвижно.

— Как интересно! А эти? — и Деми взял в руки веточку акации, которую отломил с кустика на газоне — так она была красива.

— Эти закрываются, когда их трогаешь. Проведи пальцем вниз посередине черешка и посмотри, как листья закрутятся, — сказал Дэн, разглядывавший в это время кусочек слюды.

Деми провел пальцем по веточке — маленькие листики тут же закрылись, так что, казалось, остался один ряд листиков вместо двух.

— Мне нравится! Расскажи мне и про остальные. Что это за лист? — спросил Деми, взяв новую веточку.

— Это лист тутового дерева, его еще зовут шелковицей. Такими листьями кормят шелковичных червей. Они едят и едят, а потом начинают заматывать себя в кокон. Я был один раз на шелковой фабрике, и там вдоль длинных комнат шли полки, покрытые листьями, и черви поедали их так жадно, что шелест слышался. Иногда они так много едят, что умирают. Скажи это Стаффи, — и Дэн засмеялся, взяв кусочек камня, покрытого лишайником.

— А это коровяк! Я кое-что об этом листе знаю: феи накрываются ими как одеяльцами, — сказал Деми, которому все еще нравилось немного верить в существование маленького зеленого народца.

— Если бы у меня был микроскоп, я показал бы тебе кое-что красивее фей, — сказал Дэн, думая о том, появится ли у него когда-нибудь это желанное сокровище. — Я знал одну старушку, которая носила листья коровяка на голове, так как у нее болело лицо. Она сшивала их вместе и носила как чепец.

— Забавно! Это была твоя бабушка?

— У меня никогда не было бабушки. Та старушка была довольно странной и жила одна в маленьком полуразвалившемся домике с девятнадцатью кошками. Люди называли ее колдуньей, но она не была никакой колдуньей, хотя выглядела как старый лоскутный мешок. Она была очень добра ко мне, когда я жил в том городке, и позволяла мне приходиться и греться у ее очага, когда мне плохо приходилось в богадельне — люди там бывали ко мне жестоки.

— Ты жил в богадельне?

— Недолго. Впрочем, неважно, я не хотел говорить об этом, — и Дэн резко прервал свой необычный приступ общительности.

— Расскажи, пожалуйста, о ее кошках, — сказал Деми, чувствуя, что задал неприятный вопрос, и сожалея об этом.

— Что тут рассказывать? Просто у нее их было полно, и она держала их ночью в бочке, а я иногда спотыкался о бочку и опрокидывал ее, и тогда они разбегались по всему дому, а она ругалась и ловила их, и загоняла обратно, шипящих и воющих как фурии.

— Она к ним хорошо относилась? — спросил Деми с заразительным детским смехом, приятным для слуха.

— Думаю, что да. Бедная старушка! Она собрала всех бродячих и больных кошек в городке, и когда кому-нибудь требовалась кошка, он шел к мамаше Уэббер, и она разрешала им выбирать кошку любой породы и любого цвета, какую только захотят, и просила лишь девять пенсов и радовалась, что еще у одной из ее кошечек будет хороший дом.

— Я хотел бы познакомиться с этой мамашей Уэббер. Она все еще живет в том городке?

— Она умерла. И вся моя родня умерла, — сказал Дэн коротко.

— Жаль, — и Деми сидел с минуту в молчании, размышляя, какую безопасную тему можно затронуть дальше. Он чувствовал, что, возможно, не совсем тактично продолжать разговор о покойной леди, но его очень интересовали кошки, так что он не смог удержаться и мягко спросил:

— Она лечила больных кошек?

— Иногда. У одной была сломана нога, и она привязала ей палочку, и все срослось, а у другой были судороги, и она лечила ее травами и вылечила. Но некоторые из них умирали, и тогда она хоронила их, а тех, которые были неизлечимы, она убивала их, не причиняя им страданий.

— Как? — спросил Деми, чувствуя, что было какое-то особое очарование в этой старушке и что ее кошки были объектом шуток, так как, говоря о ней, Дэн слегка улыбался.

— Одна добрая леди, любившая кошек, научила ее, как это делается, и дала ей все необходимое, а потом присылала ей своих собственных кошек, когда их требовалось усыпить. Мамаша Уэббер клала губку, смоченную эфиром, внутрь старого ботинка, а затем совала кошку головой в ботинок. Эфир мгновенно усыплял ее, а потом кошку топили в теплой воде, прежде чем она успевала проснуться.

— Надеюсь, кошкам не было больно умирать. Я расскажу об этом Дейзи. Ты повидал так много интересного! — сказал Деми, и задумался о богатом жизненном опыте мальчика, который долго бродяжничал и сам заботился о себе в большом городе.

— Иногда мне жаль, что я все это видел.

— Почему? Разве тебе не приятно вспоминать?

— Нет, я хотел бы забыть.

— Да, необыкновенно трудно управлять своими чувствами и умом, — сказал Деми, обхватывая колени руками и глядя вверх, на небо, словно ожидая оттуда сообщения на свою любимую тему.

— Чертовски трудно... нет-нет, я не хотел... — и Дэн закусил губу, так как запретное слово сорвалось у него с языка вопреки его воле, а он хотел быть особенно осмотрительным в разговоре с Деми.

— Я буду играть, что я не слышал этого слова, — сказал Деми, — а ты, я уверен, больше его не скажешь.

— Не скажу, если только удастся. Мне хотелось бы забыть все такие слова. Я изо всех сил стараюсь забыть, но пользы от этого, похоже, немного. — Дэн выглядел обескураженным.

— Польза есть. Ты уже не употребляешь так много плохих слов, как раньше, и тетя Джо довольна. Она говорит, что от этой привычки очень трудно избавиться, но ты делаешь успехи.

— Она так сказала? — и Дэн немного повеселел.

— Ты должен положить привычку ругаться в твой ящик с недостатками и закрыть его на ключ. Именно так я поступаю с моими плохими качествами.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Дэн, глядя на Деми так, словно находил его почти таким же интересным, как какую-нибудь новую разновидность майского жука.

— Это одна из моих игр, в которые я играю сам с собой. Я расскажу тебе о ней, но ты, наверное, будешь смеяться, — начал Деми, радуясь возможности поговорить на свою любимую тему. — Я играю в то, что мой ум — это круглая комната, а моя душа — маленькое существо с крыльями, которое живет в этой комнате. Вдоль стен полно шкафов с полками и ящиками, и в них я держу мои мысли, и мои хорошие и дурные качества, и все такое прочее. Хорошее я держу там, где оно на виду, а плохое кладу в самые глубокие ящики и закрываю, но оно вылезает, и мне приходится все время заталкивать его обратно и прижимать покрепче, ведь у него такая сила! Я придумываю все это, когда я один или в постели, и играю с моими мыслями, как хочу. Каждое воскресенье я привожу мою круглую комнату в порядок, и беседую с маленьким духом, который живет там, и говорю ему, что он должен делать. Он иногда шалит и не подчиняется, и мне приходится бранить его и водить его к дедушке. Дедушка всегда знает, как

заставить его слушаться и сожалеть о своих недостатках. Дедушке эта игра нравится; он всегда говорит мне, какие мои хорошие качества я могу положить на виду, и дает советы, как покрепче запереть в ящиках плохие. Может быть, и тебе попробовать поиграть в такую игру? Это очень хороший способ избавиться от недостатков, — и вид у Деми был такой серьезный и доверчивый, что Дэн не засмеялся над этой странной фантазией, но сказал серьезно:

— Боюсь, нет на свете такого крепкого замка, чтобы он надежно запер мои дурные качества. Во всяком случае, моя круглая комната в таком беспорядке, что я даже не знаю, с чего мне следует начать уборку.

— Но ты ведь поддерживаешь образцовый порядок в ящиках комода, которые дала тебе тетя Джо, почему же ты думаешь, что не сумеешь навести порядок и в остальных?

— Не привык я к этому. Ты научишь меня? — Дэн явно склонялся к тому, чтобы попробовать держать душу в порядке способом, предложенным Деми.

— Я очень хотел бы научить, но не знаю как — ну, может быть, только могу поговорить, как говорит дедушка. У меня, конечно, не получится так же хорошо, как у него, но я постараюсь.

— Не говори никому о нашем с тобой уговоре; мы просто будем иногда приходить сюда, и ты будешь учить меня твоей игре, а я обещаю рассказывать тебе все, что знаю о растениях и насекомых, и птицах. Хорошо? — и Дэн протянул свою большую, шершавую руку.

Деми с готовностью подал свою, маленькую и нежную, и союз был заключен, так как в счастливом, мирном мире, в котором жил младший из мальчиков, львы и ягнята играли вместе, а младенцы простодушно учили старших.

— Тише! — сказал Дэн, указывая в сторону дома, когда Деми собрался возобновить беседу о наилучших способах преодоления собственных недостатков. Вытянув шею, Деми увидел миссис Джо. Она медленно шагала по дорожке, читая на ходу, а Тедди семенил следом, таща за собой маленькую тележку, перевернутую колесами вверх.

— Подожди, не зови. Пусть они сами заметят нас, — прошептал Деми, и оба сидели неподвижно, глядя на приближающуюся пару.

Миссис Джо была так поглощена своей книжкой, что, вероятно, ступила бы прямо в ручей, если бы Тедди не остановил ее, закричав:

— Мама, я хочу удить!

Миссис Джо отложила на траву чудесную книжку, которую читала или, скорее, пыталась читать уже неделю, и огляделась вокруг в поисках подходящей ветки — она привыкла делать для своих малышек игрушки из того, что оказывалось под рукой. Но не успела она отломить одну из веток от живой изгороди, как к ее ногам упал тонкий ивовый сук, и, взглянув вверх, она увидела в развилке дерева смеющихся мальчиков.

— Я хочу навелх, навелх! — кричал Тедди, топая, протягивая ручки и взмахивая своими юбочками, словно собираясь взлететь.

— Я спущусь, а ты влезай на мое место. Мне пора к Дейзи, — и Деми удалился, готовясь рассказать сестре историю о девятнадцати кошках с волнующими эпизодами, в которых фигурировали бочка и старый ботинок.

Тедди был быстро поднят вверх, и Дэн сказал, смеясь, — Поднимайтесь и вы, здесь хватит места. Я подам вам руку.

Миссис Джо оглянулась через плечо, но никого не было видно, и, тоже засмеявшись, она сказала:

— Ну, что ж, если ты никому об этом не расскажешь, я, пожалуй, влезу, — и в два шага очутилась на иве.

— Я не лазила по деревьям, с тех пор как вышла замуж. А когда была девочкой, очень любила это занятие, — сказала она с очень довольным видом, поудобнее усаживаясь на суку.

— Теперь вы почитайте, если хотите, а я пригляжу за Тедди, — предложил Дэн, начиная делать удочку для подпрыгивающего от нетерпения малыша.

— Мне, пожалуй, уже расхотелось. Что вы с Деми тут затевали? — спросила миссис Джо. Судя по серьезному выражению лица Дэна, его что-то тревожило.

— Мы разговаривали. Я рассказывал ему о листьях и обо всем таком прочем, а он мне о своих необычных играх. Ну вот, майор, уди сколько хочешь, — и Дэн завершил работу, насадив большую синюю муху на гнутую булавку, свисавшую с конца веревочки, которую он привязал к ивовому удилищу.

Тедди свесился с дерева, зачарованно следя за крючком своей удочки, в полной уверенности, что рыбка скоро приплывет. Дэн крепко держал его за маленькую юбочку, чтобы он не "нырнул" в ручей, а миссис Джо тем временем продолжила разговор:

— Я очень рада, что ты рассказываешь Деми "о листьях и обо всем таком прочем"; это именно то, что ему нужно, и я хотела бы чтобы ты почаще брал его с собой на прогулки.

— Я тоже хотел бы этого, он такой сообразительный, но...

— Но — что?

— Я думал, вы это не одобрите.

— Почему?

— Ну, Деми все так любят, и он такой положительный, а я, как говорится, отпетый. Вы, наверное, хотели бы, чтобы он держался подальше от меня.

— Но ты вовсе не "отпетый", как ты выражаешься, и я доверяю тебе, Дэн, доверяю всецело, потому что ты честно стараешься исправиться, и становишься лучше и лучше с каждой неделей.

— Правда? — Дэн поднял на нее взгляд, и облако уныния исчезло с его лица.

— Да, разве ты сам этого не чувствуешь?

— Мне казалось, что это так, но я не был уверен.

— Я ждала и молча наблюдала за тобой. Мне хотелось проверить, как ты выдержишь испытание. И я решила, что, если ты его выдержишь, я дам тебе лучшую из всех наград, какие только могу дать. Ты выдержал его хорошо, и теперь я собираюсь доверить тебе не только Деми, но моих собственных мальчиков, потому что ты можешь научить их многому гораздо лучше, чем любой из нас, взрослых.

— Я? — Дэн, казалось, был изумлен этой мыслью.

— Деми так долго жил среди людей старшего возраста, что теперь нуждается именно в том, что можешь дать ему ты, мальчик, храбрый и сильный, знающий немало о самых обычных вещах. Он считает, что ты самый смелый мальчик, какого он только видел, и восхищается твоей силой и ловкостью. Кроме того, ты много знаешь о природе и можешь рассказать ему о птицах и пчелах, листьях и животных гораздо больше и гораздо интереснее, чем его книжки, и твои правдивые истории многому научат его. Разве ты не видишь теперь,

как много ты можешь сделать для него и почему я хочу, чтобы он проводил с тобой больше времени?

— Но мне иногда случается сказать какое-нибудь нехорошее слово, и я, наверное, могу сказать ему что-нибудь не то — ненарочно, конечно — но это может вырваться само, совсем как вырвалось несколько минут назад слово "чертовски", — сказал Дэн, горячо желая исполнить свой долг и признаться в своих недостатках.

— Я знаю, что ты стараешься не говорить и не делать ничего, что повредило бы младшим, и в этом, я думаю, Деми поможет тебе, так как у него, по-детски мудрого и невинного, есть то, что я пытаюсь дать тебе, дорогой, — хорошие принципы. Никогда не бывает слишком рано попытаться привить их ребенку, и никогда не бывает слишком поздно помочь самому заброшенному взрослому человеку приобрести их. Вы пока еще только мальчики, вы можете учить друг друга. Деми, сам того не сознавая, будет развивать твое чувство морали, ты будешь развивать его здравый смысл, а я буду чувствовать, что помогла вам обоим.

Невозможно выразить словами, как доволен и тронут был Дэн ее доверием и похвалой. Никто не доверял ему прежде, никто не стремился найти и развить лучшее в нем, никто не подозревал, как много было скрыто в груди заброшенного мальчика, быстро идущего к моральной гибели, однако остро чувствующего и ценящего сочувствие и помощь. Ни одна почесть, какую он мог бы завоевать в будущем, не представлялась ему более драгоценной, чем возможность научить тому хорошему, что он знал и умел, ребенка, которого он больше всего уважал, и никто не мог оказать на него более могучее сдерживающее влияние, чем невинный спутник, доверенный его опеке. Теперь он нашел в себе смелость рассказать миссис Джо подробнее о плане, который уже составил с Деми, и ей было приятно, что первый шаг стал таким естественным для мальчиков. Все, казалось, складывалось хорошо для Дэна, и она радовалась за него. Хотя его исправление оставалось трудной задачей, глубокая вера в возможность исправления даже тех, кто был гораздо старше и хуже него, и та быстрая и обнадеживающая перемена, которая происходила в нем, ободряли ее и вселяли надежду. А он чувствовал, что теперь у него есть друзья и свое место в мире, есть то, ради чего стоит жить и трудиться, и хотя он сказал мало, все, что было лучшего в характере, закаленном раньше

времени в трудных жизненных испытаниях, отозвалось на ее любовь и доверие, и спасение Дэна было обеспечено.

Их тихую беседу прервал крик восторга Тедди, который, к всеобщему удивлению, действительно выудил треску там, где никакой трески не видели много лет. Он был в восторге от неожиданного успеха и настаивал на том, чтобы показать свою добычу всем в доме, прежде чем ее сварят к ужину, так что все трое спустились и ушли вместе, очень довольные тем, как провели последние полчаса.

Следующим гостем ивы стал Нед, но он оставался в "гнездышке" совсем недолго; он просто посидел там, лениво развалясь, и подождал, пока Дик и Долли наловят для него ведерко кузнечиков и сверчков. Он хотел подшутить над Томми и собирался посадить несколько десятков прыгучих существ в его постель, чтобы Бэнгз, едва залезет под одеяло, тут же поспешно выскочил и провел часть ночи ловя "поскакушек" по всей комнате. Охота скоро кончилась, и заплатив каждому из ловцов несколькими мятными леденцами, Нед удалился, чтобы приготовить постель для Томми.

Час или два старая ива вздыхала и напевала про себя, говорила с ручьем, следила за клонящимся к западу солнцем и удлиняющимися тенями. Первый розовый свет заката коснулся ее кроны, когда еще один мальчик прокрался по аллее, пересек лужайку, и, заметив лежавшего у ручья Билли, подошел к нему, сказав таинственно:

— Пойди и скажи, пожалуйста, мистеру Баэру, что я хотел бы повидать его здесь. Только чтобы никто не слышал.

Билли кивнул и убежал, а мальчик влез на дерево и сидел там с довольно встревоженным видом, но все же явно чувствуя очарование времени и места. Через пять минут появился мистер Баэр и, встав на забор, склонился в "гнездышко" с добродушным:

— Рад видеть тебя, Джек. Но почему бы тебе было не войти прямо в дом и не поздороваться со всеми нами сразу?

— Я хотел сначала поговорить с вами, сэр. Дядя заставил меня вернуться. Я знаю, что не заслуживаю хорошего отношения, но все равно надеюсь, ребята не будут особенно суровы со мной.

Бедному Джеку было невесело, но не приходилось сомневаться, что он раскаивается, стыдится и хочет, чтобы к нему отнеслись по возможности снисходительно, так как дядя как следует "вздул" его и отругал за следование примеру, который сам же подавал ему. Джек

умолял не посылать его обратно, но обучение в школе Баэров стоило дешево, и старый мистер Форд настоял, чтобы мальчик вернулся в Пламфильд. Так что Джек вернулся, стараясь не привлечь внимания и надеясь спрятаться за мистера Баэра.

— Надеюсь, что не будут, но не могу отвечать за них, хотя послежу, чтобы они не были несправедливы. Но я думаю, что, поскольку Дэн и Нат, которые не были ни в чем виноваты, пострадали так сильно, тебе стоило бы пострадать тоже, раз ты виновен. Разве не так? — спросил мистер Баэр, жалея Джека, однако чувствуя, что тот заслужил наказание за проступок, имевший так мало оправдания.

— Наверное, так, но ведь я вернул деньги Томми и извинился, разве этого недостаточно? — спросил Джек, довольно надуту. У него хватило подлости совершить дурной поступок, но не хватало мужества на то, чтобы вынести последствия.

— Нет, я думаю, тебе следует попросить прощения у всех трех мальчиков, открыто и честно. Какое-то время они, конечно, не смогут уважать тебя и доверять тебе, но ты можешь загладить вину, если постараться, и я помогу тебе в этом. Воровство и ложь — отвратительные грехи, и я надеюсь, то, что произошло, послужит тебе уроком. Я рад, что тебе стыдно; это хороший знак. Выноси свой позор терпеливо и старайся заслужить лучшую репутацию.

— Я проведу аукцион и распродам все свои товары за бесценок, — сказал Джек, выражая раскаяние самым характерным для него образом.

— Я думаю, было бы лучше просто раздать их и начать все заново, на новых принципах. Возьми своим девизом выражение "Честность — лучшая политика" и следуй ему в делах, словах и мыслях, и, пусть даже ты не заработаешь этим летом ни цента, осенью ты будешь богатым мальчиком, — сказал мистер Баэр убежденно.

Нелегко было принять такое решение, но Джек согласился, так как чувствовал, что обман не окупается, и хотел снова завоевать дружбу мальчиков. Обладание имуществом было главным для него, и он внутренне застонал при мысли о том, что придется расстаться со многими из дорогих его сердцу сокровищ. Это было даже тяжелее, чем публично попросить прощения, но, в его душе постепенно возникало ощущение того, что есть и другие вещи, невидимые, но очень ценные и гораздо более полезные, чем ножи, рыболовные крючки и даже сами

деньги. Так что он решил приобрести немного честности, пусть даже за очень высокую цену, и обеспечить себе уважение товарищей, хотя это и непригодный для продажи товар.

— Хорошо, я так и сделаю, — сказал он неожиданно с очень решительным видом, обрадовавшим мистера Баэра.

— Отлично! А я поддержу тебя. Теперь пошли и начнем сразу.

И папа Баэр повел обанкротившегося мальчугана назад в маленький мир, который принял его поначалу холодно, но постепенно сделался более дружественным, когда он показал, что немало приобрел благодаря этому суровому уроку и что искренне стремится начать новый, лучший бизнес с новым запасом товаров.

Глава 15

Укрощение жеребенка

— Да что же такое этот мальчик вытворяет? — сказала себе миссис Джо, с удивлением наблюдая, как Дэн бегает по кругу в парке, словно на пари. Он был совсем один и, казалось, одержим странным желанием набегать себе температуру или сломать шею, так как совершив несколько кругов, принялся перепрыгивать через изгороди и крутить сальто вдоль аллеи, пока наконец не упал на траву перед самым крыльцом, словно в изнеможении.

— Ты готовишься к соревнованиям, Дэн? — поинтересовалась миссис Джо, глядя на него из окна, у которого сидела с шитьем.

Он быстро поднял глаза и на мгновение перестал ловить ртом воздух, чтобы ответить ей со смехом:

— Нет, просто выпускаю пар.

— Разве нельзя найти для этого способ попрохладнее? Ты захвораешь, если будешь так носиться по парку в такую жаркую погоду, — сказала миссис Джо, тоже смеясь и бросая ему большой веер из пальмовых листьев.

— Ничего не могу поделать. Я должен куда-то бежать, — ответил Дэн с таким странным выражением глаз, что миссис Джо обеспокоилась и поспешно спросила:

— Не становится ли Пламфильд слишком тесен для тебя?

— Да, мне хотелось бы, чтобы он был чуть-чуть побольше. Впрочем, мне здесь нравится, только вот иногда в меня словно бес вселяется, и тогда я ужасно хочу рвануть отсюда.

Слова, казалось, сорвались с его уст против его воли, так как на лице в ту же минуту изобразилось огорчение: он подумал, что заслуживает упрека за свою неблагодарность. Но миссис Джо поняла это чувство и, хотя была огорчена, не могла винить мальчика за откровенное признание. Она смотрела на него с тревогой, видела, какой он высокий и крепкий, сколько энергии в его лице, огня в глазах, силы в упрямо сжатых губах, и, вспоминая, какой неограниченной свободой пользовался он прежде, понимала, что даже не слишком

суровые ограничение этого дома тяготят его порой, когда в нем оживает прежний дух непокорности.

"Да, — сказала она себе, — моему дикому соколу нужна клетка побольше, но, если я позволю ему улететь, боюсь, он пропадет. Я должна постараться и найти какую-то приманку, которая была бы достаточно хороша, чтобы удержать его здесь, где он в безопасности".

— Мне хорошо знакомо это чувство, — добавила она вслух. — Это не "бес", как ты выражаешься, но вполне естественное стремление всех молодых людей к свободе. Раньше я тоже испытывала нечто подобное, а однажды мне далее показалось на минуту, что я готова "рвануть".

— Почему же вы этого не сделали? — спросил Дэн, подойдя и опершись о низкий подоконник, с явным желанием продолжить разговор на эту тему.

— Я знала, что это глупо, и любовь к моей матери удержала меня дома.

— У меня нет матери, — начал Дэн.

— Я думала, что теперь она у тебя есть, — сказала миссис Джо, ласковым движением отводя спутанные волосы с его горячего лба.

— Вы бесконечно добры ко мне, и я никогда не смогу полностью отблагодарить вас за ваше сочувствие, но это не совсем то же самое, правда? — и Дэн посмотрел на нее с печальным, неудовлетворенным выражением, которое поразило ее в самое сердце.

— Нет, дорогой, не то же самое, и никогда не сможет быть тем же самым. Я думаю, что твоя собственная мать значила бы для тебя очень много. Но раз уж этому не суждено быть, ты должен позволить мне занять ее место. Боюсь, я сделала не все, что следовало, иначе ты не захотел бы покинуть меня, — добавила она печально.

— О нет, вы сделали все! — воскликнул Дэн горячо. — Я не хочу убегать и не убегу, если смогу, но часто у меня такое чувство, что я вот-вот взорвусь. И тогда я хочу убежать, куда глаза глядят, разбить что-нибудь или наброситься на кого-нибудь. Сам не знаю почему, но хочу и все!

Дэн засмеялся, говоря это, но говорил он то, что думал, так как тут же сдвинул черные брови и опустил кулак на подоконник с такой силой, что наперсток миссис Джо отлетел в траву. Он вернул его на место, и, забирая его, она задержала большую смуглую руку в своей и,

остановив на его лице взгляд, свидетельствовавший о том, что слова дались ей с трудом, сказала:

— Что ж, Дэн, убеги, если это необходимо, но не слишком далеко, и возвращайся ко мне поскорее, так как ты мне очень нужен.

Его застало врасплох это неожиданное разрешение, и почему-то оно мгновенно умерило его желание убежать. Он не понимал почему, но миссис Джо понимала и, зная естественную противоречивость человеческого ума, рассчитывала на нее как на союзника в этом деле. Она инстинктивно чувствовала, что чем больше мальчика ограничивают, тем больше это его раздражает, но предоставьте его самому себе, и его удовлетворит простое ощущение свободы вместе с сознанием того, что его присутствие дорого тем, кого он больше всего любит. Это был маленький эксперимент, но он завершился успешно. С минуту Дэн стоял безмолвно, рассеянно разрывая веер на кусочки, и обдумывая ее слова. Он чувствовал, что она обращается с призывом к его сердцу и уму, и дал ей понять, что понимает это, сказав с сожалением и решимостью в голосе:

— Я пока еще не убегаю, и вы получите от меня ясное предупреждение, прежде чем я рвану отсюда. Так будет честно, правда?

— Да, мы остановимся на этом. Но я хочу поискать какой-нибудь другой способ, которым ты мог бы "выпустить пар" — что-нибудь получше, чем бегать по саду словно взбесившийся пес, портить мои веера или драться с мальчиками. Что бы нам такое придумать? — И пока Дэн пытался исправить испорченный веер, миссис Джо ломала голову, отыскивая новый способ удержать своего буйного мальчика подальше от греха, пока он не научится находить удовольствие в спокойной жизни. И тут ей в голову пришла неожиданная мысль.

— А ты не хотел бы стать моим посыльным? — спросила она.

— Ездить в город с поручениями? — спросил Дэн, мгновенно заинтересовавшись.

— Да, Францу это занятие надоело, Сайласа сейчас нельзя отвлекать, а у мистера Баэра совсем нет времени. Старый Энди — спокойный конь, а ты хорошо умеешь править и знаешь город как свои пять пальцев. Может быть, попробуешь, и мы посмотрим, не окажутся ли кратковременные отлучки два-три раза в неделю ничуть не хуже, чем один побег на целый месяц.

— Я думаю, мне это занятие будет по душе... только я должен ехать один и все делать сам. Я не хочу, чтобы другие ребята путались у меня под ногами, — сказал Дэн. Идея так понравилась ему, что он начал уже напускать на себя очень деловой вид.

— Если мистер Баэр не будет возражать, ты сделаешь все, как захочешь. Я полагаю, Эмиль поворчит немного, но ему нельзя доверять лошадей, а тебе можно. Между прочим, завтра рыночный день, и я должна составить список покупок. Тебе, наверное, стоило бы посмотреть в порядке ли повозка и сказать Сайласу, чтобы он приготовил посылку с фруктами и овощами для мамы. Тебе придется встать пораньше, чтобы успеть вовремя вернуться к началу занятий; ты сможешь встать рано?

— Я ранняя пташка, так что для меня это пустяки, — и Дэн быстро накинул куртку на плечи.

— Как говорит пословица: "ранней птичке повезет, червячка она найдет". И я уверена, что моя ранняя птичка тоже найдет червячка, — сказала миссис Джо весело.

— И совсем неплохого, — отозвался Дэн со смехом, отправляясь приделать новый ремешок к кнутовищу, помыть повозку и отдать распоряжения Сайласу со всей важностью молодого курьера.

— Прежде чем ему надоест это занятие, я найду другое, чтобы иметь наготове на случай нового приступа охоты к перемене мест, — сказала себе миссис Джо, составляя список покупок с глубоким чувством благодарности за то, что не все ее мальчики такие, как Дэн.

Мистер Баэр не вполне одобрял новый план, но согласился попробовать, что пробудило в Дэне желание оказаться на высоте требований и заставило его отказаться от собственных безрассудных планов, в которых новый кнут и длинный холм должны были играть главную роль. На следующее утро он встал и уехал очень рано, героически подавив искушение посоревноваться в скорости с молочником, тоже направлявшимся в город. Оказавшись в городе, он аккуратно выполнил все поручения — к удивлению мистера Баэра и огромному удовлетворению миссис Джо. Коммодор действительно поворчал немного по поводу повышения Дэна, но был умиротворен подарком в виде усовершенствованного висячего замка к его новому лодочному сараю и мыслью, что моряк должен искать более высоких почестей, чем поездки на рынок и выполнение семейных поручений. И

так Дэн замечательно справлялся со своими новыми обязанностями и был доволен несколько месяцев, больше не заговаривая о бегстве. Но однажды мистер Баэр увидел, как он отчаянно тузит Джека, ревущего о пощаде под его коленом.

— Ну, Дэн, я думал, ты уже бросил драки, — сказал он, бросаясь на помощь.

— Нет-нет, мы не деремся, мы только боремся, — отвечал Дэн, неохотно отпуская противника.

— Очень на то похоже, и чувство именно такое, не правда ли, Джек? — сказал мистер Баэр, когда побежденный джентльмен с трудом встал на ноги.

— Чтоб я еще стал с ним бороться — никогда! Он почти оторвал мне голову, — проворчал Джек, хватаясь за эту часть своего тела, словно она действительно едва держалась на его плечах.

— Мы начали для забавы — это факт, но когда я его повалил, то не смог удержаться и не поколотить его. Прости, что сделал тебе больно, старина, — пояснил Дэн с довольно пристыженным видом.

— Понимаю. Желание победить кого-нибудь было таким сильным, что ты не мог противиться. Ты напоминаешь мне, древнескандинавского воина, Дэн, и, я думаю, иногда борьба так же нужна тебе, как Нату музыка, — сказал мистер Баэр, знавший все о разговоре между мальчиком и миссис Джо.

— Ничего не могу с собой поделать. Так что, если не хочешь получать тумаки, не попадайся под руку, — отвечал Дэн, и предостерегающий взгляд его черных глаз был так выразителен, что заставил Джека поспешно удалиться.

— Если ты хочешь борьбы, я дам тебе противника покрепче, чем Джек, — сказал мистер Баэр и повел его в дровяной склад, где указал на пни, которые были выкорчеваны весной и которые предстояло наколоть для растопки на зиму.

— Вот, когда ты почувствуешь непреодолимое желание поколотить кого-нибудь из мальчиков, просто приходи и выпускай свою энергию здесь, а я только поблагодарю тебя за это.

— Хорошо, — и, схватив топор, лежавший рядом, Дэн вытащил из кучи крепкий пень и принялся колоть его с такой энергией, что щепки полетели во все стороны, а мистеру Баэру пришлось спасаться бегством.

К большому удовольствию мистера Баэра, Дэн поймал его на слове, и с тех пор мальчика часто видели во дворе, где он сражался с упрямыми пнями, скинув шляпу и куртку, с красным лицом и гневными глазами, так как порой впадал в ярость из-за неподатливости некоторых из своих противников и даже ругал их вполголоса, пока не одерживал победу, а тогда ликовал и с торжеством уносил в сарай охапку сучковатых дубовых кольшков. Он натирал руки до мозолей, натруждал спину, тупил топор, но это приносило ему пользу, и уродливые, узловатые пни и корни стали для него источником невообразимой радости, так как с каждым ударом он расходовал часть своей еле сдерживаемой энергии, которая иначе вырвалась бы наружу менее безвредным способом.

— Право, не знаю, что я буду делать, когда и это занятие ему надоест, — говорила себе миссис Джо, так как уже исчерпала все свои возможности и не могла придумать ничего нового.

Но Дэн сам нашел себе занятие по душе и наслаждался им довольно долго, прежде чем другие узнали, в чем причина его необычной удовлетворенности повседневным существованием. В то лето в Пламфильде пасся великолепный молодой конь мистера Лори. Все мальчики живо интересовались этим красивым, грациозным животным и любили следить, как он, с развевающимся хвостом и гордо поднятой красивой головой, вольно носится на большом пастбище за ручьем. Но вскоре им наскучило это занятие, и все они предоставили Принца Чарли самому себе — все, кроме Дэна. Дэну никогда не надоедало любоваться конем, не проходило ни дня, чтобы он не навестил его с кусочком сахара, ломтиком хлеба или яблоком и не встретил самый благосклонный прием. Чарли был благодарен, принимал его дружбу, и эти двое любили друг друга, словно чувствовали, что между ними есть связь, необъяснимая, но сильная. Стоило Дэну свистнуть у ограды, как Чарли мчался к нему, даже если находился в этот момент в самой отдаленной части пастбища, и мальчик чувствовал, что никогда не был счастливее, чем в те минуты, когда красивое, быстрое существо клало голову ему на плечо, глядя на него умными, ласковыми глазами.

— Мы понимаем друг друга без лишней болтовни, правда, дружище? — говаривал Дэн, который так гордился доверием коня и так ревниво относился к его расположению, что никогда не

рассказывал никому о том, как процветает их дружба, и никогда не приглашал никого, кроме Тедди, сопровождать его во время этих ежедневных визитов на пастбище.

Мистер Лори приезжал иногда посмотреть, как поживает Чарли, и говорил о необходимости приучить его в начале осени к упряжи.

— Я думаю, долго укрощать его не потребуется; это такое ласковое, добродушное животное. Пожалуй, на днях я приеду и попробую его под седлом, — сказал он как-то раз.

— Он позволяет мне надевать на него недоуздок, но не думаю, что, если вы наденете на него седло, он согласится его носить, — заметил Дэн, который всегда присутствовал при встречах Чарли с его хозяином.

— Лаской я сумею заставить его носить седло, пусть даже он поначалу скинет меня несколько раз. С ним никогда не обращались грубо, так что, хотя его удивит новый подход, он, я думаю, не испугается, а никакие его проказы не причинят мне вреда.

— Интересно, как это будет, — сказал себе Дэн, когда мистер Лори уехал вместе с профессором, а Чарли вернулся к изгороди, на которой сидел Дэн.

Отчаянная идея провести необычный эксперимент овладела мальчиком, когда гладкая, блестящая спина коня оказалась соблазнительно близко к нему. Не задумываясь об опасности, он поддался порыву, и, пока Чарли, ни о чем не подозревая, грыз предложенное яблоко, Дэн быстро и спокойно вскочил верхом на него. Впрочем, удержаться ему не удалось, так как Чарли, с изумленным фырканьем, встал на дыбы, и Дэн тут же очутился на земле. Падение не причинило ему вреда, так как земля была мягкой, и он вскочил, сказав со смехом:

— А все-таки я это сделал! Иди сюда, разбойник, и я попробую еще раз!

Но Чарли отказался подойти, и Дэн оставил его в покое, чувствуя удовлетворение от борьбы и решив, что непременно добьется успеха позднее. В следующий раз он взял недоуздок и, надев его на коня, немного поиграл с ним, водя его туда и сюда и заставляя проделывать разные штучки, пока тот не утомился немного. Затем Дэн сел на стену, угостил коня хлебом и, дождавшись удобного момента, крепко схватил недоуздок и соскользнул на спину животного. Чарли попробовал

проделать прежний трюк, но Дэн удержался, так как уже накопил некоторый опыт, когда ездил верхом на Тоби, которому иногда случалось заартачиться и сделать попытку скинуть наездника. Чарли, удивленный и негодующий, несколько раз встал на дыбы, а затем бросился галопом в другой конец пастбища, и Дэн кубарем слетел на землю. Будь на его месте обыкновенный мальчик, он, наверняка, сломал бы шею, но Дэн принадлежал к числу тех удивительных мальчиков, которые проходят через все опасные испытания без единой царапины, и только лежал некоторое время на земле неподвижно, оглушенный ударом, в то время как Чарли носился по пастбищу, встряхивая головой и всем своим видом выражая удовлетворение крушением дерзких планов наездника. Вскоре ему, по-видимому, пришло в голову, что с Дэном что-то стряслось, и, великодушный по натуре, он подошел посмотреть, в чем дело. Дэн позволил ему обнюхать себя и постоять несколько минут в недоумении, а затем взглянул на него и сказал решительно, словно конь мог понимать человеческую речь:

— Ты думаешь, победа осталась за тобой, но ты ошибаешься, старина, и я еще буду ездить на тебе, вот увидишь,

В тот день он больше не садился верхом, но вскоре попробовал новый способ приучить Чарли к ноше. Он привязал ему на спину свернутое одеяло и отпустил его бегать, вставать на дыбы и валяться на траве, сколько вздумается. После нескольких приступов мятежного негодования Чарли присмирел, а через несколько дней позволил Дэну ездить на себе, хотя часто неожиданно останавливался, чтобы оглянуться, словно говоря, одновременно покорно и укоризненно: "Я не понимаю, что происходит, но полагаю, что ты не хочешь мне зла, и потому позволяю тебе подобную вольность".

Дэн гладил и хвалил его, и совершал короткую прогулку верхом каждый день, часто падая, но упорствуя, несмотря на это, и желая попробовать настоящее седло и узду, но не осмеливаясь признаться в том, что он сделал. Впрочем, его желание исполнилось, так как у его подвигов был свидетель, замолвивший за него словечко.

— А вы знаете, чем этот парень занимается в последнее время? — спросил Сайлас у своего хозяина однажды вечером, получая от него распоряжения на следующий день.

— Кто именно? — спросил мистер Баэр со смиренным видом, ожидая какого-нибудь неприятного открытия.

— Дэн; он объезжает жеребенка, сэр, и я не я, если ему это не удалось! — отвечал Сайлас, посмеиваясь.

— Откуда вы это знаете?

— Ну, я тоже вроде как приглядываю за ребятами и, как правило, знаю об их проказах, так что, когда Дэн начал ходить каждый день на пастбище и возвращаться домой в синяках, я заподозрил, что там что-то происходит. Я ничего не сказал, но влез на крышу амбара и оттуда увидел, как он проделывает всякие штуки с Чарли. Я не я, если он не слетал иногда кубарем и не грохался на землю, как мешок с овсом. Но храбрость этого мальчишки помогла ему преодолеть все препятствия, и ему, похоже, это развлечение нравилось. Он продолжал свое дело так, что было ясно: он твердо решил победить.

— Но, Сайлас, вам следовало вмешаться и прекратить это, ведь мальчик мог разбиться насмерть, — сказал мистер Баэр, думая о том, какое еще развлечение изобретут для себя его неукротимые воспитанники в следующий раз.

— Да, наверное, следовало, но опасности настоящей не было, так как Чарли — самый незлобивый конь, какого я только видел. Да и не хотелось мне портить забаву, так как, если меня что и восхищает, так это храбрость, а Дэн — настоящий храбрец. Но теперь, я думаю, ему очень хочется опробовать Чарли под седлом, только он не хочет ни просить, ни взять седло потихоньку, так что я подумал: скажу-ка я об этом вам, и, может быть, вы позволите ему попробовать. Мистер Лори не будет возражать, а Чарли это только полезно.

— Посмотрим, — и мистер Баэр ушел обдумать это дело.

Дэн сразу признался во всем и гордо подтвердил правоту Сайласа, продемонстрировав свою власть над Чарли, так как благодаря длительному улещиванию, множеству морковок и бесконечному терпению, он, действительно, преуспел и легко ездил на жеребенке, используя недоуздок и одеяло. Мистера Лори очень позабавила вся эта история. Он был очень доволен храбростью и мастерством Дэна, но решил немедленно приступить сам к дальнейшей тренировке Чарли, заявив, что не хочет, чтобы его работу делал за него подросток. Благодаря Дэну, Чарли охотно согласился на седло и уздечку, после того как примирился с существованием такой вещи, как удила, и когда

мистер Лори потренировал его немного, Дэну было позволено ездить на нем, к великой зависти и восхищению других мальчиков.

— Красавец, правда? И выносит меня как суций агнец? — сказал Дэн однажды, когда слез с коня и стоял, положив руку ему на шею.

— Да, и разве он не кажется теперь гораздо более полезным и приятным животным, чем тот необъезженный жеребенок, который проводил целые дни, носясь по полю, прыгая через изгороди, а иногда и убегая? — спросила миссис Баэр с крыльца, где она всегда появлялась, когда Дэн показывал свое мастерство наездника.

— Конечно. Видите, он не убежит теперь, даже если я не буду держать его, и прибежит ко мне снова, как только я свистну. Я сумел укротить его, правда? — и Дэн выглядел гордым и довольным, на что имел полное право, так как, несмотря на долгую взаимную борьбу, Чарли любил его, пожалуй, даже больше, чем своего хозяина.

— Я тоже укрощаю жеребенка и думаю, что преуспею в этом деле, если буду так же терпелива и упорна, как ты, — сказала миссис Джо, улыбаясь так значительно, что Дэн понял и ответил с улыбкой, но серьезно:

— Мы не будем прыгать через изгороди и убегать, но останемся и позволим сделать нас приятными и полезными, правда, Чарли?

Глава 16

День сочинений

— Поторопитесь, мальчики, уже три часа, а дядя Фриц хочет, чтобы мы всегда были пунктуальны, — сказал Франц однажды в среду, когда зазвонил колокольчик и литературного вида молодые джентльмены с книгами и бумагами в руках вереницей направились к музею.

Томми еще сидел в классной комнате, склонившись над своей партой, изрядно измазанный чернилами, покрасневший в горячке вдохновения и писал, как всегда, в большой спешке, так как леноватый Бэнгз неизменно откладывал выполнение заданий до самой последней минуты. Когда Франц прошел мимо двери, поторапливая медлительных, Томми закончил свое произведение последней кляксой и росчерком и вылез в окно, размахивая бумагой на ходу, чтобы высохли чернила. Нэн последовала за ним с очень важным видом, держа в руке большую бумагу, свернутую в трубочку, а Деми сопровождал Дейзи — оба явно разрывались от желания поделиться с кем-нибудь каким-то чудесным секретом.

В музее царил полный порядок, и солнечный свет, заглядывая в большое окно через побеги хмеля, разукрашивал пол красивыми тенями. С одной стороны сидели мистер и миссис Баэр, с другой стоял маленький столик, на который, по прочтении, клали сочинения, а все дети расположились большим полукругом на походных табуретах, которые иногда, в самый ответственный момент, складывались и опускали сидящего вниз, предотвращая тем самым какую-либо скованность собравшихся. Так как требовалось слишком много времени, чтобы выслушать все сочинения, пришлось разделить мероприятие на две части, и в эту среду младшие ученики были главными докладчиками, в то время как старшие снисходительно слушали и свободно критиковали.

— Сначала дамы! Так что Нэн может начать, — сказал мистер Баэр, когда постукивание походных табуретов и шуршание бумаг утихли.

Нэн заняла место за маленьким столиком и после предварительного хихиканья прочла вслух следующее интересное исследование:

— Губка. Губка, друзья мои, весьма полезное и интересное растение. Она растет на скалах под водой. Я думаю, она что-то вроде водоросли. Люди собирают ее, сушат и моют, так как в отверстиях губки живут маленькие рыбки и насекомые, а я нашла в моей новой губке ракушки и песок. Некоторые губки очень нежные и мягкие, ими моют младенцев. Губке можно найти много применений. Я расскажу о некоторых из них и надеюсь, что мои друзья запомнят все, что я скажу. Один способ применения губки — мыть лицо; мне этот способ не нравится, но я все равно моюсь губкой, так как хочу быть чистой. Некоторые люди не делают этого и ходят грязными. — И тут глаза чтицы остановились на физиономиях Дика и Долли, которые струсили под ее суровым взглядом и мгновенно приняли решение оттирать себя ежедневно, как можно усерднее. — Губку также применяют, чтобы будить спящих — мальчиков в о-со-бен-но-сти! — За длинным словом последовала новая пауза, чтобы насладиться звуками сдавленного смеха, пробежавшего по комнате. — Некоторые мальчики не хотят вставать, когда их будят, и в таких случаях Мэрианн выжимает воду из губки им на лица, и это их так злит, что они просыпаются.

В этом месте лекции смех в зале стал ясно слышен, и Эмиль сказал недовольно, словно чувствовал себя задетым:

— Ты, мне кажется, отклоняешься от темы.

— Нет, не отклоняюсь, мы должны писать о растениях и животных, и я делаю то и другое, так как губка — растение, а мальчики — животные, разве не так? — воскликнула Нэн и, ничуть не обескураженная негодующим "Нет!", спокойно продолжила:

— Еще один интересный способ применения губки, это когда доктора капают на нее эфир и подносят к носу пациента, когда вырывают ему зубы. Я тоже буду делать это, когда подрасту, и мне придется давать эфир больным, чтобы они заснули и не чувствовали, как я отрезаю им ноги и руки.

— А я знаю, что одна старушка убивала таким способом кошек, — заметил Деми, но был тут же прерван Дэном, который толкнул его табурет и надвинул шляпу ему на нос. Нэн, нахмурившись, взглянула на неприличную потасовку и сказала строго:

— Не прерывайте меня.

Порядок был немедленно восстановлен, и юная докладчица завершила свои заметки следующим образом:

— Из моего сочинения, друзья мои, можно сделать целых три вывода. — Кто-то среди публики застонал, но она не обратила внимание на это оскорбление. — Первый — держите ваши лица в чистоте. Второй — вставайте рано. И третий — когда губка с эфиром поднесена к вашему носу, дышите глубже и не брыкайтесь, и тогда ваши зубы будет легко вырвать. Больше мне сказать нечего. — И мисс Нэн села под бурные аплодисменты.

— Это замечательное сочинение, и тон возвышенный, и юмора в нем немало. Очень хорошо, Нэн. Теперь очередь Дейзи, — Мистер Баэр улыбнулся одной молодой леди и кивнул другой.

Дейзи мило покраснела, занимая свое место за маленьким столиком и начала приятным, негромким голоском:

— Боюсь, вам мое не понравится, оно не такое интересное и забавное, как у Нэн. Но лучше мне не суметь.

— Нам всегда нравятся твои сочинения, Цветочек, — сказал дядя Фриц, и приглушенный хор мальчишеских голосов, казалось, подтвердил его слова.

Ободренная этими проявлениями благосклонности, Дейзи прочла свое маленькое сочинение, которое было выслушано с почтительным вниманием:

— Кошка. Кошки — милые животные. Я очень их люблю. Они чистенькие и красивые, и ловят крыс и мышей, и позволяют гладить себя по шерстке, и любят вас, если вы добры к ним. Они очень умные и могут везде найти дорогу. Маленьких кошек называют котятами, и они просто прелесть. У меня двое котят по имени Хаз и Баз. А их маму зовут Топаз, потому что у нее желтые глаза. Дядя рассказал мне прелестную историю о человеке по имени Ма-го-мет. У него была славная кошечка, и, когда однажды она уснула у него на рукаве, а он захотел уйти, он отрезал рукав, чтобы не разбудить ее. Я думаю, он был добрым человеком. Некоторые кошки ловят рыбу.

— И я тоже! — закричал Тедди, вскочив с места и горя желанием снова рассказать о пойманной им треске.

— Тише! — сказала мать, усаживая его как можно скорее, так как Дейзи, во всем приверженная порядку, очень не любила, чтобы ее

прерывали.

— Я читала об одной кошке, которая делала это очень ловко. Я пробовала заставить Топаз ловить рыбу, но ей не понравилось лезть в воду, и она меня исцарапала. Но ей нравится чай, и когда я играю в моей кухне, она все время трогает чайник лапкой, пока я не дам ей немного чая. Она отличная кошка и охотно ест яблочный пудинг и патоку. Большинство кошек этого не едят.

— Великолепное сочинение! — воскликнул Нат, и Дейзи удалилась, довольная похвалой друга.

— Деми горит нетерпением прочесть свое произведение. Я думаю, мы должны выслушать его немедленно, он не в силах ждать дольше, — сказал дядя Фриц. Деми подпрыгнул с живостью.

— У меня стихи! — объявил он и прочел, самым громким и торжественным голосом, следующее:

— Про бабочку-красавицу
Сегодня речь пойдет.

Она порхает словно очень маленькая птичка,
Но песен не поет.

Она сначала лишь червяк
И кокон чуть поздней,
Ну, а потом уже готовый мотылек грызет
Наружу путь скорей.

Они едят росу и мед,
Но ульев у них нет,
И жить как бабочки, не жалея никого,
Я б осам дал совет.

Хотел бы я быть мотыльком,
Ведь я порхать люблю,
Но я бы очень попросил, чтоб камфару не капал Дэн
На голову мою.

Восторг, вызванный этим неожиданным проявлением гениальности, чуть не снес крышу с дома, и от Деми потребовали прочесть стихотворение еще раз, что оказалось довольно трудной задачей, так как нигде не было знаков препинания и у маленького поэта перехватывало дыхание, прежде чем ему удавалось добраться до конца очередной длинной строки.

— Он еще станет Шекспиром, — сказала тетя Джо, почти умирая от смеха, так как эта поэтическая жемчужина напомнила ей одно из ее собственных стихотворений, написанное в десятилетнем возрасте и начинающееся довольно мрачно:

— Хотела б я лечь в тихий склеп
Среди ручьев и гор,
Где птиц и пчел, и мотыльков
Мне б пел согласный хор.

— Теперь ты, Томми. Разворачивай свою бумагу. Если на текст внутри ты извел не меньше чернил, чем на кляксы снаружи, нас ждет длинное сочинение, — сказал мистер Баэр, когда Деми завершил свою декламацию и занял место среди публики.

— Это не сочинение, это письмо. Понимаете, я совсем забыл, что моя очередь читать сочинение в эту среду, и вспомнил только после уроков, а тогда не мог сразу придумать, о чем бы таком написать, и не было времени посмотреть книжки, так что я подумал, вы не будете возражать, если я прочитаю письмо, которое написал моей бабушке. В нем есть кое-что о птицах, так что я подумал, оно сойдет.

После этого длинного извинения, Томми нырнул в чернильный океан и, после продолжительного барахтанья, преодолел его, делая иногда довольно продолжительные паузы, чтобы расшифровать ту или иную из собственных закорючек.

— Дорогая бабушка, надеюсь, ты здорова. Дядя Джеймс прислал мне игрушечную винтовку. Это красивый маленький инструмент убийства, вот такой формы. — Тут Томми продемонстрировал замечательный эскиз то ли замысловатого насоса, то ли внутренней части маленького

парового двигателя. — На рисунке обозначены: 44 — прицел, 6 — ложа винтовки, которая входит в А, 3 — спусковой крючок, а 2 — курок. Винтовка заряжается с казенной части и стреляет очень сильно и очень прямо. Я скоро буду стрелять белок. Я подстрелил несколько отличных птиц для нашего музея. У них пестрые грудки, и Дэну они очень понравились. Он сделал потрясные чучела, и теперь они сидят на ветке как живые, только кажутся немного окосевшими. На днях у нас на ферме работал француз, и Эйзи произносила его имя так смешно, что я тебе об этом расскажу. На самом деле его имя — Жермен. Она сначала назвала его Джерри, но мы смеялись над ней, и тогда она стала называть его Джеримайя, но мы продолжали смеяться, так что он стал мистер Джермания, но все смеялись еще пуще, и он стал Джерримомом, и с тех пор им остается. Я не очень часто пишу тебе, так как очень занят, но часто о тебе думаю и сочувствую тебе, и искренне надеюсь, что ты проживаешь так хорошо, как только можно надеяться, когда меня нет рядом. Твой любящий внук

Томас Бакминстер Бэнгз

P.S. Если тебе попадутся какие-нибудь красивые почтовые марки, вспомни обо мне.

NB^[37] Привет всем, и отдельный большой привет тете Альмире. Она еще печет вкусные кексы с коринкой?

P.S. Миссис Баэр шлет тебе привет.

P.S. И мистер Баэр тоже послал бы привет, если бы знал, что я сейчас пишу тебе.

NB Папа собирается подарить мне часы на день рождения. Я рад, так как в настоящее время у меня нет специальных средств для точного определения время, и я часто опаздываю на уроки.

P.S. Надеюсь скоро тебя увидеть. Разве ты не хочешь послать за мной?

Т. Б. Б.

Каждый постскриптом мальчики встречали дружным смехом, и к тому времени, когда Томми дошел до шестого и последнего, он

почувствовал такое утомление, что был рад сесть на свое место и вытереть красное, потное лицо.

— Надеюсь, дорогая старая леди переживет это, — сказал мистер Баэр под прикрытием шума.

— Мы сделаем вид, что не заметили явного намека, содержащегося в последнем постскриптуме. И без визита Томми его бедной бабушке хватит эмоций, вызванных этим письмом, — отвечала со смехом миссис Джо, вспоминая, что после каждого визита неукротимого внука, старая леди извещала их, что слегла в постель.

— Теперь я! — закричал Тедди, который выучил небольшой стишок и горел таким желанием продекламировать его, что прыгал на месте все время, пока другие читали свои сочинения.

— Боюсь, он забудет стихи, если мы заставим его долго ждать, а мне пришлось нелегко, пока я разучивала с ним эти восемь строчек, — сказала мать.

Тедди рысцой подбежал к трибуне, сделал одновременно реверанс и поклон, словно желая угодить всем, а затем тонким детским голоском, делая ударения не на тех словах, на которых нужно, выпалил на едином дыхании:

— Много малых капель —
Вот и океан.
Множество песчинок —
Горы разных стран.

Добрых слов побольше
Скажем мы с тобой,
Станет жизнь всем в радость,
Раем дом родной.

Захлопав в ладоши в конце, он сделал еще один реверанс и поклон, а затем подбежал к матери, чтобы уткнуться в ее колени, совершенно ошеломленный успехом своего выступления, так как аплодисменты были оглушительными.

Дик и Долли, как правило, ничего не писали, но их поощряли наблюдать за животными и насекомыми, замечать их привычки и рассказывать о том, что они видели. Дику это нравилось, и он всегда находил немало такого, что можно было рассказать заинтересованным слушателям, так что, когда вызвали его, он вышел и, глядя на аудиторию яркими доверчивыми глазами, начал свою маленькую историю с таким чувством, что никто даже не заметил его физического недостатка — "прямая" душа сияла в нем с ослепительной красотой.

— Я наблюдал за стрекозами, а потом прочитал о них в книжке Дэна и постараюсь рассказать вам, что запомнил. У пруда летает так много стрекоз, все голубые, с большими глазами и похожими на кружева крыльями, очень красивые. Я поймал одну, чтобы рассмотреть ее поближе, и, теперь думаю, что это красивейшее насекомое, какое я только видел! Они ловят других насекомых, поменьше, и едят их, и для этого у них есть странный крючок, который складывается, когда они не охотятся. А еще они очень любят солнечный свет и танцуют в его лучах целыми днями... Что бы еще такое вам рассказать? Дайте подумать. А, знаю!.. Они откладывают свои яички в воду, и яички идут ко дну, чтобы потом из них в иле вылупились такие страшенькие маленькие... не помню как они называются, но они коричневые и все время меняют кожу, становясь все больше и больше. Вы только подумайте! Им требуется два года на то, чтобы стать стрекозами! А дальше самое интересное, так что слушайте внимательно. Я думаю, многие из вас этого не знают. Когда стрекоза готова, она каким-то образом догадывается об этом, и эти некрасивые толстые червяки вылезают из воды, взбираются на ирисы или тростинки и лопаются на спинке.

— Ну, в это я не верю, — сказал Томми, который не отличался наблюдательностью, и действительно думал, что Дик "сочиняет".

— Она лопается на спинке, правда? — Дик обернулся к мистеру Баэру, который кивнул совершенно утвердительно, к огромному удовлетворению маленького докладчика.

— И тогда из каждого червяка на свет выходит стрекоза, совсем целая, законченная, совершенная, и сидит на солнце, медленно приходя в себя — понимаете? — и становится сильной, и тогда раскрывает свои красивые крылья и улетает, и никогда больше не делается червяком. Это все, что я пока знаю о стрекозах, но я буду

наблюдать и постараюсь увидеть, как она это делает. Я думаю, это замечательно — вот так вдруг превратиться в красивую стрекозу, правда?

Дик рассказывал с большим чувством, а, описывая полет новорожденного насекомого, даже замахал руками, и вид у него при этом был такой, словно он видит ее и хочет последовать за ней. И что-то неуловимое в восторженном выражении его лица наводило старших слушателей на мысль, что когда-нибудь желание маленького Дика осуществится и, спустя годы беспомощности и страдания, он в один прекрасный день поднимется в лучах солнца, покинув свое несчастное маленькое тело, и обретет новую прелестную форму в мире более совершенном, чем этот. Миссис Джо привлекла его к себе и сказала, целуя его впалую щеку:

— Это прелестный рассказ, дорогой, и ты запомнил все так удивительно хорошо. Я напишу твоей маме и расскажу ей об этом. — Дик с улыбкой присел к ней на колени, довольный похвалой, и решил наблюдать еще внимательнее, чтобы увидеть стрекозу в тот самый момент, когда она меняет старое тело на новое, чтобы узнать, как это ей удастся.

Затем Долли медленно произнес несколько фраз на тему "Утка". Прозвучали они весьма невыразительно, так как докладчик заучил их наизусть и вообще считал истинным мучением делать любое сообщение в присутствии аудитории.

— Диких уток трудно убить, люди прячутся и стреляют в них, и заставляют ручных уток кричать и привлекать диких туда, где люди могут в них стрелять. И еще они делают деревянных уток и спускают их на воду, а дикие прилетают на них поглядеть — глупые они, я думаю. Наши утки совсем ручные. Они много едят и бродят по грязи и воде, тычась в них клювом в поисках еды. Они не очень заботятся о своих яйцах, и яйца портятся, и...

— У моих уток не портятся! — вскричал Томми.

— Ну, у некоторых других портятся, так Сайлас говорит. Куры очень хорошо заботятся о маленьких утятах, только они не любят, когда утята идут в воду; курица тогда поднимает большой шум. Но утятам это нипочем. Я люблю есть фаршированную утку... и чтобы яблочного соуса было побольше.

— Я хочу рассказать о совах, — начал Нат, который заботливо приготовил доклад на эту тему при поддержке Дэна. — У сов большие головы, круглые глаза, крючковатые носы и сильные когти. Некоторые серые, некоторые белые, некоторые черные и желтоватые. Перья у них очень мягкие и сильно торчат. Они летают совсем бесшумно и охотятся на летучих мышей, полевок, маленьких птичек и других мелких животных. Они строят гнезда в амбарах, в дуплах деревьев, а иногда занимают гнезда других птиц. В гнезде большой ушастой совы обычно два яйца, они больше чем куриные и красновато-коричневого цвета. У рыжей совы пять яиц, белые и гладкие. Совы этого вида ухают по ночам. Другие кричат так, будто ребенок плачет. Совы едят летучих мышей и полевок целиком, а то, что не могут переварить, выплевывают.

— Ну и ну! Забавно! — заметила Нэн.

— Они не видят днем, а если случайно вылетят на свет, то просто сидят и хлопают крыльями, полуослепшие, и другие птицы гоняют их и клюют, как будто дразнят. Ушастая сова очень большая, размером почти с орла. Она ест кроликов, крыс, змей и птиц и живет в скалах и старых заброшенных домах. У них много разных криков, и они могут визжать, как человек, которого душат, или говорить: "Хуу-гу! Хуу-гу!" И эти крики пугают людей по ночам в лесах. Белая сова живет у моря и в холодных местах; она похожа на ястреба. Есть совы, которые делают норы и живут в них как кроты. Они очень маленькие. Амбарная сова — самый распространенный вид, и я сам видел одну. Она сидела в дупле и была похожа на маленькую серую кошку, один глаз у нее был закрыт, а другой открыт. Она выходит на охоту в сумерки и сидит неподвижно, ожидая летучих мышей. Я поймал эту сову, вот она.

С этими словами Нат неожиданно извлек из-под куртки маленькую пушистую птицу, которая медленно мигала и взъерошивала перья, очень пухлая, сонная и испуганная.

— Подождите! Она хочет покрасоваться, — сказал Нат, демонстрируя своего нового питомца с большой гордостью. Сначала он надел на голову птице бумажную треуголку, а потом снабдил ее бумажными очками, чем придал сове такой ученый вид, что все засмеялись и завизжали от восторга. Представление закончилось тем, что рассерженная птица повисла на носовом платке Ната вниз головой,

пытаясь клюнуть его с "клохтаньем", как выразился Роб. После этого ей было позволено полетать и устроиться на сосновых ветках, развешанных над дверью, где она и сидела, таращась вниз на собравшихся с сонным достоинством, очень их забавлявшим.

— А у тебя есть что рассказать нам, Джордж? — спросил мистер Баэр, когда в комнате опять стало тихо.

— Ну, я прочитал одну книжку и узнал из нее ужасно много о кротах, но боюсь, я все позабыл, кроме того, что они роют норы и живут в них, и что можно их ловить, заливая норы водой, и что они не могут жить без того, чтобы не есть очень часто, — и Стаффи сел на место. Он поленился сделать выписки и потому не мог сообщить ничего больше, но теперь пожалел об этом, заметив улыбку, которой обменялись слушатели, когда он упомянул последний из трех фактов, сохранившихся в его в памяти.

— Итак, на сегодня мы закончили, — начал мистер Баэр, но Томми торопливо выкрикнул:

— Нет, не кончили! Разве вы забыли? Мы должны вручить подарок. — И он яростно подмигнул одним глазом, сделав кружок из большого и указательного пальцев перед другим.

— Ах да, я забыл! Теперь твой черед, Том, — и мистер Баэр снова опустил на свое место, в то время как все мальчики, кроме Дэна, заулыбались с довольным видом.

Нат, Томми и Деми покинули комнату, но тут же вернулись с маленькой красной сафьяновой коробкой, выставленной во всем своем великолепии на лучший серебряный поднос миссис Джо. Томми нес его и, по-прежнему сопровождаемый Натом и Деми, промаршировал к ничего не подозревающему Дэну, который глядел на них так, словно ожидал, что они хотят над ним подшутить. Томми подготовил по этому случаю витиеватую и внушительную речь, но когда минута настала, все заученные слова вылетели у него из головы, и он лишь сказал от всего своего доброго мальчишеского сердца:

— Вот, дружище, мы все хотели подарить тебе что-нибудь, чтобы загладить нашу вину за то, что случилось прежде, и чтобы показать, как ты нам нравишься за то, что ты такой молодчина. Пожалуйста, возьми это, и пусть тебе будет весело и интересно.

Дэн был так удивлен и растерян, что его лицо стало краснее маленькой сафьяновой коробки. Он лишь пробормотал: "Спасибо,

ребята!" и неуверенно открыл ее. Но когда он увидел, что лежало внутри, его лицо просияло, и, схватив сокровище, о котором так долго мечтал, он заговорил с таким энтузиазмом, что все были удовлетворены, хотя выражения звучали совсем не изысканно:

— Потрясающе! Слушайте, да вы, ребята, просто молодцы, что дарите мне микроскоп. Это то самое, что мне нужно. Дай лапу, Томми.

Много "лап" было протянуто и сердечно пожато, так как все мальчики, разделяя радость Дэна, столпились вокруг, чтобы поздравить его и распространиться о достоинствах их подарка. Среди этой приятной болтовни, взгляд Дэна упал на миссис Джо, которая стояла в стороне, от души наслаждаясь этой картиной.

— Нет, я не приложила к этому руку. Мальчики все устроили сами, — сказала она, отвечая на его взгляд, который, казалось, благодарил ее за этот счастливый момент. Дэн улыбнулся и сказал тоном, который только она могла понять:

— Все равно, это сделали вы, — и, протолкавшись через толпу мальчиков, он подал руку сначала ей, а потом доброму профессору, который благосклонно улыбался своему шумному выводу.

Дэн поблагодарил их обоих, сердечно пожав дружеские руки, что поддержали его и вывели в безопасный мир счастливой семьи. Ни слова не было произнесено, но у всех было такое чувство, словно он высказал все, что было у него на душе, а маленький Тедди выразил за них всеобщую радость и удовольствие, когда, сидя на руках у отца, наклонился вперед, чтобы обнять Дэна и сказать младенчески простодушно:

— Мой славный Дэнни! Все любят его тепель!

— Иди сюда, Дэн, покажи свой чудо-прибор и дай нам посмотреть через него на твоих головастиков и всяких там личинок, — сказал Джек, который чувствовал себя так неловко во время этой сцены, что охотно ускользнул бы, если бы его не удержал Эмиль.

— Да, конечно, загляните и скажите, что вы об этом думаете, — сказал Дэн, радуясь возможности продемонстрировать свой драгоценный микроскоп.

Он положил под микроскоп жука, случайно оказавшегося на столе. Джек склонился, чтобы взглянуть, и тут же поднял взгляд, пробормотав с изумлением:

— Ого! Какие клешни у старика! Теперь я понимаю, почему бывает так больно, когда схватишь жука-навозника, а он тебя.

— Он подмигивает мне, — взвизгнула Нэн, которая успела подсунуть голову под локоть Джека и заглянула второй.

После этого по очереди заглянули все остальные, а потом Дэн показал им великолепные узоры на крылышке мотылька и прожилки на листе, едва видимые невооруженным глазом, но похожие на выпуклую сетку, если смотреть на них через чудесные стеклышки микроскопа, а еще — кожу на их собственных пальцах, напоминающую странную местность с высокими холмами и глубокими долинами, а еще — паутину, похожую на вязанье из грубой шелковой нитки, а еще — жало пчелы...

— Это как волшебные очки в моей книге сказок, только гораздо интереснее, — сказал Деми, зачарованный увиденным.

— Дэн теперь сказочный волшебник; он может показать вам много чудес, происходящих вокруг вас, так как обладает самым необходимым для этого — терпением и любовью к природе. Мы живем в красивом и удивительном мире, Деми, и чем больше вы узнаете о нем, тем мудрее и лучше вы будете. Эти маленькие стеклышки станут для вас новыми учителями, и вы, если захотите, сможете выучить чудесные уроки, которые они дадут вам, — сказал мистер Баэр, с радостью наблюдая за мальчиками, горячо заинтересованными всем увиденным.

— А могу я увидеть чью-нибудь душу через эти стеклышки, если буду смотреть очень внимательно? — спросил Деми, весьма впечатленный могуществом микроскопа.

— Нет, дорогой, микроскоп не настолько мощный прибор и никогда не станет достаточно мощным. Ты должен долго ждать, прежде чем твои глаза обретут достаточную зоркость, чтобы видеть самые чудесные из незримых чудес Бога. Но, если ты будешь внимательно смотреть на те из Божьих творений, которые видимы для твоих смертных глаз, это поможет тебе постигнуть Его еще более восхитительные творения, которых ты видеть не можешь, — отвечал дядя Фриц, положив руку на голову мальчика.

— Мы с Дейзи думаем, что если есть ангелы, то их крылья должны выглядеть как у тех бабочек, которых мы видим через микроскоп, только у ангелов они мягче и золотистее.

— Верьте, если хотите, и старайтесь, чтобы ваши собственные маленькие крылышки всегда оставались такими же яркими и красивыми... только пока не улетайте далеко.

— Нет я не улечу, — и Деми сдержал слово.

— До свидания, мальчики, мне пора уходить, но оставляю вас с нашим новым профессором естественных наук, — и миссис Джо ушла, очень довольная "днем сочинений".

Глава 17

Урожай

Все росло хорошо в то лето на маленьких огородиках, и в сентябре каждый с радостью собрал свой урожай. Джек и Нед объединили свои участки и вырастили на них картофель, как самый ходкий товар. Они собрали двенадцать бушелей^[38], считая и мелкую картошку, и продали все это мистеру Баэру за хорошую цену, так как картофель быстро расходовался в этом доме. Эмиль и Франц посвятили свои усилия выращиванию зерна и весело провели время за очисткой кукурузы в амбаре, после чего отвезли свой урожай на мельницу и гордо вернулись домой с большим запасом кукурузной муки, который позволил долго снабжать семью заварным пудингом и кукурузными лепешками. Они не захотели взять денег за свой урожай, поскольку, как пояснил Франц: "Даже если бы мы выращивали кукурузу до конца наших дней, нам никогда не заплатить дяде за все, что он сделал для нас".

Нат снял такой обильный урожай бобов, что отчаялся когда-либо очистить их, пока миссис Джо не предложила новый способ, оказавшийся на редкость эффективным. Все собрались в амбаре, Нат играл на скрипке, а мальчики танцевали кадрили на разбросанных по полу сухих бобовых стручках, пока они не были очищены — с большим весельем и очень малым трудом.

Томми потерпел неудачу со своими скороспелыми бобами: сухая погода в начале сезона повредила им, так как он не поливал их, а потом, в полной уверенности, что они сами о себе позаботятся, оставил бедняг бороться с жуками и сорняками, пока они не умерли медленной смертью от истощения. Так что Томми пришлось вскопать участок заново и посадить горошек. Но было поздно, много семян съели птицы, плохо укоренившиеся растения вырывало ветром, а когда бедные ростки наконец пробились на свет, никто не интересовался ими, так как весна прошла и уже появилось много других овощей и фруктов. Томми утешился тем, что в порыве благотворительности пересадил на свой огородик весь чертополох, какой смог найти, и заботливо ухаживал за ним ради Тоби, который любил этот колючий

деликатес. Мальчики очень веселились из-за грядки чертополоха, но Томми настаивал, что лучше позаботиться о бедном Тоби, чем о себе самом, и объявил, что на следующий год засеет весь свой участок чертополохом и будет разводить червей и улиток, чтобы и ослик, и черепахи Деми, и ручная сова Ната могли получать свою любимую пищу. Это было вполне в духе непостоянного, добросердечного, беспечного Томми!

Деми все лето снабжал бабушку салатом, а осенью послал дедушке корзинку репы, при этом каждый корнеплод был вымыт и отчищен так, что напоминал большое белое яйцо. Бабушка любила салат, а одной из любимых цитат дедушки была следующая:

— Лукулл^[39], пресытившись, сказать мог яствам "нет"

И попросить тушеной репы на обед,

а потому эти овощные приношения были желанными, уместными и классическими.

Дейзи выращивала на своем участке только цветы, и все лето он радовал ее новыми яркими и душистыми чудесами. Она очень любила свой садик и проводила в нем долгие часы, ухаживая за розами и анютиными глазками, душистым горошком и резедой, так же верно и нежно, как за своими куклами или друзьями. В город при каждом удобном случае отсылались маленькие букетики, и все вазы в доме были ее особой заботой. В ее уме рождались всевозможные милые фантазии о цветах, и она любила рассказывать детям историю анютиных глазок и показывать им, как на зеленом стульчике сидит мачеха, вся в золоте и фиолетовом шелке, и двое ее родных детей в ярко-желтых нарядах имеют каждый по собственному стульчику, а ее приемные дети, в тусклых одежках, оба сидят на одном маленьком табурете, и бедный маленький отец в красном ночном колпаке ютится в середине цветка... или как темное лицо монаха выглядывает из похожего на клубок цветка дельфиниума... или как цветы канареечника, похожие на изящных птичек, трепещут своими желтыми крылышками, словно вот-вот улетят... или как львиный зев стреляет,

словно пистолет, когда вы откроете его, а потом захлопнете... Из алых и белых маков она делала прелестных куколок в пышных платьицах с завязанными вокруг талии поясками из травинок и в изумительных шляпках из кореопсиса на зеленых головках. Эти цветочные дамы получали лодочки из стручков и плавали по тихому пруду под парусами из розовых лепестков самым очаровательным образом, так как, выяснив, что эльфов не существует, Дейзи придумала для себя своих собственных маленьких друзей, которые с успехом играли свои роли в ее летней жизни.

Нэн занялась лекарственными травами и могла похвастаться настоящей выставкой полезных растений, которые она выращивала с постоянно возрастающим интересом и заботой. Весь сентябрь она была очень занята срезкой, высушиванием и укладыванием на хранение своего душистого урожая и аккуратно записывала в маленькую книжечку, как разные растения предстоит использовать. Она уже успела провести несколько экспериментов и совершить несколько досадных ошибок, так что впредь хотела быть более осмотрительной, чтобы снова не довести маленького полосатого Наза до судорог, прописав ему полынь вместо кошачьей мяты.

Дик, Долли и Роб трудились изо всех сил на своих маленьких участках и производили больше шума, чем все остальные вместе взятые. Дик и Долли вырастили пастернак и морковь и сгорали от нетерпения, ожидая, когда же можно будет их выкопать. Дик потихоньку обследовал свою морковь, но тут же посадил ее обратно, чувствуя, что Сайлас был прав, когда сказал, что еще слишком рано.

Урожаем Роба были четыре маленьких кабачка и одна огромная тыква. Она действительно была "громадиной", как все говорили, и нет никакого сомнения, что два маленьких человека вполне могли бы сидеть на ней бок о бок. Она, казалось, вобрала в себя все питательные силы почвы маленького огородика и весь падавший на нее солнечный свет и теперь лежала на земле большим золотистым шаром, суля множество великолепных тыквенных пирогов в предстоящие недели. Робби был так горд этим громадным овощем, что приводил каждого полюбоваться на него, и когда начались ночные заморозки, покрывал ее по вечерам старым одеялом, заботливо подтыкая его вокруг, словно тыква была горячо любимым младенцем. В день, когда ее сняли, он не позволил никому коснуться своего сокровища и все сделал сам, так что

почти сломал спину, пока толкал ее в амбар на своей маленькой тачке, с Диком и Долли, впряженными спереди, чтобы тащить ее по дорожке. Мать обещала ему, что пирог на День Благодарения будет сделан из нее, и туманно намекнула, что у нее есть план, осуществление которого покроет славой и саму тыкву, и ее владельца.

Бедный Билли посадил огурцы, но, к несчастью, во время прополки вырвал их, а оставил сорняки. Ошибка глубоко огорчила его на десять минут, затем он совсем забыл о ней и посеял на своем огороде горсть ярких пуговиц, которые собрал, полагая, по всей видимости, что это деньги, которые вырастут и умножатся, так что он получит, подобно предприимчивому Томми, много четвертаков. Никто не беспокоил его, и он делал, что хотел, со своим участком, который скоро стал выглядеть так, словно на нем произошла целая серия небольших землетрясений. Когда пришел общий день сбора урожая, он не мог бы похвалиться ничем, кроме камней и сорняков, если бы добрая старая Эйзи не повесила полдюжины апельсинов на сухую ветку, которую он воткнул посередине. Билли был в восторге от своего урожая, и никто не испортил его удовольствия от маленького чуда, которое для него совершила жалость, заставившая усохшие ветви принести странный плод.

Стаффи прошел через разные испытания со своими дынями, так как побуждаемый нетерпением, устроил себе пир, прежде чем они созрели, с такими последствиями для собственного здоровья, что день или два не был уверен, захочется ли ему хоть когда-нибудь снова поесть. Но все же он поправился и разрезал свою первую зрелую дыню, не попробовав ни кусочка сам. Дыни оказались отличными, так как его огородик располагался на теплом, солнечном склоне, и они созрели быстро. Последние и лучшие еще оставались на грядках, и Стаффи объявил, что продаст их соседу. Это разочаровало мальчиков, которые надеялись съесть дыни сами, и они выразили свое недовольствие новым и необычным способом. Отправившись в одно утро взглянуть на три прекрасных арбуза, предназначенных на продажу, Стаффи к своему ужасу обнаружил, на каждом из них слово "ЖАДИНА", вырезанное большими белыми буквами на зеленой корке. В ярости он бросился к миссис Джо и потребовал возмездия. Она выслушала, посочувствовала, а затем сказала:

— Если ты хочешь расквитаться за эту шутку, я скажу тебе, как это сделать, но тебе придется отдать арбузы.

— Хорошо, я отдам. Я не могу отлупить всех мальчишек, но очень хотел бы их как-то проучить. Подлые разбойники! — проворчал Стаффи, все еще в гневе.

Так вот, миссис Джо отлично знала, кто авторы этой шутки, так как накануне вечером видела три головы подозрительно близко друг к другу в углу дивана, и когда головы кивнули друг другу с хохотом и шепотом, эта опытная женщина знала, что затевается какая-то шалость. Ее подозрения подтвердили шелест в старой вишне у окна Эмиля в лунную ночь и порез на пальце Томми на следующее утро. Несколько успокоив разгневанного Стаффи, она велела ему принести его пострадавшие арбузы в ее комнату и не говорить никому ни слова о случившемся. Он последовал ее совету, и три озорника были изумлены, обнаружив, что их шутка принята так спокойно. Это испортило им всю забаву, а полное исчезновение арбузов вызвало некоторую тревогу. Смutilo их и добродушие Стаффи, так как тот выглядел еще безмятежнее и толще обычного и смотрел на них с видом спокойной жалости, совершенно озадачившим их. Лишь за обедом они поняли, в чем причина странного поведения Стаффи — их шутка обернулась против них самих. Когда пудинг был съеден и подали фрукты, появилась давящаяся смехом Мэрианн с большим арбузом на блюде, Сайлас последовал за ней с другим, а Дэн замыкал шествие с третьим. По арбузу было положено перед каждым из виновных, и они прочли на гладких зеленых корках: "Этот арбуз дарит тебе ЖАДИНА". Все остальные также прочли это, и за столом раздался дружный смех, так как о шутке уже шептались, так что каждый понял, в чем заключалась месть Стаффи. Эмиль, Нед и Томми не знали, куда девать глаза, и не могли найти слов в свое оправдание, так что сочли за лучшее присоединиться к общему смеху, нарезали арбузы и раздали их, признав — с чем согласились все, — что Стаффи нашел умный и веселый способ отплатить добром за зло.

У Дэна не было садика, так как большую часть лета он был в бегах или хромал, так что он просто старался помогать, чем мог, Сайласу, рубил дрова для Эйзи и ухаживал за лужайкой перед домом, так что миссис Джо всегда могла любоваться ровными дорожками и отлично подстриженной травой перед дверью.

Когда другие принесли в дом свои урожаи, он выглядел очень огорченным, оттого что ему было нечем похвалиться, но пришла осень, и он придумал для себя лесной урожай, на который никто другой не мог предъявить права и который он мог назвать своим собственным. Каждую субботу он в одиночестве отправлялся бродить по лесам, полям и холмам и всегда возвращался нагруженный добычей, так как знал луга, где росли лучшие корни солодки, чащи, где сассафрас был самым терпким, места, куда белки ходили за орехами, белые дубы, кора которых была особенно ценной, и маленькие трехлистные лютики, белыми корешками которых Нянюшка лечила стоматит и язвы. Приносил Дэн домой и великолепные красные и желтые листья, пышные султаны ломоносов, золотистые и оранжевые лесные ягоды на ветках и мхи с красной осенней каемкой, белые или изумрудно зеленые.

— Мне теперь не приходится вздыхать по лесам, в которых я так редко бываю, ведь Дэн приносит мне их дары, — говорила миссис Джо, украшая стены гостиной желтыми кленовыми ветками и алыми венками жимолости или заполняя вазы красновато-коричневыми папортничками, веточками болиголова с маленькими нежными шишечками и морозостойкими осенними цветами — урожай Дэна оказался как нельзя кстати.

Огромный чердак превратился в детский склад и какое-то время был одной из главных достопримечательностей дома. Семена цветов Дейзи в аккуратных бумажных пакетиках лежали в ящике трехногого стола. Травы Нэн висели пучками по стенам, наполняя воздух своим ароматом. Томми поставил в углу корзинку с пушистыми семечками чертополоха, которые собирался посадить на следующий год, если, конечно, все они не улетят до того времени. Эмиль хранил на чердаке початки кукурузы, а Деми — желуди и разные семена для домашних животных. Но лучше всего выглядел урожай Дэна — орехи, которые он собрал и которыми была покрыта почти половина пола чердака. Там были орехи всех видов, так как он углублялся в леса на целые мили, влезал на самые высокие деревья и продирался через самые густые живые изгороди ради своей добычи. Грецкие и лесные орехи, каштаны и буковые орешки лежали в разных коробках, в ожидании времени, когда ими, коричневыми, сухими и сладкими, полакомятся в зимние вечера.

Орехи росли и возле самого дома: немалый урожай в тот год принес развесистый серый калифорнийский орех — дерево, которое Роб и Тедди называли своим. Огромные, тусклого цвета, орехи падали, чтобы спрятаться среди опавших листьев, где деловитые белки находили их лучше, чем ленивые маленькие Баэры. Их отец говорил им (мальчикам, не белкам!), что всю зиму у них будут орехи, если только они будут вовремя собирать их. Это была легкая работа, и Тедди она нравилась, но, к сожалению, он быстро уставал и оставлял свою маленькую корзинку полупустой в ожидании "другого раза". Но "другой раз" наступал не так уж скоро, а тем временем хитрые белки усердно трудились, скача туда и сюда и набивая орехами до отказа свои дупла в старых вязах, а затем и все развилки меж: суками, чтобы потом на досуге придумать для них хранилище ненадежнее. Их забавные ужимки и проказы лишь забавляли мальчиков, пока однажды Сайлас не сказал:

— Вы уступили свои орехи белкам?

— Нет, — отвечал Роб, не понимая, что Сайлас имеет в виду.

— Ну, тогда вам следует поторопиться, а то эти прыткие ребята ничего вам не оставят.

— О, мы легко опередим их, когда начнем. Орехов много, наберем несколько бушелей.

— Орехи уже не падают, а белки собрали почти все, что было под деревом. Пойди и взгляни сам.

Робби побежал посмотреть и был встревожен, увидев, как мало орехов осталось. Он позвал Тедди, и они усердно трудились целый день, пока белки сидели на заборе и сердито стрекотали, глядя на них,

— Теперь, Тед, мы должны быть бдительны и собирать орехи, как только они падают, а то у нас наберется не больше бушеля, и все будут смеяться над нами.

— Эти противные белки не смогут собрать все. Я буду собирать орехи быстрее, чем они, и буду бегать бегом и складывать их в амбаре, — сказал Тедди, хмуро глядя на маленького мистера Проньру, который стрекотал и негодуяще махал хвостом.

В тот вечер сильный порыв ветра сдул сотни орехов, и, когда наутро миссис Джо пришла будить своих маленьких сыновей, первое, что она сказала им, было:

— Вставайте, мои мальчики, белки работают всюю, и вам придется хорошенько потрудиться сегодня, а то они подберут все орехи до единого.

— Ну уж нет, ничего у них не выйдет, — и Робби скатился с кровати в большой спешке. Он торопливо проглотил завтрак и бросился на двор, спасать свою собственность.

Тедди вышел тоже и работал как маленький бобр, семена туда и обратно то с полными, то с пустыми корзинками. Второй бушель скоро был убран в амбар, и братья все еще рылись в листьях в поисках орехов, когда прозвонил звонок на урок.

— Папа, позволь мне сегодня не учиться! Эти противные белки захватят все мои орехи, если ты не позволишь мне остаться во дворе и собрать все, что там еще валяется. Я сделаю уроки потом! — воскликнул Роб, вбегая в классную, раскрасневшийся и встрепанный от свежего холодного ветра и энергичной работы.

— Если бы ты вставал рано и собирал понемногу каждое утро, сейчас не было бы никакой спешки. Я предупреждал тебя об этом, Роб, а ты не обращал внимания. Я не могу допустить, чтобы ты пренебрегал теперь уроками, как раньше работой. Белки получают в этом году больше, чем им причитается, и вполне заслуженно, так как они работали каждый день и очень старательно. Ты сможешь уйти на час раньше, но это все, на что я согласен, — и мистер Баэр повел Роба к его парте, где маленький мужчина набросился на свои учебники, словно желая приблизить драгоценный час, обещанный ему.

Было так мучительно неподвижно сидеть за партой и видеть, как ветер скидывает последние орехи и проворные маленькие грабители снуют туда и сюда, приостанавливаясь иногда, чтобы съесть орешек прямо у него на глазах и махнуть хвостом, словно дерзко заявляя: "Орехи будут наши, хоть ты и недоволен, ленивый Роб". Единственное, что поддерживало беднягу в этот мучительный момент, — это вид Тедди, усердно работающего в одиночестве. Мужество и упорство малыша были поистине замечательны. Он собирал и собирал до боли в спине, он таскал корзинки туда и обратно, пока не натрудил ноги, он бросал вызов ветру, усталости и "противным белкам", пока мать, восхищенная желанием маленького труженика помочь братику, не оставила шитье и не пришла, чтобы носить за него корзинки в амбар. Когда Роба отпустили, он нашел Тедди отдыхающим на большой

корзине, совсем измотанного, но не желающего покинуть поле битвы: он не переставал махать на рыжих воришек своей шляпой, стиснутой в маленькой грязной руке, пока освежался большим яблоком, зажатым в другой.

Роб принялся за работу, и вся земля под деревом была очищена до двух часов; орехи благополучно разместили на чердаке амбара, а усталые работники радовались своему успеху. Но мистера Проныру и его супругу было не так легко победить, и, когда через несколько дней Роб поднялся на чердак, чтобы посмотреть на свои орехи, он был совершенно изумлен, увидев, сколько их исчезло. Никто из мальчиков не мог взять их, так как дверь была заперта на замок, голуби их не ели, а крыс в амбаре не было. Юные Баэры пребывали в великом огорчении и растерянности, пока Дик не сказал:

— Я видел Проныру на крыше амбара, может быть, это он забрал орехи.

— Я знаю, это он! Я поставлю ловушку и поймаю его, — вскричал Роб, возмущенный жадностью Проныры.

— Может быть, если ты проследишь за ним, тебе удастся узнать, куда он их складывает, и тогда я смогу достать их и вернуть тебе, — сказал Дэн, которого очень забавляла эта война между мальчиками и белками.

Роб принялся наблюдать и увидел, как мистер и миссис Проныры соскочили с низко свисающих ветвей вяза на крышу амбара, прошмыгнули внутрь через одну из маленьких дверок, вызвав переполох среди голубей, а затем, каждый с орехом во рту, снова вылезли на крышу. Нагруженные, они не могли вернуться тем же путем, но сбежали по скату вдоль стены и, спрыгнув на углу, исчезли на минуту, чтобы снова появиться, уже без добычи. Роб бросился в лощину и там, под листьями, нашел кучу украденных орехов, спрятанных до той поры, когда их можно будет разнести по дуплам.

— Ах, вы, маленькие злодеи! Но теперь я отниму у вас добычу и не оставлю вам ни орешка, — сказал Роб. И, очистив тайничок, сложил отвоеванные орехи на чердаке, предварительно убедившись, что никакое разбитое окно не впустит беспринципных белок в его хранилище. Белки, похоже, поняли, что состязание в ловкости окончено, и удалились в свое дупло, но не могли не швырнуть ореховую скорлупку на голову Роба, когда ему случалось проходить

мимо, и неистово стрекотали, словно не могли ни простить его, ни забыть, что победа осталась за ним.

Урожай папы и мамы Баэр был иного рода, и его не так легко описать, но они были удовлетворены им, чувствовали, что их летняя работа продвигается неплохо и что со временем они получают урожай, который сделает их счастливыми.

Глава 18

Джон Брук

— Проснись, Деми, дорогой! Ты мне нужен.

— Но ведь я только что лег, и еще не может быть утро. — Деми моргал как маленькая сова, пробудившись от первого сладкого сна.

— Еще только десять часов, но твой папа заболел, и мы должны поехать к нему. О, мой маленький Джон! Мой бедный маленький Джон! — И тетя Джо положила голову на подушку с рыданием, которое испугало Деми и, прогнав сон от его глаз, наполнило его сердце страхом и удивлением, так как он смутно догадывался, почему тетя Джо назвала его Джоном и плакала над ним, словно в результате какой-то ужасной потери он остается бедным и несчастным. Он прильнул к ней без слов, и через минуту она опять выглядела спокойной и сказала с нежным поцелуем, увидев тревогу на его лице:

— Мы поедем попрощаться с ним, мой дорогой, и нам нельзя терять времени, так что быстро одевайся и приходи в мою комнату. А я должна пойти к Дейзи.

— Хорошо. — И когда тетя Джо ушла, Деми тихо встал, оделся как во сне и, оставив Томми крепко спящим, ушел через безмолвный дом, чувствуя, что чему-то новому и горестному предстоит войти в его жизнь, чему-то, что отдалит его на время от других мальчиков и сделает мир темным, неподвижным и странным, как это бывает со знакомыми комнатами ночью. Экипаж, присланный мистером Лори, стоял перед дверью. Дейзи вскоре была готова, и брат и сестра держались за руки всю дорогу в город, пока ехали, быстро и молча, вместе с дядей и тетей по залитым сумраком дорогам, чтобы попрощаться с отцом.

Никто из мальчиков, кроме Франца и Эмиля не знал о случившемся, и, спустившись на следующее утро к завтраку, все были неприятно удивлены, так как без хозяина и хозяйки дом казался брошенным. Завтрак был унылой трапезой без веселой миссис Джо, председательствующей за чайником, а когда пришло время школьных занятий, место папы Баэра осталось пустым. Безутешные, мальчишки бродили по дому около часа, ожидая новостей и надеясь, что папа

Деми поправится, — все в Пламфильде любили доброго Джона Брука. Пробыло десять, но никто не приехал, чтобы успокоить их. Никому не хотелось играть, однако время тянулось мучительно долго, и они продолжали сидеть на лестнице и в холле, вялые и унылые. Вдруг Франц встал и сказал, как всегда, убедительно:

— Слушайте, ребята! Давайте пойдём в класс и будем заниматься так, как если бы дядя был здесь. И день быстрее пройдет, и ему, я уверен, это понравится.

— Но кто будет слушать наши ответы? — спросил Джек.

— Я. Конечно, я знаю ненамного больше вас, но я здесь старший и постараюсь заменить дядю до его возвращения, если вы не возражаете.

Что-то в скромном, серьезном тоне, которым Франц произнес эти слова, поразило мальчиков, так как, хотя глаза у бедняги были красны от слез, которые он пролил по дяде Джону в ту долгую печальную ночь, держался он с новой, непривычной твердостью, словно уже начал, чувствовать всю тяжесть забот и тревог жизни и старался нести их мужественно.

— Что до меня, то я согласен, — и Эмиль направился к своей парте, помня что повинование старшему по званию — первый долг моряка.

Другие последовали его примеру, Франц занял место дяди, и на час воцарился порядок. Уроки были выучены и отвечены, а Франц оказался терпеливым, приятным учителем, благоразумно исключив из программы этого дня те предметы, в которых сам не был силен, и поддерживая порядок в классе скорее не словами, а тем неосознанным достоинством, которое давало ему переживаемое горе. Маленькие мальчики читали вслух, когда в холле послышались шаги, и все подняли глаза. Доброе лицо вошедшего мистера Баэра сразу сказало им, что Деми теперь без отца, так как было оно усталым и бледным, и полным тихой печали, помешавшей ему найти слова, чтобы ответить Робу, когда тот подбежал и сказал с упреком:

— Папа, почему ты уехал и оставил меня ночью одного?

Мысль о другом отце, который оставил своих детей в ночи и уже никогда не вернется, заставила мистера Баэра взять на руки и крепко прижать к себе своего мальчика, на минуту спрятав лицо в его кудрявой головке. Эмиль уронил голову на руки, Франц, с лицом

бледным от сочувствия и печали, подошел, чтобы положить руку на плечо дяди, а остальные сидели так неподвижно, что было слышно, как с нежным шелестом падают листья за окном.

Роб не совсем понял, что случилось, но ему очень не хотелось видеть папу несчастным, и, подняв голову, он сказал бодрым голосом:

— Не плачь, папа, мы все были такими хорошими и делали уроки без тебя, а Франц был учителем.

Тогда мистер Баэр поднял взгляд, попытался улыбнуться и сказал благодарным тоном, так что мальчики почувствовали себя героями:

— Большое спасибо, мои мальчики. Это был прекрасный способ помочь и утешить меня. Я не забуду этого, уверяю вас.

— Это Франц нам предложил, и он оказался замечательным учителем, — сказал Нат, и другие поддержали его мнение, весьма лестное для юного наставника.

Мистер Баэр поставил Роба на пол и, выпрямившись, обнял за плечи своего высокого племянника, сказав с неподдельным удовлетворением:

— Этим вы облегчаете для меня нынешний тяжелый день и даете мне уверенность во всех вас. Я нужен в городе, и мне придется оставить вас еще на несколько часов. Я хотел дать вам всем выходной, а, возможно, отправить некоторых из вас по домам, но если вы хотите остаться и продолжать, как начали, я очень рад и буду гордиться моими славными мальчиками.

— Мы останемся! Да-да, лучше останемся! Франц займется нами! — закричали сразу несколько голосов, восхищенных оказанным доверием.

— Разве мама не вернулась вместе с тобой? — спросил Роб печально, так как дом без мамы был для него миром без солнца.

— Мы оба вернемся сегодня вечером, но, дорогой, тете Мег мама нужна сейчас больше, чем тебе, и я знаю, ты согласен уступить ее на время.

— Хорошо, я согласен, но Тедди плачет по ней, и он ударил Нянюшку и был ужасно непослушный, — отвечал Роб, словно это известие могло вернуть маму домой.

— Где же сейчас мой маленький мужчина? — спросил мистер Баэр.

— Дэн повел его погулять, чтобы успокоить. Вон, смотрите, он уже не плачет, — сказал Франц, указывая за окно, где Дэн катал малыша в маленьком экипаже, вокруг которого прыгали собаки.

— Я не выйду к нему, это только снова расстроит его, но скажи Дэну, что я поручаю Тедди его заботам. Вам, старшим, я доверяю самоуправление на этот день. Франц будет руководить вами, а Сайлас позаботится о хозяйстве. Так что простимся до вечера.

— Скажи мне хоть слово о дяде Джоне, — попросил Эмиль, задерживая мистера Баэра, когда тот собрался поспешно уйти.

— Его болезнь продлилась лишь несколько часов, и он умер, как и жил, так радостно, так мирно, что казалось грехом портить красоту этой смерти бурным или себялюбивым горем. Мы прибыли как раз во время, чтобы попрощаться, и, держа в объятиях Дейзи и Деми, он уснул вечным сном на груди тети Мег. Больше не спрашивай, я не вынесу этого, — и мистер Баэр торопливо ушел, согнувшись под тяжестью горя, так как в Джоне Бруке он потерял друга и брата, и не было никого, чтобы занять его место.

Весь тот день в доме было очень тихо, маленькие мальчики, без шума и гама, играли в детской, другие, чувствуя себя так, словно в середине недели вдруг наступило воскресенье, провели его, гуляя, сидя на иве или среди своих домашних питомцев, и все много говорили о дяде Джоне и чувствовали, что что-то заботливое, справедливое и сильное ушло из их маленького мира, оставив чувство утраты, углублявшееся с каждым часом. В сумерки мистер и миссис Баэр вернулись домой одни, так как Деми и Дейзи были теперь лучшим утешением для их матери и не могли покинуть ее. Бедная миссис Джо казалась совершенно обессиленной и явно нуждалась в том же утешении, так как ее первыми словами, когда она поднялась наверх, были: "Где мой малыш?"

— Я тут, — отозвался бодрый голосок, когда Дэн передал Тедди ей на руки, и добавил: — Мой Дэнни гулял со мной весь день, и я был хорошим.

Миссис Джо обернулась, чтобы поблагодарить верного Дэна, но он в этот момент махал рукой на мальчиков, собравшихся в холле, чтобы встретить ее, и повторял негромко:

— Нам лучше уйти, не стоит беспокоить ее сейчас.

— Нет, не уходите. Вы все нужны мне. Войдите и посидите со мной, мои мальчики. Я покидала вас на целый день, — и миссис Джо протянула им руки, когда они толпой окружили ее, чтобы проводить в ее комнату. Все говорили мало, но любовными взглядами и неуклюжими маленькими знаками внимания старались выразить свое сочувствие.

— Я очень устала. Я полежу здесь немного и приласкаю Тедди, а вы принесите мне чаю, — сказала она, стараясь, ради них, говорить весело.

Все бросились в столовую, последовала общая давка, и стол, накрытый к ужину, был бы опустошен, если бы не вмешательство мистера Баэра. Сошлись на том, что один отряд отнесет маме чаю, а другой, когда она его выпьет, унесет посуду. Четверо самых приближенных потребовали чести быть первым отрядом, так что Франц нес чайник, Эмиль — хлеб, Роб — молоко, а Тедди настоял на том, чтобы нести сахарницу, которая за время пути стала легче на несколько кусочков сахара. Некоторым женщинам, вероятно, показалось бы слишком беспокойным в такое время оказаться в окружении всех этих мальчиков, со скрипом входящих в комнату и выходящих из нее, опрокидывающих чашки и грохочущих ложками, в отчаянной попытке быть незаметными и полезными, но миссис Джо все это подходило как нельзя лучше, так как именно в эти минуты чувствовала она особый прилив нежности и, помня, что у многих из ее мальчиков нет отца или матери, всей душой сочувствовала им и находила утешение в их любви, выражаемой так неловко и неуклюже. Это была пища, которая приносила ей больше пользы, чем все куски хлеба с маслом, которые они вручали ей, а срывающийся шепот Коммодора: "Крепись, тетечка! Это тяжелый удар, но мы вынесем его", — подбадривал ее больше, чем поднесенная им чашка чая, такого горького, словно в ней были ее собственные слезы. Когда ужин кончился, второй отряд унес посуду, и Дэн сказал, забирая из ее объятий сонного Тедди:

— Позвольте мне уложить его, мама, вы так устали.

— Ты пойдешь с Дэном, любовь моя? — спросила миссис Джо у своего маленького господина, дремавшего на ее руке среди диванных подушек.

— Конечно!

И верный Дэн с гордостью унес его.

— Я тоже хотел бы что-нибудь сделать для вас, — сказал Нат со вздохом, глядя на Франца, который склонился над диваном и нежно гладил горячий лоб тети Джо.

— Спасибо, дорогой. Пойди, принеси скрипку и поиграй мне нежные мелодии, ноты которых недавно прислал тебе дядя Тедди. Музыка утешит меня сегодня лучше всего.

Нат бросился за скрипкой, а потом, усевшись прямо под ее дверью, играл, как никогда прежде, вкладывая в музыку всю свою душу. Другие мальчики сидели молча на лестнице, следя, чтобы никакой пришелец не побеспокоил обитателей дома. Франц медлил на своем посту у ее дивана, и так, утешенная и охраняемая своими мальчиками, бедная миссис Джо уснула и на время забыла свои горести.

Прошли два тихих дня, а на третий мистер Баэр вошел в класс сразу после школьных занятий с запиской в руке. Вид у него при этом был довольный и растроганный.

— Я хочу прочитать вам, мальчики, письмо тети Мег, — сказал он и, когда они столпились вокруг него, прочел им следующее:

"Дорогой брат Фриц, я узнала, что вы не хотите брать сегодня с собой всех ваших мальчиков, полагая, что мне это может не понравиться. Пожалуйста, привозите всех. Присутствие друзей очень поможет Деми в этот тяжелый час. А еще я хочу, чтобы мальчики услышали, что мой отец скажет о моем Джоне. Это принесет им немалую пользу, я уверена. А если они согласятся спеть один из дорогих старых псалмов, которым вы так хорошо их научили, я предпочту эту музыку любой другой, так как она прекрасно подойдет к случаю. Пожалуйста, пригласите их и передайте им мою любовь.

Мег"

— Вы поедете? — и мистер Баэр взглянул на мальчиков, глубоко тронутых добрыми словами и желанием миссис Брук услышать их пение.

— Да, — ответили все как один, а час спустя отправились в путь во главе с Францем, чтобы внести свой вклад в скромные похороны Джона Брука.

Маленький домик выглядел таким же тихим, солнечным и уютным, как в тот день, когда Мег вошла в него новобрачной десять лет назад, только тогда было начало лета и повсюду цвели розы, теперь же стояла ранняя осень и сухие листья с мягким шелестом слетали с полуобнаженных ветвей. Новобрачная теперь была вдовой, но прежняя чарующая безмятежность сияла в ее лице, и сладкое смирение истинно набожной души делало ее присутствие утешением для тех, что пришли утешать ее.

— О Мег! Как тебе удастся переносить утрату с такой кротостью? — прошептала Джо, когда Мег встретила их у двери приветливой улыбкой, а в ее спокойных манерах не было никакой перемены, если не считать большей мягкости.

— Дорогая Джо, любовь, которая была благословением для меня на протяжении десяти лет, по-прежнему поддерживает меня. Она не могла умереть, и Джон еще больше дорог мне, — прошептала Мег, и нежная вера в ее глазах была такой красивой и убедительной, что Джо не усомнилась в ее словах и всей душой поблагодарила Бога за бессмертие этой любви.

Они все были там: отец и мать, дядя Тедди и тетя Эми, старый мистер Лоренс, очень постаревший и седой как лунь, мистер и миссис Баэр со своим выводком и множество друзей, которые пришли отдать дань памяти умершему. Можно было предположить, что в своей полной забот, тихой, смиренной жизни скромный Джон Брук имел мало времени на то, чтобы заводить друзей, но оказалось, что это не так, и теперь они шли отовсюду, старые и молодые, богатые и бедные, знатные и незнатные, так как многие ощутили на себе его влияние, многие помнили его добродетели, а те, кому он без лишнего шума помогал и о ком заботился, пришли, чтобы в последний раз поблагодарить его. Вид тех, кто собрался вокруг его гроба, был гораздо более красноречивым панегириком^[40], чем тот, который произнес мистер Марч. Здесь были богатые люди, которым он верно служил много лет, и бедные старые женщины, которых он высоко ценил, в память о своей матери, и жена, которой он дал столько счастья, что даже смерть не могла омрачить память о нем, и братья и сестры, в чьих

сердцах ему предстояло остаться навсегда, и маленькие сын и дочь, которые уже чувствовали, что им не хватает его крепкой руки и ласкового голоса, и маленькие ученики Пламфильда, оплакивающие своего добрейшего товарища по играм, и высокие пареньки, вззирающие со смягчившимися лицами на сцену похорон, которой им никогда не забыть. Последовала очень простая служба — простая и очень короткая, так как отеческий голос, который срывался от волнения десять лет назад во время брачной церемонии, теперь совсем отказал, когда мистер Марч приносил свою дань почтения и любви сыну, которого глубоко уважал. Ничто, кроме нежного гуканья малышки Джози, остававшейся наверху в детской, не нарушало долгое молчание, последовавшее за последним возгласом "Аминь", пока по знаку мистера Баэра хорошо поставленные мальчишеские голоса не запели гимн. Эти голоса были так полны возвышенной радости, что, один за другим, к ним присоединились все присутствующие и пели от всей души, находя, что их смятенный дух возносится в покое на крылах этого бодрого, сладкозвучного псалма.

Мег слушала их и чувствовала, что поступила правильно, пригласив их: ее радовало не только то, что последняя колыбельная для Джона была исполнена, юными голосами, которые он так горячо любил, но и сами лица мальчиков, говорившие ей, что они, пусть мельком, увидели красоту добродетели в ее самой выразительной форме и что память о добром человеке, ныне лежащем мертвым перед ними, будет долго жить в их памяти и приносить им пользу. Головка Дейзи лежала у нее на коленях, а Деми держал ее за руку, часто поднимая на нее глаза, так похожие на глаза его отца, и слегка кивал ей, словно говоря: "Не беспокойся, мама, я здесь", и вокруг нее везде были друзья, на которых можно опереться, так что терпеливая, набожная Мег отложила мысли о своем тяжелом горе, чувствуя, что самой действенной помощью для нее будет стремление жить для других, как это делал ее Джон.

В тот вечер, когда мальчики сидели, как обычно, на лестнице пламфильдского особняка в мягком лунном свете сентябрьского вечера, разговор естественным образом зашел о событиях этого дня.

Начал Эмиль, сказав, как всегда, порывисто:

— Дядя Фриц самый мудрый, а дядя Лори самый веселый, но дядя Джон был самым хорошим, и я хотел бы быть таким, как он.

— Я тоже. Ты слышал, что говорили о нем дедушке те джентльмены, которые пришли на похороны? Я хотел бы, чтобы такое сказали обо мне, когда я умру. — В голосе Франца слышалось сожаление, что он недостаточно ценил раньше дядю Джона.

— А что они сказали? — спросил Джек, на которого произвели большое впечатление события этого дня.

— Один из деловых партнеров мистера Лоренса, у которого дядя Джон долго служил, сказал, что, как деловой человек, дядя был честным и ответственным, почти сверх меры, и безупречен во всем остальном. А другой джентльмен сказал, что никакие деньги не могли бы возместить верность и честность, которые проявлял дядя Джон, когда служил у него, а потом дедушка рассказал им историю, которая понравилась мне больше всего. Дядя Джон однажды служил у человека, который обманывал своих клиентов, и когда этот человек захотел, чтобы дядя помогал ему в его нечестных делах, дядя не захотел, хотя ему было предложено большое жалование. Этот человек очень рассердился и сказал: "С такими суровыми принципами вы никогда не преуспеете в бизнесе", а дядя ответил: "Я никогда даже не буду пытаться преуспеть без них" и ушел с той должности на гораздо более тяжелую и хуже оплачиваемую работу.

— Молодец! — воскликнули с чувством некоторые из мальчиков, так как их душевный настрой в этот момент помог им, как никогда прежде, правильно понять и оценить эту маленькую историю.

— Он ведь не был богат? — спросил Джек.

— Никогда.

— И не был знаменит?

— Не был.

— Он был просто хорошим человеком?

— Да, и это все. — И Франц почувствовал, что ему хотелось бы, чтобы дядя Джон совершил в жизни что-то такое, чем можно похвалиться, так как было очевидно, что Джек разочарован таким ответом.

— Да, он был просто хорошим человеком. И в этом все, — сказал мистер Баэр, услышавший последние несколько фраз и угадавший, о чем думают мальчики. — Позвольте мне немного рассказать вам о Джоне Бруке, и вы поймете, почему люди чтут его и почему его больше радовало то, что он просто хороший человек, чем любая

возможность стать богатым или знаменитым. Он просто исполнял свой долг, всегда и во всем, и делал это так радостно, так верно, что это помогало ему оставаться терпеливым, мужественным и счастливым даже в бедности и одиночестве все годы его тяжелой работы. Он был любящим сыном и отказался от своих честолюбивых планов, чтобы жить со своей матерью, пока был ей нужен. Он был хорошим другом и научил Лори гораздо большему, чем греческий и латынь, делая это просто собственным примером — примером честного человека. Он был верным служащим, и те, у кого он служил, так ценили его, что им будет трудно найти ему достойную замену. Он был хорошим мужем и отцом, таким любящим, мудрым и предусмотрительным, что Лори и я многому научились у него, но даже не догадывались, как глубоко он любил свою семью, пока не узнали, что он сделал для нее — сделал без лишних разговоров и без чьей-либо помощи.

Мистер Баэр на минуту умолк, а мальчики сидели в лунном свете неподвижно, как статуи, пока он не продолжил, приглушенно, но прочувствованно:

— Когда он умирал, я сказал ему: "Не беспокойся о Мег и детях; я постараюсь, чтобы они ни в чем не нуждались". Тогда он улыбнулся, пожал мне руку и ответил, как всегда, бодро: "Помогать не потребуется, я позаботился о них". И это была правда, так как, когда мы заглянули в его бумаги, все было в порядке, никаких долгов, и отложена сумма, достаточная, чтобы обеспечить Мег все необходимые удобства и независимость. Тогда мы поняли, почему он жил так просто, отказывая себе во всех удовольствиях, кроме благотворительности, и работал так тяжело, что, боюсь, этим сократил свою жизнь. Он никогда не просил помощи для себя, хотя часто просил ради других, и нес свою ношу и исполнял свою работу мужественно и тихо. Никто никогда не мог ни в чем упрекнуть его, таким справедливым, щедрым и добрым был он, и теперь, когда он умер, все говорят о своей любви к нему, хвалят и почитают его, и я горжусь тем, что был его другом, и охотнее оставил бы моим детям наследство, которое он оставил своим, чем самое большое состояние на свете. Да! Простая щедрость и доброта — лучший капитал, с которым можно открывать бизнес земной жизни. Они надежнее, чем слава и деньги, и они единственное богатство, какое мы можем забрать с собой, уходя из этого мира. Помните это, мои мальчики, и если вы

хотите заслужить уважение, доверие и любовь, следуйте примеру Джона Брука.

Когда Деми вернулся в школу после нескольких недель, проведенных дома, он производил впечатление мальчика, вполне оправившегося от утраты, благодаря обычной детской способности — каковой обладал в известной мере — выносить удары судьбы, но забвение было не для него, так как он обладал натурой, способной глубоко переживать и впитывать пережитое в почву, на которой быстро растут маленькие добродетели. Он играл и учился, работал и пел, как прежде, и почти никто не подозревал о происходивших в нем переменах, но одну из таких перемен вскоре заметила тетя Джо, наблюдавшая за мальчиком не только глазами, но и всем сердцем, и старавшаяся, как могла, заполнить опустевшее место Джона. Деми редко говорил о своей утрате, но тетя Джо часто слышала по ночам приглушенные всхлипывания в постели, и, когда она заходила, чтобы утешить его, он отвечал лишь: "Мне нужен мой папа! Мне нужен мой папа!" Связь между отцом и сыном была очень нежной, и детское сердце истекало кровью, когда эта связь оказалась разорванной. Но время лечит, и постепенно он начал чувствовать, что отец не исчез из его жизни окончательно, а только стал на время невидим, но, несомненно, когда-нибудь он появится снова, сильный и любящий, как прежде, хотя, до того как произойдет эта встреча, его маленькому сыну предстоит еще много, очень много раз увидеть, как зацветают на его могиле сиреневые астры. За эту надежду Деми держался крепко и находил в ней помощь и утешение, так как через нежное стремление к отцу, которого он видел, она вела его к детской вере в Отца, который оставался для него незрим. Оба были в небесах, и он молился обоим, стараясь быть достойным их любви.

Внешняя перемена в мальчике отвечала внутренней, так как за несколько недель Деми стал выше ростом и начал отказываться от детских игр; не то, чтобы он стыдился их, как это бывает с некоторыми мальчиками — он просто вел себя так, словно вырос из них и хотел чего-то более взрослого, подходящего мужчине. Он взялся за прежде ненавидимую им арифметику и учил ее так упорно, что дядя Фриц пришел в восторг, хотя никак не мог понять этого неожиданного каприза племянника, пока Деми не сказал:

— Я собираюсь стать бухгалтером, как папа, когда вырасту, поэтому должен уметь хорошо считать, а иначе мои гроссбухи не будут такими аккуратными, как у него.

В другой раз он пришел к тете с очень серьезным лицом и сказал:

— Как маленький мальчик может заработать денег?

— Почему ты спрашиваешь об этом, дорогой?

— Папа велел мне заботиться о маме и сестренках, и я хочу заботиться, но только не знаю с чего начать.

— Он не имел в виду, что ты должен заботиться о них уже сейчас, Деми. Он хотел, чтобы ты занялся этим со временем, когда подрастешь.

— Но я хотел бы начать прямо сейчас, если смогу. Я думаю, что мне следует заработать денег и купить кое-что для семьи. Мне уже десять, и другие мальчики, не старше меня, иногда зарабатывают.

— Ну, тогда, может быть, ты соберешь граблями сухие листья и покроешь ими земляничные грядки. Я заплачу тебе доллар за эту работу, — сказала тетя Джо.

— Доллар — это не слишком много? Я могу сделать эту работу за день. Ты должна вести честную игру и не платить мне слишком много, так как я хочу действительно заработать эти деньги.

— Мой маленький Джон, я буду вести честную игру и не заплачу ни цента лишнего. Только постарайся не переутомляться, а когда работа будет сделана, я найду тебе другую, — сказала миссис Джо, очень тронутая его желанием помочь семье и его чувством справедливости, делавшим его так похожим на отца.

Когда листья были собраны и грядки укрыты, настал черед растопки, которую Деми возил на тачке в сарай, за что получил еще один доллар. Затем он взялся за починку обложек учебников под руководством Франца, терпеливо занимаясь каждой книжкой, не позволяя никому помогать ему в этой ежевечерней работе и получая свое жалование с таким удовлетворением, что оно окружало невзрачные счета на серой бумаге ореолом великолепия.

— Теперь, когда у меня по доллару за каждую книжку, я хотел бы отвезти мои деньги маме сам, чтобы она видела, что я помню папу.

И Деми съездил к матери, которая приняла его почтительно врученные ей маленькие заработки как великое сокровище и никогда не решилась бы их потратить, если бы Деми не упрощил ее купить на

них что-нибудь полезное для себя и девочек, которых считал оставленными на его попечение.

Возможность заработать немного денег для матери делала его очень счастливым, и, хотя ему случалось на время забыть о своих обязанностях, желание помогать оставалось неизменным, усиливаясь с годами. Он всегда произносил слова "мой папа" с нежной гордостью и часто говорил, словно требуя для себя полного почетного титула: "Не зовите меня больше Деми. Я теперь Джон Брук". Так, укрепив свой дух целью и надеждой, десятилетний мальчик мужественно начал трудовую жизнь, вступив в свое наследство — наследство честного имени мудрого и любящего отца.

Глава 19

У камелька

Пришли октябрьские заморозки, и в больших каминах появилось радостное пламя. Сухая сосновая растопка Деми помогала дубовым сучьям Дэна, ярко пылать, и в дымовых трубах весело гудело. В становящиеся все длиннее вечера домашние охотно собирались у камелька, чтобы поиграть в разные игры, почитать или составить планы на зиму. Но любимейшим занятием было слушать разные истории, и от мистера и миссис Баэр ожидали все новых интересных рассказов. Но даже их запасы иногда иссякали, и тогда мальчики прибегали к собственным возможностям, не всегда успешно. Одно время успехом пользовались рассказы о привидениях. Для забавы выключали свет, давали огню в камине погаснуть, а затем, сидя в темноте, рассказывали самые ужасные истории, какие только могли придумать. Так как это привело к разнообразным страхам и общему состоянию нервозности среди младших, а также к тому, что Томми опять начал ходить во сне по крыше сарая, пугать друг друга привидениями было запрещено, и пришлось вернуться к более безобидным развлечениям.

Однажды вечером, когда младшие улеглись в теплые, уютные постели и уснули, а старшие все еще сидели у огня в классной, пытаясь придумать, чем заняться, Деми предложил новый способ решения вопроса. Схватив щетку для выметания очага, он замаршировал по комнате со словами: "Стройся в ряд!" И когда мальчики со смехом и толкотней встали в строй, он объявил:

— Даю вам две минуты на то, чтобы придумать игру.

Франц и Эмиль не присоединились к ним — первый что-то писал, второй читал биографию адмирала Нельсона^[41], - но остальные думали упорно и, когда время истекло, были готовы дать ответ.

— Ну, Том, говори! — И щетка слегка коснулась его головы.

— Жмурки.

— Что ты скажешь, Джек?

— Коммивояжеры; хорошая круговая игра, и есть несколько центов для общего котла.

— Дядя не разрешает нам играть на деньги. Дэн, а ты что предложишь?

— Давайте устроим битву между греками и римлянами.

— А ты, Стаффи?

— Печь яблоки, делать воздушную кукурузу и колоть орехи.

— Отлично! Отлично! — воскликнули несколько голосов, и когда прошло голосование, предложение Стаффи победило.

Одни побежали в подвал за яблоками, другие на чердак за орехами, остальные занялись кукурузой.

— Надо бы пригласить и девочек, правда? — сказал Деми, в неожиданном приступе любезности.

— Дейзи отлично колет каштаны, — вставил Нат, желавший, чтобы его маленькая подруга поделила с ними удовольствие.

— У Нэн здорово получается воздушная кукуруза; обязательно надо ее позвать, — добавил Томми.

— Зовите ваших возлюбленных, мы не против, — сказал Джек, который всегда смеялся над невинными знаками внимания, какие эти маленькие мужчины и женщины оказывали друг другу.

— Как ты можешь называть мою сестру чьей-то возлюбленной? Это глупо! — воскликнул Деми с негодованием.

Джек рассмеялся.

— Она возлюбленная Ната. Разве не так, Друг Чирикалка?

— Да, если Деми не возражает. Я не могу не любить ее, она так добра ко мне, — отвечал Нат с застенчивой серьезностью, так как грубые манеры Джека смущали его.

— Нэн — моя возлюбленная, и я женюсь на ней примерно через год, и пусть никто из вас в это дело не вмешивается, — сказал Томми, решительно, так как они с Нэн уже решили все относительно своего будущего и собирались жить на иве, спускать вниз корзинку для еды и делать другие очаровательные, хоть и невозможные вещи.

Деми был умолк, пораженный решительностью Бэнгза, и тот взял его под руку и увел приглашать дам.

Нэн и Дейзи шили с тетей Джо какие-то маленькие одежки для ожидаемого младенца миссис Карни.

— Простите, мэм, не уступите ли вы нам ненадолго девочек? Мы позаботимся о них, — сказал Томми, подмигивая одним глазом, чтобы намекнуть на яблоки, щелкая пальцами для обозначения воздушной

кукурузы и скрежеща зубами, чтобы передать идею раскалывания орехов.

Девочки мгновенно поняли эту пантомиму и начали снимать наперстки, прежде чем миссис Джо смогла решить, то ли у Томми судороги, то ли затевается какая-то необычная проказа. Затем Деми объяснил все весьма красноречиво, разрешение было с готовностью дано, и мальчики удалились, очень довольные.

— Не разговаривай с Джеком, — шепнул Томми, когда прогулочным шагом отправился вместе с Нэн через холл в кухню, чтобы взять вилку для прокалывания яблок.

— Почему?

— Он смеется надо мной из-за того, что я называю тебя моей возлюбленной, так что я не хочу, чтобы ты с ним разговаривала.

— Буду разговаривать, если захочу, — заявила в ответ Нэн, возмущенная властной манерой своего кавалера.

— Тогда я не буду считать тебя моей возлюбленной.

— Мне наплевать.

— Но, Нэн, я думал, ты меня любишь! — в голосе Томми звучал неясный упрек.

— Если тебе неприятно, что Джек смеется, мне на тебя совершенно наплевать.

— Тогда можешь забрать свое дурацкое колечко, я его больше носить не буду, — и Томми сорвал с пальца символ любви из конского волоса, врученный ему Нэн в обмен на такой же, только сделанный из щупальца омара.

— Хорошо, я отдам его Неду, — таков был ее жестокий ответ, поскольку Неду нравилась миссис Прыг-Скок, и он любезно вытачивал для нее бельевые зажимки, коробочки и катушки в количестве, достаточном для ведения хозяйства на широкую ногу.

— Тыща черепах! — воскликнул Томми — только так он мог дать выход своим чувствам — и, отбросив руку Нэн, погрузился в глубокое уныние, предоставив ей следовать за вилкой в одиночестве. И за это проявление пренебрежения озорная Нэн наказала его уколom в самое сердце, словно оно было всего лишь еще одной разновидностью яблок.

Очаг был выметен, и большие розовые яблоки поставлены печься. Совок раскалили, и на нем весело подпрыгивали каштаны, пока кукуруза вздувалась в своей жаркой проволочной тюрьме. Дэн колот

свои лучшие грецкие орехи, все болтали и смеялись, а дождь стучал в окно, и ветер завывал возле дома.

— Почему Билли похож на этот орех? — спросил Эмиль, часто придумывавший глупые загадки.

— Потому что он "стукнутый", — отвечал Нед.

— Это нечестно! Вы не должны смеяться над Билли, так как он не может вам ответить. Это подло! — гневно воскликнул Дэн, с силой ударяя по ореху.

— К какому семейству насекомых мог бы принадлежать Нат? — спросил всегда выступавший в роли примирителя Франц, видя, что Эмиль пристыжен, а Дэн хмурится.

— Комаров^[42], — усмехнулся Джек.

— Почему Дейзи похожа на пчелку? — спросил Нат, очнувшись от задумчивости.

— Потому что она королева улья, — отозвался Дэн.

— Нет.

— Потому что она милая.

— Пчелы не милые.

— Сдаюсь.

— Потому что она делает сладости, всегда занята и любит цветы, — сказал Нат, сваливая в одну кучу свои мальчишеские комплименты, так что Дейзи покраснела как мак.

— Почему Нэн похожа на осу? — спросил Томми, сердито глядя на нее, и добавил, не дав никому времени ответить: — Потому что она не милая, много жужжит по пустякам и больно жалит.

— Ага, Томми злится, и я этому рад! — воскликнул Нед.

А Нэн вскинула голову и ответила быстро:

— Какая посуда в буфете с фарфором похожа на Тома?

— Перечница! — ответил Нед, вручая Нэн ядрышко ореха со смехом, от которого Томми почувствовал, что готов подпрыгнуть, как горячий каштан на раскаленном совке и кого-нибудь стукнуть.

Видя, что маленький запас остроумия компании начинает использоваться с дурными намерениями, Франц снова бросился в прорыв.

— Давайте введем закон, по которому тот, кто войдет в комнату, должен будет рассказать нам историю. Кто бы это ни был, он должен будет подчиниться. Интересно, кто же окажется первым?

Остальные согласились, и им не пришлось долго ждать. В холле послышались тяжелые шаги, и в дверях появился Сайлас с охапкой дров. Его приветствовал общий крик, и он стоял, оглядываясь по сторонам с растерянной улыбкой на широком красном лице, пока Франц не объяснил ему, в чем заключается шутка.

— Уфф! Я и рассказывать-то не умею, — сказал он, опуская на пол свою ношу и готовясь выйти из комнаты. Но мальчики налетели на него, усадили в кресло и удерживали там, смеясь и требуя истории, пока добродушный гигант не был побежден.

— Я знаю только одну историю, и она про лошадь, — сказал он, весьма польщенный оказанным приемом.

— Расскажите! Расскажите! — закричали мальчики.

— Ну, значит так, — начал Сайлас, отклоняя свой стул на задних ножках до самой стены и засовывая большие пальцы под мышку жилета, — во время войны служил я в кавалерии и видел немало сражений. Мой конь, Мейджер, был отличным рысаком, и я любил его, как если бы он был человеческим существом. Не скажу, что он отличался красотой, но это был самый послушный, спокойный, незлобивый конь, какого я только видел на своем веку. В первом бою, в какой мы вступили, он дал мне урок, который я не забыл до сих пор, и я расскажу вам, как это произошло. Не знаю, как описать вам, молодым ребятам, весь шум и всю суматоху, и вообще ужас сражения, да и слов-то у меня таких нет, но я готов признаться, что поначалу вроде как смутился и растерялся, и не знал, что делать. Нам было приказано наступать и гнать противника, не останавливаясь, чтобы подобрать тех из наших бойцов, что падали в схватке. Я получил пулю в руку и вылетел из седла, сам не знаю как. Так и остался лежать с двумя-тремя другими убитыми и ранеными, так как все остальные из нашего подразделения ушли вперед, как я уже говорил. Ну, значит, поднялся я и огляделся в поисках Мейджера. Чувство у меня было такое, что на первый раз мне вроде как этого военного удовольствия хватит. Коня нигде не было видно, и я уже был готов пешком вернуться в лагерь, когда услышал ржание. Я оглянулся и увидел Мейджера. Он остановился чуть поодаль и глядел на меня так, словно не понимал, почему я остался позади и не догоняю свой полк. Я свистнул, и он рысцой подбежал ко мне, как я его научил. Я кое-как вскарабкался на него с окровавленной левой рукой и собрался ехать в лагерь, так как,

уверяю вас, чувствовал себя совершенно больным и обессиленным — с людьми это часто бывает в первом бою. Но, нет, сэр! Из нас двоих Мейджер был храбрейшим, и он не желал повернуть прочь от линии фронта, он просто вставал на дыбы и гарцевал, и фыркал, и в целом вел себя так, словно запах пороха и шум битвы почти свели его с ума. Я делал, что мог, но он не уступал, так что уступить пришлось мне, и тогда, как вы думаете, что сделал этот храбрый конь? Он развернулся в одно мгновение и помчался как ураган обратно, прямо в гущу сражения!

— Молодец! — возбужденно воскликнул Дэн, а остальные забыли о яблоках и орехах, увлеченные рассказом.

— Помереть мне на этом месте, если мне не было стыдно за себя! — продолжил Сайлас, воодушевляясь при воспоминании об этом дне. — Я рассвирепел и забыл про свою рану. Я просто бросился в бой и сражался как бешеный, пока артиллерийский снаряд не разорвался неподалеку, свалив большинство нас на землю. Какое-то время я лежал без чувств, а когда очнулся, битва в этом месте уже кончилась. Я обнаружил, что лежу загороженный бедным Мейджером, который ранен еще тяжелее, чем я сам. У меня была сломана нога, и пуля сидела в плече, но он... бедняга!... весь бок у него был разорван осколком того проклятого снаряда.

— О Сайлас! Что же вы стали делать? — воскликнула Нэн, придвигаясь к нему с лицом, полным горячего сочувствия и интереса.

— Я подполз поближе и постарался остановить кровь тряпками, какие смог оторвать от своей одежды одной рукой. Но все было бесполезно. Он лежал и стонал от ужасной боли, и глядел на меня своими выразительными глазами. Я чувствовал, что мне этого не вынести. Я помогал ему, чем мог, а когда солнце стало припекать и он начал высовывать язык, я попытался доползти до ручья, чтобы принести ему воды. Но ручей был довольно далеко, а я так слаб, что мне пришлось бросить эти попытки, и я просто лежал рядом с ним и обмахивал его моей шляпой. А теперь послушайте, что я вам скажу, и когда вы в следующий раз услышите, как люди бранят мятежников^[43], просто вспомните, что сделал один из них и почтите его за это. Так вот, один бедняга в серой форме южан лежал неподалеку, у него были прострелены легкие, и жить ему оставалось недолго. Я предложил ему мой носовой платок, чтобы прикрыть лицо от солнца, и он

поблагодарил меня, так как в такое время люди не задумываются, на какой стороне они сражались, но просто берутся за дело и помогают друг другу. Когда он увидел, что я горюю над Мейджером и стараюсь облегчить его муки, он приподнялся с лицом, совсем мокрым и белым от страдания, и говорит: "У меня во фляжке есть вода, возьми, мне уже не поможет", — и бросил ее мне. Я не мог бы взять эту воду, если бы у меня не было немного вина в моей собственной фляжке, и я заставил его выпить это вино. Ему немного помогло, и я почувствовал себя бодрее, как если бы выпил ее сам. Удивительно, как хорошо становится иногда у людей на сердце, когда они делают такие вот мелочи для других, — и Сайлас замолчал, словно снова переживал чувства того момента, когда он и его враг забыли вражду и помогали друг другу как братья.

— А что же было с Мейджером? — спросили мальчики нетерпеливо.

— Я налил немного воды на его бедный горячий язык, и если бессловесное животное может выразить взглядом благодарность, это было именно то, что он сделал тогда. Но пользы от глотка воды было немного, так как ужасная рана мучила его, и я уже не мог выносить это дольше. Нелегко было сделать это, но я сделал, из милосердия, и знаю, он простил меня.

— Что же вы сделали? — спросил Эмиль, когда Сайлас умолк неожиданно с громким "хм" и таким выражением лица, что Дейзи подошла и остановилась рядом, положив руку на его колено.

— Я застрелил его.

Слушатели содрогнулись, когда Сайлас сказал это, так как Мейджер выглядел героем в их глазах и его трагический конец вызвал у них горячее сочувствие.

— Да, я застрелил его и тем избавил от страданий. Я сначала погладил его, и сказал: "Прощай", потом положил его голову поудобнее на траву, последний раз заглянул в его выразительные и послал пулю ему в голову. Он даже не шевельнулся, выстрел был точным, и, когда я увидел его совсем неподвижного и не было больше стонов и боли, я был рад, и, не знаю, стыдиться ли этого, но я обнял его за шею и заревел как большой младенец. Вот! Право, не знаю... такой уж я был дурак, — и Сайлас провел рукавом по глазам,

тронутый как всхлипываниями Дейзи, так и воспоминаниями о верном Мейджере.

С минуту все молчали, так как мальчики так же остро, как и мягкосердечная Дейзи, почувствовали пафос маленькой истории, хотя и это и не выразилось в слезах.

— Я тоже хотел бы такую лошадь, — сказал Дэн негромко.

— А тот южанин тоже умер? — спросила Нэн с тревогой.

— Да, но позднее. Мы лежали там весь день, а ночью наши санитары пришли искать раненых. Они, естественно, хотели сначала взять меня, но я знал, что могу подождать, а у южанина, возможно, был только один шанс, так что я заставил их сначала взять его. У него хватило сил протянуть мне руку и сказать: "Спасибо, друг!" И это были его последние слова, так как он умер час спустя, после того как его внесли в палатку походного госпиталя.

— Как вам, должно быть, было приятно, что вы проявили к нему такую доброту! — сказал Деми, на которого эта история произвела большое впечатление.

— Да, меня утешала мысль о нем, когда я лежал там один несколько часов, положив голову на шею Мейджера, и смотрел, как поднимается луна. Мне хотелось похоронить бедное животное, но это было невозможно, так что я только отрезал кусочек его гривы и храню до сих пор. Хотите посмотреть, сестренка?

— О да, пожалуйста, — отвечала Дейзи, вытирая слезы.

Сайлас вынул старый бумажник и извлек из его внутреннего кармашка кусочек оберточной бумаги, в котором была прядь белого конского волоса. Дети смотрели на него молча, когда он лежал на широкой ладони, и никто не находил ничего смешного в этом проявлении любви, которую питал Сайлас к своей славной лошади.

— Это такая трогательная история, и мне она очень понравилась, хотя я и заплакала. Спасибо вам большое, Сай, — и Дейзи помогла ему свернуть и убрать его маленькую реликвию, а Нэн насыпала ему в карман горсть воздушной кукурузы, и мальчики громко выразили свое лестное мнение о его рассказе, чувствуя, что в нем было два героя.

Он удалился, совершенно сраженный оказанными ему почестями, а маленькие заговорщики обсуждали услышанное и поджидали очередную жертву. Ею оказалась миссис Джо. Она вошла, чтобы снять с Нэн мерку для нового передничка, который шила для нее. Ей

позволили войти, а затем налетели на нее и, сообщив о принятом законе, потребовали рассказать историю. Их новая уловка очень позабавила миссис Джо, и она тут же согласилась подчиниться, так как их счастливые голоса уже давно доносились до нее через холл и вызывали такие приятные чувства, что ей и самой хотелось присоединиться к ним и на время забыть свои тревожные мысли о Мег.

— Неужели я первая мышка, какую вы поймали, хитрые коты в сапогах? — спросила она, когда ее подвели к большому креслу, обеспечили угощением и окружили толпой оживленных слушателей.

Они рассказали ей о Сайласе и его вкладе в дело развлечения собравшихся. Она в отчаянии приложила руку ко лбу, пытаясь собраться с мыслями — так неожиданно от нее потребовали новой истории.

— О чем же мне вам рассказать? — спросила она.

— О мальчиках, — был общий ответ.

— И чтобы в истории была вечеринка, — сказала Дейзи.

— И что-нибудь вкусное, — добавил Стаффи.

— Это напоминает мне рассказ, написанный много лет назад одной милой старой леди. В детстве мне очень нравилась эта история, и я думаю, вам тоже понравится, так как в ней есть и мальчики и вкусные пирожки.

— Как она называется? — спросил Деми.

— "Мальчик, которого подозревали".

Нат поднял взгляд от орехов, которые чистил, и миссис Джо улыбнулась ему, догадываясь, что у него на уме.

— Так вот, мисс Крейн держала школу для мальчиков в тихом маленьком городке, и это была хорошая старая школа. Шесть мальчиков жили в ее доме, а еще четыре или пять жили с родителями и каждый день приходили на занятия. Среди тех, что жили с мисс Крейн, был один мальчик по имени Льюис Уайт. Льюис не был дурным мальчиком, но отличался некоторой робостью, и поэтому иногда ему случалось солгать. Однажды сосед прислал мисс Крейн корзинку крыжовника. Ягод на всех там не хватило бы, так что добрая мисс Крейн, которая любила порадовать своих мальчиков чем-нибудь вкусненьким, взялась за дело и испекла дюжину пирожков с крыжовенным джемом.

— Я тоже попробую испечь такие. Интересно, она пекла их так же, как я мои малиновые? — сказала Дейзи, чей интерес к кулинарии в последнее время возродился с новой силой.

— Тише, — сказал Нат, всовывая ей в рот воздушную кукурузу, чтобы она замолчала, так как испытывал особый интерес к этой истории и нашел, что начало совсем неплохое.

— Когда пирожки были готовы, мисс Крейн убрала их в свой лучший буфет в гостиной, но никому ни слова о них не сказала, так как хотела сделать мальчикам сюрприз к чаю. Когда время пришло и все сидели за столом, она пошла за пирожками, но вернулась назад в растерянности, так как... как вы думаете, что случилось?

— Кто-то стянул их! — воскликнул Нед.

— Нет, они были на месте, но кто-то поднял на каждом верхнюю корочку, выскреб все ягоды и положил корочку на место.

— Какая подлость! — И Нэн взглянула на Томми, словно подразумевая, что он способен на подобный поступок.

— Когда она рассказала мальчикам о своем намерении угостить их и показала им бедные пирожки без джема, мальчики были очень огорчены и разочарованы, и все заявили, что они ничего не знают о том, как это могло произойти. "Может быть, это сделали крысы", — сказал Льюис, который громче других отрицал, что ему известно что-либо о пирожках. "Нет, крысы прогрызли бы и корочку; они никогда не сумели бы поднять ее, чтобы выскрести ягоды. Это было сделано человеческими руками", — сказала мисс Крейн, больше огорченная не утратой джема, но явной ложью кого-то из ее воспитанников. Ну, что тут было делать? Они поужинали и пошли в постель, но ночью мисс Крейн услышала, как кто-то стонет, и пошла посмотреть, кто это, и нашла Льюиса, страдающего от боли в животе. Он явно съел что-то не то и чувствовал себя так плохо, что мисс Крейн перепугалась и уже хотела послать за доктором, когда Льюис простонал: "Это крыжовник; я съел все ягоды, и я должен признаться во всем перед смертью" — мысль о докторе его изрядно напугала. "Если дело только в этом, я дам тебе рвотное, ты скоро поправишься", — сказала мисс Крейн. Так что Льюис получил большую дозу рвотного и к утру ему стало легче. "Пожалуйста, не говорите ничего мальчикам, они будут смеяться надо мной", — умолял больной. Добрая мисс Крейн обещала не говорить, но Салли, служанка, рассказала всю историю, и бедный Льюис долго

не знал покоя. Его приятели называли его Старый Крыжовник, и не уставали спрашивать: "Почем пирожки?"

— Так ему и надо — вставил Эмиль.

— Тех, кто совершает дурные поступки, всегда в конце концов изобличают, — добавил Деми с добродетельным видом.

— Не всегда, — пробормотал Джек, который занимался яблоками с большим прилежанием, чтобы можно было отвернуться от остальных и делать вид, что щеки у него красные от близости к огню.

— Это вся история? — спросил Дэн.

— Нет, это только первая часть, вторая интереснее. Некоторое время спустя в школу зашел бродячий торговец и задержался, чтобы показать свой товар мальчикам. Некоторые из них купили у него карманные расчески, губные гармоники и разные прочие мелочи. Среди ножигов был маленький перочинный ножик с белой ручкой, который Льюису очень хотелось купить, но он уже потратил все свои карманные деньги, а одолжить ему никто не мог. Он подержал ножик в руке, с восхищением разглядывая его, пока торговец упаковывал свои товары, а потом неохотно отложил, и торговец ушел. Однако на следующий день торговец вернулся, чтобы сказать, что не может найти именно этого ножичка, и думает, что, должно быть, оставил его у мисс Крейн. Это был очень ценный ножичек с перламутровой ручкой, и торговец сказал, что не может позволить себе потерять его. Ножичек поискали, спросили у каждого, не видел ли он его, и каждый решительно заявил, что знать ничего не знает. "Этот молодой джентльмен держал его последним и, кажется, очень хотел его получить. Вы уверены, что положили его обратно?" — спросил торговец у Льюиса, который был очень обеспокоен потерей и уверял снова и снова, что вернул ножик. Но никто не верил его словам; все считали, что именно он взял ножичек, и после бурной сцены мисс Крейн заплатила торговцу, и тот, недовольно ворча, ушел.

— Ножик был у Льюиса? — воскликнул Нат, очень взволнованный.

— Скоро узнаете. Бедному Льюису предстояло новое испытание, так как мальчики все время говорили: "Эй, Старый Крыжовник, одолжи-ка мне твой ножик с перламутровой ручкой", и тому подобное, пока Льюис не почувствовал, что больше не в силах это выносить, и не запросился домой. Мисс Крейн старалась делать все, чтобы мальчики

не досаждали Льюису, но это было нелегко, так как они продолжали дразнить его в ее отсутствие. Это самое тяжелое в воспитании мальчиков: они не "бьют лежачего", как они выражаются, но зато изводят его разными мелочами, пока он не пожелает выяснить отношения в драке.

— Я знаю это, — сказал Дэн.

— Я тоже, — добавил Нат тихо.

Джек не сказал ничего, но был совершенно согласен, так как знал, что старшие мальчики презирают его и не дружат с ним по этой самой причине.

— Так что же было дальше с бедным Льюисом, тетя Джо? Я не верю, что он взял ножик, но я хочу убедиться в том, что права, — сказала Дейзи в большой тревоге.

— Неделя проходила за неделей, а дело не выяснялось. Мальчики избегали Льюиса, бедняга чуть не захворал от неприятностей, которые навлек на себя. Он решил никогда больше не лгать и так усердно старался придерживаться принятого решения, что мисс Крейн прониклась жалостью к нему и желанием помочь, а потом действительно поверила, что он не брал ножик. Два месяца спустя после первого визита торговца, он пришел снова и с порога заявил: "Знаете, мэм, я все-таки нашел тот ножик. Он провалился за подкладку моего чемоданчика, а на днях, когда я загружал новые товары, выпал прямо мне в руки. Я решил зайти и сказать вам, так как вы заплатили и, наверное, захотите получить его — вот он". Все мальчики столпились вокруг, и при этих словах торговца им стало очень стыдно. Они от всей души попросили у Льюиса прощения, так что он не смог не простить. Мисс Крейн подарила ему ножик, и он хранил его много лет как напоминание о пороке, который принес ему столько огорчений.

— Интересно, почему, то, что ешь потихоньку, вредит, а если ешь то же самое за столом, не вредит, — заметил Стаффи задумчиво,

— Наверное, совесть плохо действует на желудок, — сказала миссис Джо с улыбкой.

— Он думает об огурцах, — сказал Нед, и волна веселья прокатилась вслед за этими словами, так как последним несчастьем, постигшим Стаффи, было следующее смешное происшествие. Он съел потихоньку два больших огурца, почувствовал себя очень плохо и признался в этом Неду, умоляя его сделать что-нибудь. Нед

добродушно порекомендовал горчичник и горячий утюг к ногам, только применяя эти средства, сам все перепутал и поставил горчичник на подошвы, а утюг на живот, так что бедный Стаффи был найден в сарае с обожженными подошвами и подпаленной курткой.

— Может быть, вы расскажете нам еще одну историю; эта была такая интересная, — сказал Нат, когда смех утих.

Прежде чем миссис Джо успела отказать этим ненасытным Оливерам Твистам^[44], в комнату вошел Роб, волоча за собой свое покрывало, и сказал с очень приятным выражением, направляясь прямо к матери, как к надежной гавани и убежищу:

— Я услышал шум и подумал, что, может быть, случилось что-нибудь страшное, и пришел посмотреть.

— Ты подумал, что если бы что-то случилось, я забыла бы о тебе, озорник? — спросила мать, стараясь смотреть сурово.

— Нет, но я подумал, что тебе будет легче, если увидишь меня здесь, — отвечал вкрадчивый собеседник.

— Я охотнее увидела бы тебя в постели, так что марш в кровать, Роб.

— Все, кто заходит сюда, должны рассказать историю, а так как ты не можешь, тебе лучше отчалить, — сказал Эмиль.

— Но я могу рассказать! Я рассказываю Тедди кучу всяких историй: о медведях и о лунах, и о маленьких мухах, которые разговаривают друг с другом, — возразил Роб, намеренный остаться любой ценой.

— Тогда рассказывай, прямо сейчас, — сказал Дэн, приготовившись посадить его на плечо и унести.

— Я расскажу, только дайте подумать, — и Роб вскарабкался на колени матери, которая обняла его, заметив:

— Это семейный порок — вылезать из кровати в самое неподходящее время. Деми раньше тоже так делал, а что до меня, то я выскакивала из кровати и залезала обратно целые ночи напролет. Мег иногда казалось, что в доме пожар, и она посылала меня вниз посмотреть, что происходит, а я бродила по всему дому и развлекалась, совсем как ты, мой непослушный сынишка.

— Я придумал, — заявил Роб, вполне непринужденно, горячо желая завоевать доступ в этот восхитительный кружок.

Все устремили взгляд на Роба, сидевшего у матери на коленях и завернутого в яркое покрывало, и выслушали со скрытым весельем на лицах следующую короткую, но трагическую историю, рассказанную с серьезностью, делавшей рассказ особенно забавным:

— У одной леди был миллион детей и один хороший маленький мальчик. Она пошла к нему в спальню и сказала: "Ты не должен выходить во двор". Но он вышел и упал в колодец, и утонул.

— Это все? — спросил Франц, когда Роб остановился, чтобы перевести дух после этого многообещающего вступления.

— Нет, есть еще дальше, — и Роб сдвинул пушистые брови, силясь обрести новое вдохновение.

— Что сделала леди, когда он упал в колодец? — спросила мать, пытаясь помочь ему.

— Она вытащила его, завернула в газету и положила на полку, чтобы высушить на семена.

Общий взрыв смеха приветствовал это поразительное завершение рассказа, а миссис Джо погладила кудрявую головку и сказала серьезно:

— Сын мой, ты унаследовал от матери дар рассказчика. Иди навстречу славе, что ожидает тебя.

— Теперь мне можно остаться? Ведь это была отличная история? — воскликнул Роб, обрадованный своим успехом.

— Ты можешь оставаться, пока не съешь эти двенадцать штук воздушной кукурузы, — сказала мать, ожидая, что они исчезнут в один миг.

Но Роб был хитрым маленьким мужчиной. Он ел их один за другим очень медленно, наслаждаясь каждой минутой.

— Может быть, ты, тетя расскажешь нам вторую историю, пока ждешь его? — сказал Деми, не желая терять время.

— Я, право, ничего не знаю, кроме маленькой истории о дровяном ящике, — сказала миссис Джо, видя, что Роб не спешит съесть угощение.

— А в ней есть мальчик?

— Она вся про мальчика.

— И она правдивая? — спросил Деми.

— До единого слова.

— Отлично! Рассказывай, пожалуйста.

— Джеймс Сноу жил со своей матерью в маленьком доме в Нью-Гемпшире. Они были бедны и Джеймсу приходилось работать, чтобы помогать матери, но он так любил книжки, что терпеть не мог работать, и всегда хотел сидеть и весь день учиться.

Что за мальчик! Я терпеть не могу книги, а работу люблю, — сказал Дэн, неодобрительно воспринимая Джеймса с самого начала.

— Всякие люди на свете бывают, труженики и ученые равно нужны, и есть в мире место каждому. Но я думаю, труженики должны хоть немного времени уделять учебе, а ученые знать как работать, если потребуется, — отвечала миссис Джо, переводя взгляд с Дэна на Деми со значительным выражением.

— Я тоже работаю, — и Деми с гордостью показал три маленьких мозоли на своей ладошке.

— А я учусь, — добавил Дэн, кивая со вздохом в сторону классной доски, исписанной аккуратными столбцами цифр.

— Ну, так слушайте, что было с Джеймсом дальше. Он не хотел быть себялюбцем, но мать гордилась им и позволяла ему заниматься, чем он хочет, а сама работала не покладая рук, чтобы у него были книги и время читать их. Однажды осенью Джеймс захотел пойти в школу и отправился к священнику, чтобы узнать, нельзя ли поработать на него за приличную одежду и учебники. Так вот, священник слышал разговоры о праздности Джеймса и не был склонен помогать ему, считая, что мальчик, который не заботится о своей матери и позволяет ей работать до изнеможения ради него, вероятно, ленив и не добьется успеха даже в школе. Но, обнаружив, как искренне Джеймс стремится к знаниям, добрый священник заинтересовался им и, будучи довольно оригинальным человеком, сделал мальчику следующее необычное предложение: "Я дам тебе одежду и книги, Джеймс, но на одном условии". — "На каком, сэр?" — и мальчик сразу оживился. — "Ты должен следить за тем, чтобы дровяной сарай твоей матери всю зиму был полон дров, и заполнять его ты должен сам. Если ты не справишься, то и учеба в школе для тебя кончится". Джеймс посмеялся над странным условием и с готовностью согласился, считая его очень легким.

Он начал ходить в школу и в первое время отлично справлялся с поставленной священником задачей, так как стояла осень и щепок и подлеска было полно. Утром и вечером он выбегал в ближний лесок и

наполнял корзину ветками или палочками для маленькой плиты, а так как его мать была аккуратной и экономной, обеспечивать ее растопкой было не так уж трудно. Но в ноябре пришли морозы, дни стали мрачными и холодными, и хворост начал расходоваться быстро. Мать купила воз дров на свои заработки, но этого было мало, и сарай почти опустел, прежде чем Джеймс вспомнил, что должен добыть новых дров. Миссис Сноу чувствовала себя плохо и сильно хромала из-за ревматизма, она уже не могла работать как прежде, так что Джеймсу пришлось отложить книги и задуматься, что он может сделать.

Это вызвало у него досаду, ведь он добился больших успехов в учебе и был так увлечен, что с трудом мог отложить книги в сторону даже ради еды и сна. Но он знал, что священник сдержит свое слово, и, во многом против своей воли, Джеймс взялся зарабатывать деньги в свободное время, чтобы дровяной сарай не опустел. Он выполнял всякую работу, какая только подворачивалась, бегал с поручениями, ухаживал за соседской коровой, помогал старому служке вытирать пыль и топить печь в церкви по воскресеньям, и так ему удавалось заработать денег, которых хватало на покупку одной-двух вязанок дров. Но работать приходилось много, дни были короткими, зима очень холодной, и драгоценное время летело быстро, а книги так занимали его, что было жаль оставлять их ради скучных обязанностей, которым, казалось, не будет конца.

Священник наблюдал за ним молча и, видя, что он горячо желает трудиться, помогал ему так, что мальчик не знал об этом. Он часто встречал Джеймса, когда тот возил дрова на санях из леса, где мужчины рубили деревья. Бредя рядом с медлительным быком, мальчик читал книжку или учил урок, горячо желая не терять ни минуты. "Мальчик заслуживает, чтобы ему помогли. Урок принесет ему пользу, а когда он выучит его, я дам ему урок полегче", — сказал себе священник, и на Рождество целый воз дров был потихоньку выгружен у дверей маленького домика вместе с новой пилой и листком бумаги, на котором было написано: "Бог тому помогает, кто сам себе помогает".

Бедный Джеймс не ожидал никаких подарков, но, проснувшись в то холодное рождественское утро, нашел пару теплых варежек, связанных матерью, несмотря на ее неловкие от болезни пальцы. Подарок очень ему понравился, но ее поцелуй и нежный взгляд,

которые она подарила ему, когда назвала его своим "добрым сыном", были еще лучше. Стараясь, чтобы ей было тепло, он согрел, как видите, и свое собственное сердце, а, заполняя дровяной сарай, одновременно заполнял и свое время честным трудом, который был его долгом. Он начал понимать это и чувствовать, что есть нечто лучшее, чем книги, и потому старался выучить уроки, которые давал ему Бог, так же хорошо, как те что задавал учитель в школе.

Когда он увидел большую кучу дубовых и сосновых бревен у двери и прочитал маленькую записку, он сразу догадался, кто прислал этот подарок. Он понял план священника, поблагодарил его и взялся за работу, вкладывая в нее все силы. Другие мальчики веселились в тот день, а Джеймс пилил дрова, но я думаю, что из всех мальчиков в городке самым счастливым в то Рождество был мальчик в новых варежках, который насвистывал как дрозд, наполняя дровяной сарай своей матери.

— Отличная история! — воскликнул Дэн, которому этот простой, неприязательный рассказ понравился больше, чем самая поэтичная сказка. — Неплохой он все-таки был парень.

— Я мог бы пилить дрова для тебя, тетя Джо! — сказал Деми, словно история подсказывала новый способ заработать денег для его собственной матери.

— Расскажите о плохом мальчике. Мне они больше нравятся, — сказала Нэн.

— Лучше расскажите о противной девчонке-ворчунье, — сказал Томми, для которого весь вечер был испорчен недоброжелательностью Нэн. От этого яблоки казались кислыми, воздушная кукуруза невкусной, орехи слишком твердыми, а вид Неда и Нэн, сидящих на скамье бок о бок делал жизнь тяжким бременем.

Но миссис Джо больше ничего не рассказала, так как, взглянув на Роба, обнаружила, что он крепко спит, крепко зажав в пухлой ручонке воздушную кукурузу. Завернув малыша в покрывало, мать унесла его и уложила, не опасаясь, что он снова вскочит.

— Посмотрим, кто придет следующим, — сказал Эмиль, оставляя дверь соблазнительно приоткрытой.

Сначала мимо прошла Мэрианн, и он окликнул ее, но Сайлас заранее предупредил ее о заговоре, так что она только засмеялась и

поспешила дальше, несмотря на приглашение зайти. Вскоре открылась входная дверь в холле, и послышался густой бас, напевавший:

— Ich weiss nicht was soll es bedeuten
Dass ich so traurig bin^[45].

— Это дядя Фриц! Смейтесь громче, и тогда он, наверняка, зайдет, — сказал Эмиль.

Последовал взрыв смеха, и дядя Фриц вошел с вопросом:

— Над чем смеетесь, мои мальчики?

— Попался, попался! Вы не уйдете, пока не расскажете историю, — закричали мальчики, захлопывая дверь.

— Ах вот как! В этом и шутка? Что ж, у меня нет никакого желания уходить, здесь так приятно, и я заплачу свой штраф сразу же, — что он и сделал, усаживаясь и приступая к рассказу.

— Это было давно. Твой дедушка, Деми, поехал читать лекцию в большом городе, надеясь заработать и привезти денег на сиротский приют, который создавали добрые люди. Лекция прошла хорошо, и он положил в карман значительную сумму, чувствуя себя счастливым. Под вечер, возвращаясь в своей повозке в родной городок, он оказался на уединенном участке дороги и как раз думал о том, какое это было бы неплохое место для грабителей, когда увидел человека, похожего на разбойника. Человек этот вышел из леса и медленно шел по дороге, словно ожидая, когда приблизится повозка. Мысль о деньгах встревожила дедушку, и сначала он хотел повернуть обратно и уехать. Но лошадь была усталой, да и не хотелось ему необоснованно подозревать в дурных намерениях незнакомого человека, так что он продолжил свой путь, а когда подъехал ближе и увидел, какой у незнакомца бледный, больной и оборванный вид, сердце упрекнуло его, и, остановившись, он сказал ласково: "Друг мой, вы устали, позвольте мне подвезти вас". Мужчина, казалось, был удивлен, но, поколебавшись, все же сел в повозку. Он явно не был склонен разговаривать, но дедушка продолжал говорить мудрые и ободряющие слова о том, какой выдался тяжелый год, как страдали бедные люди и как тяжело иногда было прожить. Мужчина понемногу смягчился и рассказал свою историю. Рассказал, как он заболел, не мог найти

работу, прокормить семью и был почти в отчаянии. Дедушка проникся таким сочувствием к нему, что забыл свой страх и, спросив имя человека, сказал, что попытается найти для него работу в соседнем городке, где у него есть друзья. Желая достать бумагу и карандаш, чтобы записать адрес, дедушка вынул свой пухлый бумажник, и, как только он сделал это, глаза человека остановились на бумажнике. Тогда дедушка вспомнил, что в нем лежат деньги и задрожал, но все же сказал спокойно: "Да, у меня здесь небольшая сумма для бедных сирот. Жаль, что это не мои деньги, я охотно поделился бы с вами. Я не богат, но мне знакомы многие из тягот жизни бедного человека. Вот эти пять долларов мои собственные, и я хочу дать их вам для ваших детей". Усталый голодный взгляд в глазах человека сменился на благодарный, когда он взял маленькую сумму, пожертвованную ему добровольно, и оставил сиротские деньги нетронутыми. Он ехал с дедушкой до города, а потом попросил высадить его. Дедушка пожал ему руку и собирался ехать дальше, когда человек сказал, словно побуждаемый какой-то силой: "Я был в отчаянии, сэр, когда мы встретились, и хотел ограбить вас, но вы были так добры, что я не смог сделать этого. Благослови вас Бог, сэр, что вы удержали меня от греха!"

— Дедушка еще увиделся с ним? — спросила Дейзи горячо.

— Нет, но я надеюсь, что тот человек нашел работу и больше не пытался грабить.

— Это было забавно, так обойтись с ним! Я уложил бы его на землю одним ударом, — сказал Дэн.

— Доброта всегда лучше силы. Попробуй и увидишь, — отвечал мистер Баэр и встал.

— Расскажи еще, пожалуйста, — просила Дейзи.

— Ты должен, тетя Джо рассказала две истории, — добавил Деми.

— Тогда уж я точно не буду рассказывать, но приберегу мои остальные истории до другого раза. Слишком много историй так же вредно, как слишком много конфет. Я заплатил штраф и ухожу. — И мистер Баэр бросился бежать со всех ног, а вся веселая компания преследовала его. Однако он выскочил из комнаты быстрее, чем они, и благополучно ускользнул в свой кабинет, предоставив мальчикам с топотом бежать обратно.

Они были так возбуждены гонкой, что не могли успокоиться, и последовала оживленная игра в жмурки, в которой Томми показал, что

принял мораль последней истории близко к сердцу, так как когда он поймал Нэн, то шепнул ей на ухо:

— Прости, что я назвал тебя ворчуньей.

Но было трудно превзойти Нэн в проявлении доброты, и когда они играли в "Пуговица, пуговица, у кого пуговица?" и была ее очередь водить, она сказала: "Крепко держи все, что даю" с такой дружеской улыбкой, обращенной к Томми, что он не удивился, обнаружив в руке колечко из конского волоса вместо пуговицы. Он ответил ей лишь улыбкой, но позднее, когда все шли спать, предложил ей лучший кусок своего последнего яблока. Принимая этот подарок, она увидела колечко на его пальце, и вновь был провозглашен мир. Обоим было стыдно за временную холодность, оба без стеснения сказали: "Прости меня", так что детская дружба продолжала цвести и дом на иве еще долго оставался приятным маленьким воздушным замком.

Глава 20

День Благодарения

День Благодарения в Пламфильде всегда отмечали в соответствии с добрыми старыми традициями, и ничто не могло помешать празднованию. Накануне девочки помогали Эйзи и миссис Джо в кладовой и на кухне готовить пироги и пудинг, сортировать фрукты, вытирать блюда и имели очень деловой и важный вид. Мальчики слонялись на окраинах запретной зоны, приюхиваясь к вкусным запахам, подглядывая за таинственными приготовлениями, и иногда им позволялось попробовать некоторые деликатесы в процессе приготовления.

Но в тот год в доме явно готовилось нечто более значительное, чем обычно: девочки были заняты и в комнатах наверху, и в кухне внизу, так же как мальчики в классной и в амбаре, и общий дух предпраздничной суеты наполнял весь дом. Франц и миссис Джо разыскивали старые ленты и бумажные цветы, резали и клеили золотую бумагу и израсходовали большое количество соломы, серого хлопка, фланели и крупных черных бусин. Нед стучал в мастерской молотком по какому-то странному сооружению, Деми и Томми бродили вокруг, бормоча про себя, словно разучивая что-то. Отчаянный грохот доносился иногда из комнаты Эмиля, а раскаты смеха из детской, куда приглашали Роба и Тедди и где они оставались, скрытые от всех, иногда целыми часами. Но больше всего мистер Баэр был озадачен вопросом, что стало с большой тыквой Роба. Она была с торжеством принесена в кухню, где вскоре после этого появился десяток золотистых пирогов. На то, чтобы приготовить их, потребовалось не больше четверти гигантской тыквы, но где же остальное? Остальное исчезло, но Роб, кажется, не горевал, только смеялся, когда о ней вспоминали, и говорил папе: "Подожди и увидишь", так как вся забава была в том, чтобы держать папу Баэра в неведении и удивить его под самый конец. И он послушно закрывал глаза, уши и рот и ходил везде, стараясь не видеть того, что бросалось в глаза, не слышать предательских звуков, которые неслись отовсюду, и не проникать ни в какие совершенно прозрачные тайны, на которые

натякался на каждом шагу. Будучи немцем, он очень любил простые домашние праздники и от всего сердца поощрял их участников, так как семейное веселье создавало такую приятную атмосферу, что мальчики не хотели уходить развлекаться ни в какое другое место.

Когда настал последний день, мальчики отправились на долгую прогулку, чтобы нагулять хороший аппетит для обеда — будто они когда-то страдали отсутствием аппетита! Девочки остались дома, чтобы помочь накрыть на стол и доделать разные последние мелкие дела, которые волновали их маленькие озабоченные души. Классная комната была закрыта с прошлого вечера, а мистеру Баэру было запрещено входить в нее под угрозой быть побитым Тедди. Малыш сторожил дверь, как маленький дракон, хотя почти умирал от желания немедленно все рассказать, и только героическое самоотверженное нежелание папы Баэра выслушать его, удержало грозного стража от того, чтобы выдать великий секрет.

— Все готово, и все совершенно великолепно! — воскликнула Нэн, выходя наконец из классной с торжествующим видом,

— Все идет отлично, а Сайлас знает, что теперь нужно делать, — добавила Дейзи, подпрыгивая на месте от восторга.

— Лучше этого я ничего не видел, помереть мне на этом месте! А уж в особенности эти существа... — говорил посвященный в тайну Сайлас, раздражаясь смехом как большущий мальчик.

— Они идут! Я слышу, Эмиль распевает во всю глотку "Вперед земля", так что нам пора бежать и одеваться, — воскликнула Нэн, и они бросились вверх по лестнице в большой спешке.

Мальчики вошли толпой с аппетитами, от которых задрожала бы большая индюшка на блюде, если бы для нее все страхи уже не были позади, и также удалились, чтобы одеться. Последовали полчаса умывания, причесывания и прихорашивания, которое было бы приятно видеть любому любящему аккуратность женскому сердцу. Когда прозвонил колокольчик, отряд свежеумытых пареньков с блестящими волосами, чистыми воротничками и в воскресных курточках, проследовал в столовую, где миссис Джо, в ее единственном черном шелковом платье, с букетиком ее любимых белых хризантем на груди, сидела во главе стола, и "выглядела потрясающе", как говорили мальчики каждый раз, когда она принаряжалась. Дейзи и Нэн напоминали цветущие клумбы в своих новых зимних платьях, с

яркими поясами и лентами в волосах. Тедди был великолепен в красной шерстяной блузе и в своих лучших ботинках на пуговицах, которые занимали его и отвлекали от всего остального так сильно, как напульсники мистера Тутса^[46] в одном достопамятном случае.

И глядя друг на друга с концов длинного стола, вдоль этих рядов счастливых лиц по обе стороны от них, мистер и миссис Баэр сами произносили про себя благодарственную молитву без слов, так как одно сердце говорило другому:

— Наша работа увенчалась успехом, будем благодарны и продолжим свои труды.

В первые минуты стук ножей и вилок делал застольную беседу невозможной. Мэрианн с удивительным розовым бантом в волосах порхала вокруг, раздавая тарелки и разливая соус. Почти все внесли вклад в подготовку этого праздничного обеда, что делало его особенно интересным для пирующих, которые заполняли паузы замечаниями, относящимися к выращенным ими продуктам.

— Никогда не едал картофеля вкуснее, чем этот, — заметил Джек, получая четвертую печеную картофелину.

— Некоторые из моих трав есть в фаршировке индюшки, вот почему она такая аппетитная, — сказала Нэн, отправляя кусок в рот с огромным удовлетворением.

— Мои утки — высший сорт. Эйзи сказала, что никогда еще не готовила таких жирных уток, — добавил Томми.

— Наша морковь ужасно яркая, правда? А наши пастернаки будут еще красивее, когда мы их выкопаем, — вставил Дик, и Долли кивнул над косточкой, которую обсасывал.

— А в пирогах моя тыква! — выкрикнул Робби со смехом, который тут же оборвал, вернувшись к своей кружке.

— А в сидре есть яблоки, которые я собирал, — заметил Деми.

— А я собирал клюкву для соуса! — воскликнул Нат.

— А я орехи, — добавил Дэн, и так оно и шло вокруг всего стола.

— Кто придумал День Благодарения? — спросил Роб. Недавно переодетый в курточку и длинные брюки, он чувствовал новый для него мужской интерес к традициям своей страны.

— Посмотрим, кто может ответить на этот вопрос, — и мистер Баэр кивнул одному или двум своим ученикам, увлекавшимся историей.

— Я знаю, — сказал Деми, — этот праздник придумали Пилигримы^[47].

— Зачем? — спросил Роб, не спрашивая, кто такие Пилигримы.

— Я забыл, — и Деми поник.

— Они придумали его потому, что, переселившись в Америку, первое время очень бедствовали и голодали, а когда наконец получили хороший урожай, сказали: "Возблагодарим за это Господа", и устроили праздник, который называли Днем Благодарения, — сказал Дэн, которому нравилась история о мужественных и благородных колонистах, которые страдали за свою веру.

— Отлично! А я немного боялся, что ты не помнишь ничего, кроме сведений из естественной истории, — и мистер Баэр постучал слегка по столу, как бы аплодируя своему ученику.

Дэн заулыбался, а миссис Джо сказала сыну:

— Ну, ты все понял, Робби?

— Нет, не понял. Я думал *пилгрины*, это большие птицы, которые живут на ледяных скалах. Я видел их на картинке в книжке у Деми.

— Он имеет ввиду пингвинов, глупыш! — и, откинувшись на стуле, Деми рассмеялся вслух.

— Не смейся над ним, а лучше расскажи ему все, что знаешь, — сказала миссис Баэр, добавочной порцией клюквенного соуса утешая Роба, чья ошибка вызвала общую улыбку.

— Хорошо, — и, собравшись с мыслями, Деми сделал краткое сообщение о Пилигримах, которое заставило бы улыбнуться даже этих серьезных джентльменов, если бы они его слышали.

— Понимаешь, Роб, некоторым людям не нравилось жить в Англии, не нравился король или что-то в этом роде, так что они сели на корабли и уплыли в нашу страну, Америку. Но тут было полно индейцев, медведей и других диких зверей, и они жили в крепостях, и было им ужасно тяжело.

— Медведям? — спросил Робби с интересом.

— Нет, Пилигримам, потому что индейцы на них нападали. И еще им не хватало еды, и приходилось ходить даже в церковь с ружьями, и многие умерли. А сначала они выбросились со своих кораблей на скалу, и ее назвали Плимут^[48], и тетя Джо видела ее и даже трогала. Потом Пилигримы убили всех индейцев и разбогатели, и еще они вешали колдуний, и были очень набожными. Один из кораблей, на

которых они приплыли назывался "Мэйфлауэр", и еще они придумали День Благодарения, и теперь мы празднуем его каждый год, и мне он нравится. Пожалуйста, еще кусочек индейки.

— Я думаю, Деми будет историком: такой удивительный порядок и аккуратность в его отчете о событиях, — и дядя Фриц бросил смеющийся взгляд на тетю Джо, накладывая третий кусок индейки на тарелку наследника Пилигримов.

— Я думал, что в День Благодарения надо есть как можно больше. Но Франц говорит, что не следует этого делать даже сегодня, — и вид у Стаффи был такой, словно он услышал плохие вести.

— Франц прав, так что следи за своим ножом и вилкой и соблюдай умеренность, а иначе ты будешь не в состоянии помочь нам потом с сюрпризом, — сказала миссис Джо.

— Хорошо, я постараюсь следить, но все так много едят, и мне это нравится больше, чем соблюдать умеренность, — сказал Стаффи, которому были ближе расхожие представления о том, что День Благодарения надо отмечать, если уж не апоплексией, то хотя бы приступом несварения или головной боли.

— Теперь, мои пилигримы, развлекайтесь не слишком бурно до чая, так как этим вечером вас ждет немало волнений, — сказала миссис Джо, когда они поднялись из-за стола после продолжительного сидения, завершившегося тем, что все выпили сидра за здоровье каждого за столом.

— Я, пожалуй, возьму всех прокатиться. А ты, моя дорогая, сможешь пока немного отдохнуть, а то тебя совсем измотают за этот вечер, — добавил мистер Баэр. И как только пальто и шляпы были одеты, все погрузились в большой экипаж и отправились в долгую веселую поездку, оставив миссис Джо отдохнуть и спокойно закончить разные маленькие дела.

За ранним и легким чаем последовало новое причесывание и мытье рук, а затем все с нетерпением ждали гостей. Приехать должны были только все свои, так как эти маленькие празднества были строго домашними. И приехали все: мистер и миссис Марч, с тетей Мег, такой милой и прелестной, несмотря на черное платье и оборку маленького вдовьего чепца, обрамлявшую ее спокойное лицо — никакой печали не позволялось омрачать праздник, — и дядя Тедди с тетей Эми и Принцессой, больше чем когда-либо похожей на сказочную фею, в

небесно-голубом платье и с большим букетом оранжерейных цветов, которые она разделила между мальчиками, всунув по одному цветку в петлицу каждому, благодаря чему они почувствовали себя особенно праздничными и элегантными. Появилось на празднике и одно новое лицо, и дядя Тедди подвел незнакомца к Баэрам со словами:

— Это мистер Хайд; он спрашивал о Дэне, и я решил привезти его к вам сегодня, чтобы он мог посмотреть, каких успехов добился мальчик.

Баэры встретили его сердечно, ради Дэна, довольные, что их мальчика не забыли. Но, поговорив с гостем несколько минут, они уже были рады знакомству с мистером Хайдом, таким добрым, простым и интересным. Было приятно видеть, как оживилось лицо мальчика, когда он увидел своего друга, еще приятнее было видеть удивление и удовлетворение, с которыми мистер Хайд отметил изменившиеся манеры и внешность Дэна, и приятнее всего смотреть, как, сидя в уголке, забыв о разнице в возрасте, образовании и положении, эти двое беседуют о предмете, интересном для обоих, как мужчина и мальчик обмениваются мнениями и рассказывают, что произошло с ними за минувшее лето.

— Или представление начнется немедленно, или актеры уснут, — сказала миссис Джо, когда первые приветствия были позади.

Так что все прошли в классную и заняли места перед занавесом, сделанным из двух постельных покрывал. Дети уже исчезли, но приглушенный смех и забавные короткие возгласы за занавесом, выдавали их местонахождение. Представление началось с воодушевленного выступления гимнастов, под руководством Франца. Шестеро старших мальчиков, в голубых брюках и красных рубашках, демонстрировали силу мускулов, проделывая упражнения с гантелями и булавами под звуки фортепьяно, на котором играла за сценой миссис Джо. Дэн невероятно энергично действовал руками и ногами, так что существовала некоторая опасность, что он собьет с ног остальных выступающих, как кучу кеглей, или отправит свою булаву со свистом в зрителей — так сильно был он возбужден присутствием мистера Хайда и так горел желанием отдать должное своим учителям.

— Замечательный, умный, сильный мальчик. Если я соберусь в Южную Америку через год-два, у меня будет искушение попросить вас отпустить его со мной, мистер Баэр, — сказал мистер Хайд, чей

интерес к Дэну возрос еще больше после отзыва о нем, который он только что услышал от миссис Баэр.

— Мы охотно отпустим его с вами, хотя нам будет очень не хватать нашего юного Геркулеса^[49]. Общение с вами принесет ему огромную пользу, и я уверен, что он будет верно служить своему другу.

Дэн слышал и вопрос, и ответ, и его сердце дрогнуло от радости при мысли о путешествии в новую страну с мистером Хайдом и переполнилось чувством благодарности за искренние похвалы, вознаградившие его за усилия быть таким, каким хотели видеть его друзья.

После гимнастики, Деми и Томми продекламировали всем известный школьный диалог "За деньги и кляча поскачет". Деми декламировал довольно выразительно, но Томми — Томми был совершенно великолепен в роли старого фермера, подражая Сайласу с таким мастерством, что публика корчилась от смеха и даже сам Сайлас, из дверей холла наблюдавший вместе с Эйзи за представлением, так расхохотался, что Эйзи пришлось хлопать его по спине, чтобы он не задохнулся от смеха.

Затем Эмиль, успевший к тому времени отдышаться после гимнастических упражнений и переодеться в матросский костюм, пропел для них матросскую песню о "бурных ветрах" и "дальних берегах" с волнующим припевом "хей-хо", от которого звенело под сводами комнаты, после чего Нед исполнил забавный китайский танец, прыгая по сцене как большая лягушка в похожей на пагоду шляпе. Так как это было единственное публичное представление, устроенное в Пламфильде за последний год, были продемонстрированы и успехи учеников в устном счете, правописании и изучении иностранных языков. Джек изумил публику своими молниеносными расчетами на классной доске, Томми выиграл состязание в правописании, а Деми прочел маленькую французскую басню так хорошо, что дядя Тедди был очарован.

— Где же остальные дети? — спрашивали все, когда занавес опустился, а никто из младших так и не появился.

— Это сюрприз. Такой прелестный сюрприз, что мне жаль вас, так как вы пока ничего не знаете, — сказал Деми и ушел получить поцелуй от мамы, и остался при ней, чтобы объяснить тайну, когда она откроется.

Тетя Джо увела Златовласку, к великому удивлению ее папы, который совершенно превзошел мистера Баэра по части изображения недоумения и нетерпеливого желания узнать, "что же будет".

Наконец, после продолжительных шорохов, стука молотка и отчетливо доносившихся указаний режиссера, занавес поднялся под негромкую музыку, и перед взорами публики предстала Бесс, сидящая на табурете возле камина из коричневой бумаги. Более прелестной Золушки свет еще не видывал: совсем рваное серое платье, изношенные до последней степени крошечные туфельки, прелестное лицо под ярко-золотыми волосами и такая унылая поза, что можно было заплакать... так же, впрочем, как и улыбнуться, следя любящими глазами за маленькой актрисой. Она сидела совсем неподвижно, пока чей-то голос не прошептал: "Ну же, начинай!" — и тогда с забавным легким вздохом Золушка сказала: "Как я хотела бы пойти на бал!" Слова прозвучали так естественно, что ее отец бурно зааплодировал, а мать воскликнула: "Милочка ты моя!" Эти крайне неуместные выражения чувств заставили Золушку покачать головой и добавить, глядя на них с упреком: "Вы не должны говорить со мной!"

Тишина была немедленно восстановлена, и послышались три удара в стену. Золушка оглянулась в тревоге, но прежде чем вспомнила, что ей следует воскликнуть: "Что это?", задняя часть коричневого бумажного камина открылась как дверь, и через нее на сцену протиснулась фея-крестная. Это была Нэн, в красном плаще, остроконечной шляпе и с волшебной палочкой, которой она взмахнула, заявив очень решительно:

— Ты пойдешь на бал, моя дорогая.

— Тепель ты должна стянуть с меня это и показать мое класивое платье, — ответила Золушка, дергая за подол своего серого платья.

— Нет-нет, сначала ты должна сказать: "Как я могу пойти в таких лохмотьях?" — сказала Нэн своим собственным голосом.

— Ах да, — и Принцесса повторила вопрос, совершенно не смущаясь своей забывчивостью.

— Я превращу твои лохмотья в великолепное платье, потому что ты такая хорошая, — продолжила фея сценическим голосом и, неспешно расстегнув пуговицы на сером переднике, явила взорам великолепный наряд Золушки.

Маленькая Принцесса действительно была достаточно хороша, чтобы вскружить головы множеству маленьких принцев, так как ее мама нарядила ее как маленькую придворную даму, в розовое шелковое платье с атласной нижней юбочкой и прелестными букетиками, приколотыми тут и там. Крестная надела на голову Золушке корону, со свисающими розовыми и белыми перьями, дала ей пару туфельек из серебряной бумаги, которые та надела, чтобы тут же встать и с гордостью показать их публике, приподняв юбки:

— Хлустальные! Класиво, плавда?

Она была так зачарована ими, что совсем забыла свою роль, и ее с трудом удалось заставить сказать:

— Но у меня нет экипажа!

— Смотри! — и Нэн взмахнула своей волшебной палочкой таким широким жестом, что почти сшибла корону с головы Принцессы. И тут все увидели самую эффектную сцену спектакля. Сначала на пол упала веревка, которая тут же натянулась, когда послышался голос Эмиля: "Раз-два, дружно!" и ворчливый голос Сайласа в ответ: "Тише, тише!" Последовал взрыв смеха, так как на сцене появились четыре больших серых крысы, довольно неустойчиво державшиеся на ногах, с неправдоподобно длинными хвостами, но великолепными головами, на которых черные бусины сияли, как настоящие глаза. Они тянули — или скорее изображали, что тянут — великолепную карету, сделанную из половины гигантской тыквы, водруженной на колеса маленькой тележки Тедди, выкрашенной охрой под цвет яркого экипажа. Впереди, вознесенный на высокие козлы, сидел веселый маленький возница в белом ватном парике, треугольной шляпе, алых бриджах и кружевном камзоле. Он щелкал длинным кнутом и дергал за красные вожжи так энергично, что серые рысаки вставали на дыбы. Это был Тедди, и он так весело улыбался зрителям, что они заплодировали ему отдельно, а дядя Тедди сказал: "Если бы я мог найти такого внушительного кучера как этот, я тут же нанял бы его". Карета остановилась, фея усадила в нее Принцессу, и та укатила во всем своем великолепии, посылая воздушные поцелуи публике, со своими хрустальными туфельками торчащими впереди и розовым шлейфом метущим пол сзади, поскольку, несмотря на всю элегантность экипажа, приходится с сожалением отметить, что ее высочество еле в него влезла.

Следующая сцена изображала бал, и здесь появились Нэн и Дейзи, разряженные, как павлины, во всевозможных украшениях. Нэн была особенно хороша в роли гордой сестры и сокрушила презрительным взглядом множество воображаемых дам, когда расхаживала по бальной зале дворца. Принц сидел в одиночестве на довольно шатком троне, глядя вокруг из-под внушительной короны, поигрывая мечом и восхищаясь бантами на своих туфлях. Когда вошла Золушка, он вскочил и воскликнул, скорее с жаром, чем с учтивостью:

— Ого! Кто это? — и тут же повел ее танцевать, в то время как сестры бросали на них сердитые взгляды и важничали, стоя в углу.

Величественная джига^[50], исполненная маленькой парой, произвела большое впечатление. Детские лица были так серьезны, костюмы так яркие, а выделяемые па так нелепы, что танцующие выглядели как забавные маленькие фигурки, нарисованные на веере Ватто^[51].

Шлейф очень мешал Принцессе, а принц Роб несколько раз едва не упал, споткнувшись о свой меч. Но они замечательно преодолели эти препятствия и кончили танец с поразительной живостью и грацией, учитывая, что все это время ни один не знал, какое коленце выкинет другой.

— Урони туфельку, — прошептал голос миссис Джо, когда усталая дама уже собиралась присесть.

— Ох, я забыла, — и скинув одну из серебристых туфелек, Золушка заботливо положила ее в центре сцены, сказав Робу: — Тепель ты должен найти меня, — и убежала, в то время как Принц, подобрав туфельку, послушно засеменял вслед за ней.

Третья сцена, как все знают, та, где вестник Принца приходит примерять туфельку. Тедди, по-прежнему в костюме возницы, вошел, трубя мелодично в жестяной горн, и каждая из гордых сестер попыталась примерить туфельку. Нэн настаивала на том, чтобы отрезать себе пальцы на ногах ножом, и осуществила эту операцию так убедительно, что вестник был встревожен и умолял ее "остоложнее". Затем была призвана Золушка. Она вошла в своем сером переднике, сунула ножку в туфельку и объявила удовлетворением:

— Я пьинцесса!

Дейзи заплакала и стала просить прощения, но Нэн, выглядевшая как воплощение трагедии, решила внести свежий штрих в постановку

и упала в обморок прямо на пол, где и оставалась, наслаждаясь со всеми удобствами заключительной сценой пьесы, которая, впрочем, была недолгой. Принц вбежал, упал на колени и поцеловал ручку Золушки с большим жаром, в то время как вестник трубил в горн так, что чуть не оглушил публику. Занавес не смог упасть, так как Принцесса сбежала со сцены к своему папе, крича: "Хорошо я играла?", в то время как принц и вестник устроили дуэль, фехтуя жестяным горном и деревянным мечом.

— Это было великолепно! — сказал каждый, и когда восторги немного улеглись, на сцену вышел Нат со скрипкой в руке.

— Тише! Тише! — закричали все дети, и последовало молчание, так как что-то в робких движениях и просительном взгляде мальчика заставляло всех слушать благосклонно.

Баэры думали, что он сыграет какуюнибудь из старых, хорошо знакомых песен, но, к своему удивлению, услышали совершенно новую прелестную мелодию, сыгранную с таким чувством, что они едва могли поверить, что это играет Нат. Это была одна из тех песен без слов, что трогают сердце и говорят обо всех нежных надеждах и радостях, утешая и ободряя тех, кто внимает этой простой музыке. Тетя Мег опустила голову на плечо Деми, бабушка вытирала глаза, а миссис Джо обернулась к мистеру Лори и сказала чуть слышно, прерывающимся от волнения голосом:

— Это ты сочинил.

— Я хотел, чтобы мальчик отдал вам должное и поблагодарил вас по-своему, — ответил Лори, наклоняясь к ней, чтобы ответить.

Нат раскланялся и собирался уйти со сцены, но его вызвали на бис аплодисментами, и должен был сыграть еще раз. Он сделал это с таким счастливым лицом, что было приятно смотреть на него, так как он очень старался, а потом он играл им веселые старые мелодии, которые заставляли все ноги пуститься в пляс и делали спокойствие невозможным.

— Очистить палубу! — воскликнул Эмиль, и через минуту все стулья были отодвинуты, пожилые гости устроились безопасно в уголках, а дети собрались посередине.

— Помните, как нужно себя вести! — воскликнул Эмиль, и мальчики подскочили к дамам, старым и молодым, с вежливым приглашением "притопнуть", как выражался дорогой Дик

Суивеллер^[52]. Маленькие мальчики чуть не подрались из-за Принцессы, но она, добрая и благородная маленькая женщина, выбрала Дика, и позволила ему гордо вести ее в танце. И миссис Джо тоже не разрешили отклонить приглашение, а тетя Эми наполнила душу Дэна невыразимым восторгом, когда предпочла его Францу. Конечно, Нэн танцевала с Томми, а Дейзи с Натом, а дядя Тедди взял и пригласил Эйзи, которая горячо желала "поплясать" и была в восторге от оказанной ей чести. Сайлас и Мэрианн танцевали в одиночестве в холле, и около получаса в Пламфильде царил безудержное веселье.

Торжества завершились большой процессией, в которой участвовала вся молодежь, а во главе в карете из тыквы ехала Принцесса со своим улыбающимся возницей, и крысы пребывали в неистово оживленном состоянии.

В то время как мальчики и девочки наслаждались этим заключительным аккордом праздника, взрослые сидели в гостиной, беседуя о детях с живым интересом родителей и друзей.

— О чем ты думаешь, здесь в одиночестве, с таким счастливым лицом, сестра Джо? — спросил Лори, садясь рядом с ней на диван.

— Я думала, Тедди, о том, что я успела сделать за это лето, и развлекала себя, воображая будущее моих мальчиков, — ответила она с улыбкой, слегка отодвигаясь, чтобы освободить для него место.

— Я полагаю, все они станут поэтами, художниками, государственными деятелями, знаменитыми воинами или, по меньшей мере, крупными торговцами.

— Нет, я не так честолюбива, как прежде, и буду довольна, если они станут просто честными людьми. Но признаюсь, что ожидаю немного славы для некоторых из них, и неплохую карьеру. Деми — необычный мальчик, и я думаю, он расцветет и превратится в хорошего и большого, в лучшем смысле слова, человека. Надеюсь, что и другие добьются многого, особенно мои последние два мальчика. После того как я послушала сегодня игру Ната, мне, право, кажется, что он гений.

— Слишком рано судить об этом, но талантом он бесспорно обладает, и нет сомнения, что скоро мальчик сможет прокормить себя, занимаясь работой, которую любит. Трудись над ним еще год или два, а потом я сниму с тебя заботу о нем и помогу ему подготовиться к карьере музыканта.

— Это очень приятная перспектива для бедного Ната, который пришел ко мне шесть месяцев назад такой одинокий и заброшенный. Будущее Дэна уже ясно для меня. Мистер Хайд скоро пригласит его к себе, и я намерена послать к нему смелого и верного помощника. Дэн — из тех, что могут служить верой и правдой, если им платят любовью и доверием, и он обладает достаточной энергией, чтобы самому проложить себе путь в жизни. Да, я совершенно счастлива, что мы добились такого успеха в воспитании этих мальчиков, один из которых так слаб характером, а другой так буен. Оба заметно изменились к лучшему, и оба подают большие надежды.

— В чем секрет твоего успеха, Джо?

— Я просто люблю их и даю им ясно понять это. Фриц делает остальное.

— Добрая душа! Но вид у тебя такой, что это "просто люблю" оказывалось иногда для тебя довольно тяжелой работой, — заметил Лори, ласково касаясь ее худой щеки и останавливая на ее лице взгляд, полный нежного восхищения, более глубокого, чем в те годы, когда они оба были молоды.

— Я поблекшая старушка, но я очень счастлива, так что не жалею меня, Тедди, — и она огляделась вокруг с искренним удовлетворением.

— Да, ты претворяешь свой план в жизнь лучше и лучше с каждым годом, — сказал он, указав выразительным кивком головы на картину общего веселья перед ними.

— Как мог мой план потерпеть неудачу, когда я получаю от вас столько помощи? — ответила тетя Джо, глядя благодарно на самого щедрого покровителя ее школы.

— Твоя школа и ее успех — лучшая шутка в семье. Все это так непохоже на будущее, которое мы планировали для тебя, и однако это именно то, что подходит тебе больше всего. Это была вдохновенная мысль, Джо, — сказал Лори, избегая, как всегда, ее благодарностей.

— Да, но ты смеялся сначала над моим планом и продолжаешь потешаться надо мной и моими "вдохновенными мыслями". Разве ты не предсказывал, что я потерплю ужасную неудачу, если попытаюсь учить вместе девочек и мальчиков? А теперь взгляни — какой замечательный результат, — и она указала на веселую группу

мальчиков и девочек, поющих и болтающих вместе, как самые добрые друзья.

— Признаю свою ошибку, и когда моя Златовласка подрастет, непременно пришлю ее в твою школу. Могу ли я найти более убедительный комплимент?

— Я буду счастлива, если ты доверишь мне твое маленькое сокровище. И, право же, Тедди, не приходится сомневаться, что девочки оказали самое благотворное влияние на всех учеников моей школы. Я знаю, ты будешь смеяться надо мной, но мне все равно, я привыкла к этому, и потому откровенно скажу тебе, что мне приятно смотреть на мою семью, как на маленький мир, следить за тем, как развиваются мои маленькие мужчины, а в последнее время и наблюдать, как замечательно действует на них общество моих маленьких женщин. Дейзи в своей стихии, когда занимается домашним хозяйством, и все мальчики чувствуют очарование ее тихих женственных манер. А неутомимая, энергичная, сообразительная, Нэн восхищает их своей храбростью, и они согласны дать ей шанс проявить ее волю, поскольку видят, что она не только сильна духом, но и отзывчива и обладает способностью сделать немало хорошего в их маленьком мире. Твоя Бесс — маленькая леди, она полна природной утонченности, грации и красоты. Сама о том не подозревая, она наводит лоск на манеры мальчиков и выполняет предназначение всякой прелестной женщины — облагораживать окружающих и помогать им встать выше грубой прозы жизни. Она делает их джентльменами в лучшем смысле этого прекрасного старого слова.

— Должен заметить, Джо, что не всегда это лучше всего удастся утонченным леди. Иногда нужна сильная смелая женщина, чтобы сделать из мальчика настоящего мужчину, — и Лори поклонился ей с многозначительной улыбкой.

— Нет, я думаю, что утонченная леди, ставшая женой того мальчика, которого ты имеешь в виду, помогла ему гораздо больше, чем буйная Нэн его юности. А еще больше сделала для него мудрая, по-матерински заботливая женщина, которая следила за ним, как Дейзи следит за Деми, и помогла ему стать таким, каков он теперь, — и Джо обернулась к своей матери, которая сидела чуть поодаль, беседуя с Мег. Все в этой пожилой женщине было так полно чарующего достоинства и величественной красоты старости, что Лори,

глядя на нее с сыновним уважением и любовью, ответил прочувствованно:

— Все три сделали очень много для меня, и я хорошо понимаю, как много твои девочки делают для твоих мальчиков.

— Не больше, чем мальчики для них! Уверяю тебя, польза тут взаимная. Нат очень помогает Дейзи своей музыкой, Дэн умеет убеждать Нэн лучше, чем любой из нас, а Деми учит твою Златовласку, всему что умеет и знает сам, так просто и хорошо, что Фриц называет их Роджер Аскем и леди Джейн Грей^[53]. Ах! Если бы мужчины и женщины всегда доверяли и помогали друг другу, как мои дети, каким бы чудесным местом для жизни был бы этот мир! — и глаза миссис Джо затуманились мечтой, словно она уже видела вдали изменившееся к лучшему общество, в котором люди живут так же счастливо и добродетельно, как ее ученики и ученицы в Пламфильде.

— Моя дорогая, вы делаете все, что в ваших силах, чтобы приблизить это прекрасное будущее. Продолжай верить в свою мечту, трудиться ради нее и доказывать возможность ее осуществления успехом своего маленького эксперимента, — сказал мистер Марч, который проходил мимо и приостановился рядом с ней, чтобы сказать ободряющее слово, ибо хороший человек никогда не теряет свою веру в человечество и неизменно надеется увидеть, как воцарятся на земле мир, добрая воля и счастье.

— Я не так честолюбива, папа. Я лишь хочу дать этим детям родной дом, где они смогут получить простые, но очень необходимые знания и умения, которые помогут им сделать свою и чужую жизнь легче и радостнее, когда для них придет время вступить в битву с повседневными трудностями в нашем пока еще несовершенном мире. Честность, храбрость, трудолюбие, вера в Бога, в других людей и в самих себя — вот все, что я хочу видеть в них.

— Это и есть все, что нужно. Дай им эти знания и умения, а затем пусть они возьмутся за дело своей жизни, как это подобает настоящим мужчинам и женщинам, и независимо от того, ждет ли их на этом пути успех или неудача, они, я думаю, всегда будут помнить и благословлять вас, мои добрые сын и дочь! — И со взглядом, который был как благословение, мистер Марч подал руку Джо и подошедшему к ним в эту минуту профессору.

Когда Джо и ее муж остались вдвоем и с улыбкой беседовали вполголоса, чувствуя, что похвала мистера Марча — лучшее свидетельство того, что их работа сделана хорошо, Мистер Лори незаметно удалился в холл, шепнул словечко детям, и неожиданно все они высыпали в комнату, взялись за руки и завели хоровод вокруг папы и мамы Баэр, счастливо распевая:

Лето пролетело
В радостных трудах,
Урожай богатый
В наших закромах.

Пир у нас на славу,
Радость, песни, смех.
В День Благодаренья
Угощаем всех.

Ну, а самый лучший
Урожай благой
Господу на радость
Вызрел в нас с тобой.

Папа с мамой знали
Как его растить,
Их за это будем
Век благодарить..

С этими последними словами веселый хоровод стал теснее, и вскоре добрый профессор и его жена очутились в объятиях множества юных рук, в окружении яркого букета смеющихся юных лиц, и все чувствовали, что самое чудесное растение укоренилось и прекрасно расцвело во всех маленьких садиках. Ибо любовь — цветок, что растет в любой почве, не боясь ни осенних заморозков, ни зимних

снегопадов, и цветет, яркий и душистый, круглый год, радуя тех, кто дарит его, и тех, кто принимает этот дар.

notes

1

Крикет — игра на травяном поле, в которой участники двух команд ударами биты по мячу стараются большее число раз загнать его в ворота противника.

"Деми-" — приставка, означающая "полу", "частично".

3

От английского слова *stuff* — жадно есть, обедаться; одновременно *stuffy* может означать "скучный, неинтересный" или "сердитый, надутый".

4

Протеже — человек, находящийся под чьим-либо покровительством.

Кид, Уильям (1645 — 1701) — шотландский мореплаватель, морской разбойник.

6

Хорнпайп — английский матросский танец.

Коммодор — в Англии и США — командир соединения кораблей, не имеющий адмиральского звания.

Пифагор (6 в. до н. э.) — древнегреческий философ и математик.

Христофор Колумб (1451 — 1506) — итальянский мореплаватель, состоявший на службе испанской монархии; считается первооткрывателем Америки.

Кастор и Поллукс — в древнегреческой мифологии близнецы, известные как Диоскуры (букв. "сыновья Зевса") и знаменитые своей братской любовью. Из двух братьев только Поллукс обладал бессмертием, но проводил дни поочередно с богами на Олимпе и со своим смертным братом Кастором в подземном царстве умерших душ.

Известная порода крупного рогатого скота, первоначально выведенная на Нормандских островах, расположенных в проливе Ла-Манш

Аллегория — иносказание; словесная аллегория характерна для басен и сказок; в изобразительном искусстве — аллегория представляет собой выражение отвлеченного понятия при помощи конкретного образа.

"Гарри и Люси" — повесть для детей ирландской писательницы Марии Эджуорт(1767 — 1849).

"Роланд и Майберд" — сказка из сборника братьев Якоба (1785 — 1863) и Вильгельма (1786 — 1859) Гримм, известных собирателей немецких сказок.

"Синдбад-мореход" — одна из восточных сказок сборника "Тысяча и одна ночь".

"Жизнь и приключения Робинзона Крузо" — роман английского писателя Даниэля Дефо (1659 — 1731).

Мальчуган, малыш (нем.)

Эркер — полукруглый или многогранный выступ в стене, освещенный окнами.

Мэри Хауитт (1799 — 1888) — английская поэтесса.

Колизей — амфитеатр в древнем Риме, на арене которого проходили кровавые бои гладиаторов. Гладиаторами были рабы, военнопленные, осужденные по суду и т. д., специально обученные сражаться между собой или с дикими зверями на потеху зрителям

Мадж Уайлдфаер — красивая, но взбалмошная девушка, героиня романа английского писателя Вальтера Скотта (1771 — 1832) "Эдинбургская темница".

"Мальчики Крофтон" (1865) — повесть для детей английской романистки Гарриет Мартино (1802 — 1876). Гарриет Мартино была автором нескольких серий книг для детей, ряда романов для взрослых, но больше известна как автор книг по истории, экономике, социологии. Несмотря на проявившиеся еще в детстве глухоту и тяжелое заболевание сердца, она оказалась в рядах самых выдающихся английских интеллектуалов своего времени и активно проповедовала взгляды Унитариятской церкви, к которой принадлежала.

Юпитер — в древнеримской мифологии — верховный бог неба, громовержец, разъезжавший по небу на колеснице.

Речь идет о жуках скарабеех. Эти жуки из семейства пластинчатоусых считались священными в древнем Египте; фигурки таких жуков служили у египтян амулетами и печатями.

Вигвам — хижина североамериканских индейцев.

Вампум — бусы из ракушек у североамериканских индейцев, употреблялись как заменитель денег; вышивки такими бусами иногда употреблялись для записей.

По созвучию с "bear-garden" — медвежий садок, место травли медведей или, в переносном смысле, шумное сборище.

Фемистокл (525 — 460 гг. до н. э.), Аристид (530 — 468 гг. до н. э.) и Перикл (495 — 429 гг. до н. э.) — афинские политические деятели периода войн с персами. В частности, Перикл был инициатором многих строительных проектов восстановления Афин после войн.

Северо-западный морской путь — проход для кораблей вдоль арктического побережья Канады и Аляски, соединяющий Атлантический и Тихий океаны.

Сассафрас — американский лавр, размножается корневыми отпрысками; кора корней содержит много эфирных масел.

Ритцио, Давид (1533–1566) — итальянский музыкант, в 1564–66 гг. личный секретарь Марии Стюарт (1542 — 1587), королевы Шотландии (1542–1567).

Миссис Корнелия Блимбер — чопорная директриса школы в романе английского писателя Ч. Диккенса (1812 — 1870) "Домби и сын".

Каустик, каустическая сода — едкий натр, химический продукт, широко применяемый в хозяйстве и промышленности.

Дамон и Питиас (Финтий) — герои древнеримского сказания, дружба которых стала легендарной. Питиас, участвовавший в восстании против Дионисия, тирана Сиракуз, был приговорен к казни. Дамон предложил свою жизнь в залог за то, что Питиаса отпустят на один день, чтобы он мог сделать необходимые дела. Питиас вернулся ко времени, назначенному для казни. Дионисий, пораженный их верной дружбой, смягчился и отпустил обоих.

Колосс — исполинская медная статуя древнегреческого бога солнца — Гелиоса, поставленная в гавани острова Родос в 280 г. до н. э. В переносном смысле, предмет или существо громадной величины или роста.

Семирамида — легендарная Ассирийская царица, основательница города Вавилона, славившаяся мудростью и красотой.

NB — nota bene (лат.); букв, "хорошо заметь"; отметка, служащая для того, чтобы обратить внимание на какую-либо часть текста книги или документа.

Бушель — мера объема сыпучих тел в США; составляет чуть более 35 литров.

Лукулл, Луций Лициний (110 — 57 г. до н. э.) — древнеримский полководец, славившийся роскошью и устраивавший необыкновенно богатые пиры.

Панегирик — хвалебная речь.

Нельсон, Горацио (1758 — 1805) — британский адмирал; знаменит своим участием в войнах с наполеоновской Францией, особенно в битве при Трафальгаре, в которой погиб.

В оригинале игра слов: имя Нат (сокращенная форма имени Натаниэль) и слово gnat (комар, мошка) произносятся одинаково.

Речь идет о гражданской войне между Севером и Югом США (1861 — 1865), когда конфедерация южных штатов объявила о выходе из США (поэтому сторонников конфедерации называли "мятежниками"). Вооруженные формирования южан носили форму серого цвета, а северян — синего.

"Оливер Твист" — роман английского писателя Ч. Диккенса (1812 — 1870).

"Не знаю, отчего я так печален" (нем.)

Мистер Тутс — один из героев романа английского писателя Ч. Диккенса (1812 — 1870) "Домби и сын".

Пилигримы — группа английских религиозных сепаратистов, неудовлетворенных результатами реформации Англиканской церкви и переехавших в начале 17 века в Северную Америку, чтобы свободно исповедовать свою религию.

Плимут — место высадки колонистов, прибывших в Америку на корабле "Мэйфлауэр". Здесь находилось первое поселение, основанное английскими пилигримами в 1620 г. В настоящее время в расположенном поблизости от мыса Плимут одноименном городке находится музей Пилигримов, в котором можно увидеть точную копию корабля "Мэйфлауэр".

Геркулес — латинское название древнегреческого мифического героя Геракла, отличавшегося необыкновенной силой; в переносном смысле, силач, атлет.

Оживленный английский танец трехдольного размера, не имеющий строго установленных ритмических движений.

Ватто, Жан Антуан (1684 — 1721) — французский живописец и гравёр; на своих живописных полотнах и изделиях декоративно-прикладного искусства изображал картины жизни французской аристократии периода рококо (стиль в архитектуре и декоративном искусстве, возникший в начале 18 века).

Дик Суивеллер — один из героев романа английского писателя Ч. Диккенса (1812 — 1870) "Лавка древностей".

Аскем, Роджер (1515 — 1568) — английский ученый и писатель, наставник английской королевы Елизаветы I (1533 — 1603) и принцессы леди Джейн Грей (1537 — 1554)..